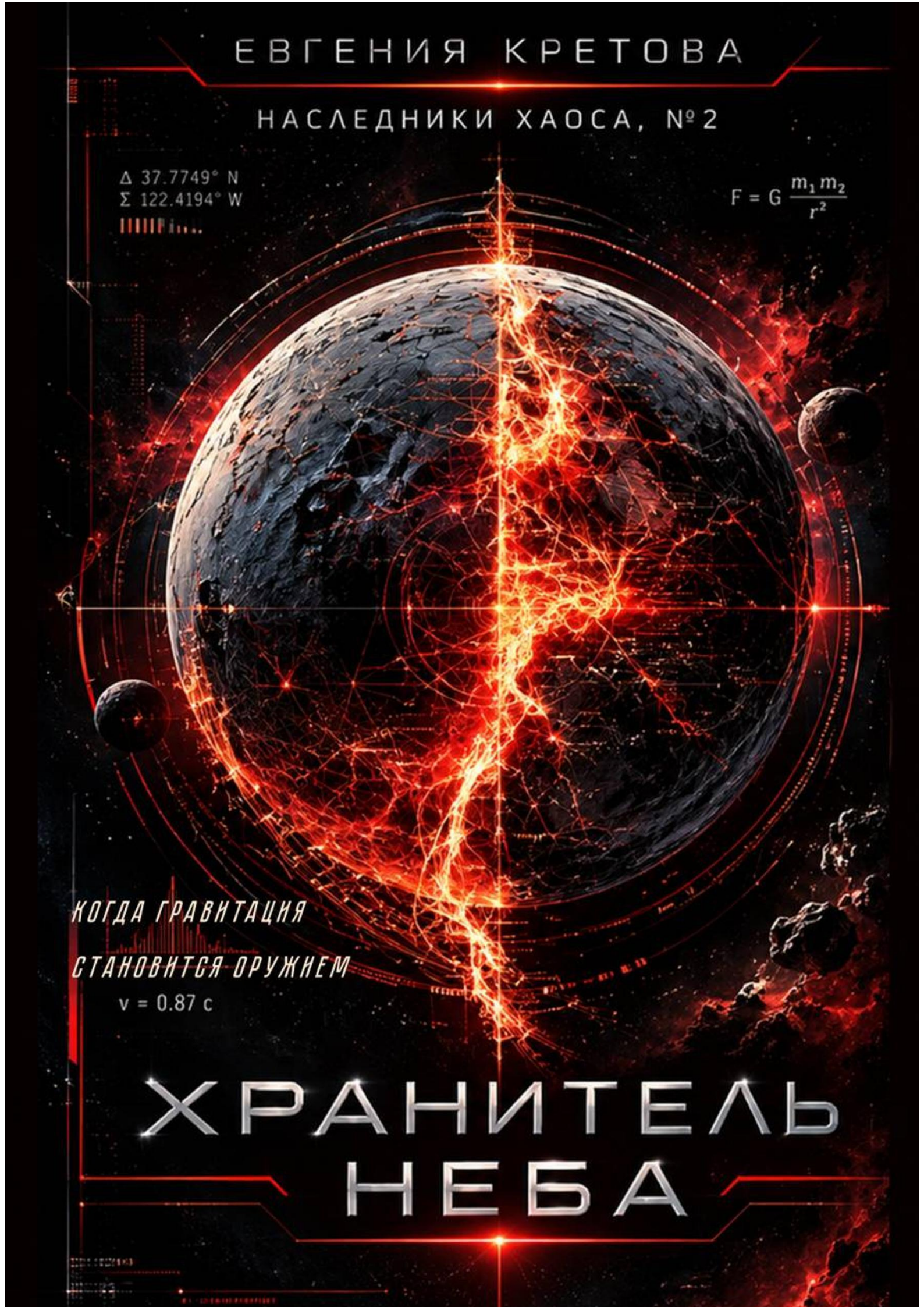
ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА
НАСЛЕДНИКИ ХАОСА, №2
Δ 37.7749° N
Σ 122.4194° W
$F = G \frac{m_1 m_2}{r^2}$
КОГДА ГРАВИТАЦИЯ
СТАНОВИТСЯ ОРУЖИЕМ
v = 0.87 c
ХРАНИТЕЛЬ НЕБА

Евгения Кретова

Хранитель неба

«Автор»
2026

Кретова Е.

Хранитель неба / Е. Кретова — «Автор», 2026

Он воровал чужие тайны. Теперь охотится за тайнами древних.Хаско Болл — бывший вор, а ныне сотрудник галактической службы безопасности. У него ангельское лицо, железный характер и репутация человека, которому нельзя верить до конца. Но когда требуется тот, кто способен договориться с кем угодно — и предать кого угодно, — выбор падает именно на него. Галактика трещит по швам — рвутся гравитационные нити, исчезают корабли, находят суда с выпотрошенными экипажами, — именно ему поручают собрать команду из тех, кому нечего терять: девушку-навигатора, боящуюся креонидян, сановника, променявшего трон на штурвал, и корабль-биоген, чей разум сложнее, чем кажется.Их цель — архивы древней расы, пережившей прошлую катастрофу и отказывающейся говорить. Их путь лежит за пределы Единой Галактики. Но чем ближе разгадка, тем очевиднее: кто-то очень не хочет, чтобы правда вышла наружу. И этот кто-то уже рядом.Для поклонников фантастики с политическими интригами и древними тайнами.

© Кретова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть 1. «Эррониус» 7
1 7
2 13
3 15
4 16
5 18
6 21
7 25
8 28
9 36
10 40
11 43
12 46
13 48
14 53
15 56
16 60
17 62
18 64
19 67
20 69
21 70
22 72
23 77
24 83
25 85
26 89
27 92
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Евгения Кретова
Хранитель неба

Евгения Кретова
Наследники Хаоса-2. Хранитель неба

Пролог

Катастрофа назревала постепенно.

Черным гнойником она пульсировала в толще мироздания, сжималась и искривлялась. Ткань бытия растягивалась. Она скручивалась спиралью и изнывала под тяжестью гравитации. Медленно, заметно лишь для Создателя, она рвалась. Он не вмешивался — с любопытством наблюдал, как разворачивается дерзкий замысел его творений.

Галактики мчались через пространство, едва касаясь друг друга краями широких рукавов, и их движение напоминало танец влюбленных. Они тянулись друг к другу приливными волнами, искривляли пространство, обнимали — и рождали тонкие мосты между островами звезд. Робкий вальс, что разжигал их сердца.

Музыка ускорялась, в ней появлялись страсть и нетерпение. Черный пузырь набухал, расправлял могучие серебристо-алые потоки. Пустота стонала, но скручивалась все туже. Неловкое касание — и вспыхнули огненные протуберанцы. Гравитация сжалась кровавым пузырем и замерла на мгновение, покачиваясь в хрупком и неверном равновесии.

Создатель перестал дышать.

Мгновение, сбой ритма… мольба. И все рухнуло.

Словно осколки разбитых бокалов, разлетающихся по танцполу, неслись звезды, выброшенные взрывом в пустоту. Звездная пыль вспыхнула чудовищным светом. Сверхновые загорались одна за другой, будто хрустальные люстры. Их джеты прошивали пространство насквозь.

Материя взвыла. Гравитация металась фурией, сминала миры и крушила системы.

На ноль делить нельзя — это известно даже школьникам. Но и это правило перестает действовать, если ты — всепоглощающий хаос, веками копивший мощь и наконец вырвавшийся на свободу.

Пустота гудела и закипала бурым варевом. Черная волна, словно сорвавшийся с цепи пес, неслась к окраинам галактик. Волна подминала под собой звезды, срывала планеты с орбит и перемалывала их в пыль. Тех, которым не повезло еще больше, выбрасывала за пределы галактик, обрекая на вечные странствия. Гравитация бушевала, стенала и разрывалась.

Ее стон был слышен во всех уголках Вселенной. Но вскоре стих и он, оставив после себя только то, что невозможно разрушить — память.

Часть 1. «Эррониус»

1

Центральная гравитационная магистраль, сектор Кси,
Деймос, база «Эррóниус»
//координаты засекречены //

07-15 по среднегалактическому времени

Высокий и чрезвычайно прямой человек, изрядно за сорок, в черной лаконичной форме, идеально сидевшей на худых плечах, сидел спиной к интерактивному табло, на котором, будто цветок таахиры, распускалась галактика Млечный Путь. Мужчина был клириканцем. Он был сух, строг и неприветлив, как и все представители его расы, а еще немного напоминал коршуна, обнаружившего свою добычу. Его руки с темными ногтевыми пластинами лежали на чистом рабочем столе, лишь изредка в нетерпении барабаня подушечками пальцев по гладкой поверхности. Сейчас он наблюдал, как молодой креонидя́нин вошел в его кабинет — предельно осторожные движения, напряженная спина и отрешенный взгляд сквозь полуопущенные веки. Парень так и не научился ему доверять… Начальник службы безопасности Суóмо ватта́р Легри́д усмехнулся: что ж, это взаимно — он сам так и не понял, кому служит этот обаятельный прохвост на *самом деле*.

Их первая встреча произошла пять лет назад. Этого юношу, в личном деле которого значилось имя Ха́ско Дела́увер Болл, назначили в возглавляемое Суомо ведомство по личной протекции начальника криминальной полиции господина Тиль Теона. Личное дело креонидянина пестрело многочисленными проделками, из которых отчетливо следовало, что Хаско Болл — профессиональный вор, воспитанный орденом Мейданы в лучших традициях древней монашеской организации. Что связывало его с Теоном, отчего тот за него хлопотал? Любопытство подстегнуло Легрида не препятствовать назначению и пригласить парня на личную встречу.

Ее он проигрывал в памяти до сих пор.

***

В тот день Хаско Болл, оказавшись в кабинете шефа по безопасности Суомо Легрида, вел себя вызывающе уверенно. Без колебаний и не дожидаясь официального приглашения занял кресло для посетителей, расположенное напротив стола хозяина кабинета, удобно устроился и огляделся, позволяя себя рассмотреть. Креонидянин с ангельским лицом и железным характером, взращённым в кельях Мейданы, так неожиданно перешедший на сторону правопорядка — Суомо Легрид наблюдал за ним с настороженным интересом и его вертикальный рептилоидный зрачок почти растворился в изумрудно-золотой радужке.

Парень был молод, чуть больше двадцати лет или успешно скрывал свой подлинный возраст. Тонкая, искрящаяся серебром, кожа; белые волосы, спадающие по плечам, были чуть темнее, чем обычно случается среди представителей его народа; запястья тонкие, почти девичьи. И пальцы ловкие, такие вытащат из кармана кошелек — ты и не заметишь. Из личного дела Суомо знал: парень мог быть жесток, это заложено в каждом отпрыске Креониды: высокий болевой порог и почти детское любопытство вкупе со вседозволенностью, делали креонидян превосходными и затейливыми палачами. И этот парень, судя по всему, прошел все круги ада там, в кельях Мейданы: в его медицинской карте значилось два шрама чуть ниже ребер…

Легрид знал, что такого субъекта удержать страхом не получится. Он будет верен тебе только в том случае, если захочет этого сам.

— Ну и что Теон от вас ждет? — спросил Легрид без обиняков, не утруждаясь приветствием.

Он сразу дал понять, что знает о разговоре главы криминальной полиции и о его страстном намерении подмять под себя галактическую службу безопасности. Что ж, было бы даже странно, если бы Суомо оказался не в курсе. Хаско, безмятежно разглядывающий интерактивные панно на стенах хозяина кабинета, перевел на него взгляд, лукаво улыбнулся:

— Не от меня, а от вас. Я всего лишь инструмент в его руках.

У Легрида изогнулась бровь, клириканец скептически хмыкнул.

— И насколько послушный инструмент достался Теону?

Хаско спокойно выдержал его взгляд: уголки губ дрогнули, а в полумраке серебристо-серых глаз теплилась обскурова темнота, от которой Легриду стало не по себе. Она тянулась к нему, касалась ледяными щупальцами его лица, медленно оседая под сердцем навязчивым страхом — он ни за что не справится с этим парнем, если случится встать против него. Легрид поежился.

Со стороны, если бы у этого разговора обнаружился сторонний наблюдатель, могло показаться, что эти двое ведут дружескую светскую беседу о погоде или о последней моде на креодиски, закрепленные к нагрудному карману. Начальник службы безопасности ждал ответа на поставленный вопрос , он определенно никуда не торопился, с удовольствием отдаваясь беседе и позволяя собеседнику выставить приоритеты. Ведь именно от них зависело, чем будет заниматься человек Теона в ведомстве Суомо Легрида.

Хаско разомкнул губы:

— Скажем так, я не намерен играть против вас, господин Легрид. Но не забуду и про то, что господин Теон *первый*в Единой Галактике поверил в меня.

— Скверно, — Легрид вздохнул. Его собеседник изогнул бровь, ожидая пояснений.— Скверно, что у вас, господин Болл, такая установка, — с ней мне будет сложно с вами договориться.

— А это потребуется?

— Уверен, что так… Видите ли, Делаувер… У нас с вашим покровителем… не совсем ровные отношения: господин Теон, знаете ли, скорее политик, чем следователь, а потому то и дело оказывается на моей территории, интригуя и расставляя своих людей, смешивая карты или инициируя разбирательства. И… его деятельность не всегда идет на пользу безопасности Единой галактики, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Как ни странно, господин Теон примерно о том же мне и говорил, упоминая вас. Буквально слово в слово… И теперь я понимаю, в чем проблема…

Легрид усмехнулся:

— В самом деле? Просветите меня.

— Вы делаете одну и ту же работу, но разными методами, и вам не хватает точек коммуникации. Так что я вам обоим просто необходим. Как минимум в качестве той самой точки коммуникации…

Клириканец застыл: удивление от самонадеянной наглости этого юнца на некоторое время лишило его дара речи, в груди уже закипало раздражение, а резкий ответ был готов сорваться с губ, когда перед глазами вспыхнула строчка из личного дела Болла. «Орден Мейданы предлагал вознаграждение в сто пятьдесят тысяч тумаров за возвращение Хаско в лоно ордена». Сумма слишком значительная, чтобы разбрасываться ею за рядового воспитанника и простого вора. Обскурова темнота на дне глаз Хаско зашевелилась.

И Легрид рассмеялся в голос, по-мальчишески запрокинув голову и отдаваясь веселью полностью и без остатка: этот парень определенно стоит тех денег, на которые был готов пойти

Орден, чтобы вернуть его обратно. «Надо будет поблагодарить Теона за такой «подарочек», — отметил он про себя и, прекратив наконец смеяться, посмотрел на Хаско совсем иначе – с почти детским любопытством.

— Хорошо, раз так… Мне стоит держать с вами ухо востро, Делаувер?

— Я предпочитаю имя, данное мне матерью, — Хаско чуть склонил голову. Белые волосы рассыпались по плечам, на мгновение спрятав выражение лица молодого вора. — Так, как зовете меня вы, называют меня те, с кем наши пути расходятся.

Легрид кивнул, поняв намек:

— Я запомню… Так что, Хаско, какие условия для работы предлагаешь мне *ты*?

Он сложил руки перед собой и был готов к почти любому сюрпризу. Молодой креонидянин, бывший вор, хотя опыт начальнику службы безопасности подсказывал, что воры не бывают бывшими, а страсть утащить то, что плохо лежит, совсем не лечится. При этом плохо может лежать не только вещь, но и информация, что гораздо опаснее. Но в который раз решил дать миру — и вот этому парню, сидевшему перед ним с невозмутимым видом девственницы, впервые увидевшей брачное ложе, — шанс. Хаско медлил.

— Вы хотите узнать, в какой степени вы можете на меня положиться? — молодой креонидянин слабо улыбался, в его глазах искрился интерес. Дождавшись, чтобы Легрид кивнул на его вопрос, продолжил: — Я не враг вам и постараюсь быть полезен. Но я всегда буду служить интересам государства, нанявшего меня.

Суомо Легрид, сохраняя всю ту же заинтересованность на смуглом лице, подался вперед. Его локти уперлись в стол, пальцы сплелись в замок. Он вперил в Хаско взгляд серебристых рептилоидных глаз, зрачок его сузился, почти растворившись в радужке.

— Меня волнует немного не это… — признался он. — Меня волнует возможный конфликт интересов между мной и господином начальником криминальной полиции. Как поступите вы, если обнаружите что-то, порочащее вашего рекомендателя?

Он был доволен — ему удалось удивить парня. Но тот слишком быстро понял, что слова о возможных черных пятнах на биографии обожаемого им Тиль Теона — блеф.

Хаско тоже подался вперед, только в его действии не было угрозы, а скорее наоборот — желание продолжить доверительное общение. Он даже голос понизил для этого.

— То есть вы всерьез думаете, что у господина Теона найдется порочащая его тайна и кто-то из нас с вами доберется до нее? — Он снова выпрямился, удобно прислонившись к спинке высокого кресла, положил локти на подлокотники, сцепил пальцы в замок. — В таком случае вы плохо знаете господина Теона.

— Вы так верите в его непорочность?

Креонидянин скривился:

— Как раз наоборот… Сколько вы в службе безопасности, господин Легрид? Лет десять, верно? И, предположу, все эти годы вы старательно ищете компромат на начальника криминальной полиции. И используете для этого все свои связи, агентуру, сомнительные методы и полулегальные технологии. Раз вы с вашим профессионализмом, возможностями и страстным *желанием*, не нашли ничего, стоящего внимания, то не стоит ли предположить, что Теон чист, как слезы младенца? А значит, никакого конфликта интересов у нас с вами быть не может.

Взгляд Легрида стал холодным, губы вытянулись в тонкую строгую линию.

— Не вздумайте играть со мной, Делаувер.

— Я приму ваше предупреждение к сведению, — Хаско почтительно склонил голову и блеснул глазами

Суомо медленно перевел дыхание. Доброжелательность таяла на его лице, обостряя хищные скулы и внимательный взгляд. Игры в благодушие закончились. Он отвел глаза и посмотрел куда-то в сторону, в задумчивости побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо. Для начала я направлю вас в госархив. Вам надлежит изучить поступления за прошедшие три года и выбрать из них те, что привлекут ваше внимание.

Хаско слушал внимательно, кажется, он затаился, пытаясь прочитать между строк, уловить несказанное. Но когда Суомо Легрид замолчал, все-таки с удивлением поднял на него взгляд и переспросил:

— Это все указания?

— На данный момент – да. Я умышленно не буду уточнять, по какому делу я привлекаю вас. Мне нужен ваш свежий взгляд на происходящее в Единой Галактике. Вы можете систематизировать данные по вашему усмотрению, можете выделять общие черты и противоречия. Но вы не можете запрашивать какие-либо уточнения и любым иным способом привлекать внимание к заинтересовавшей вас документации. Официально – вы молодой сотрудник с мониторинговой миссией.

Хаско помолчал. Интерактивные инсталляции на стенах кабинета источали бледно-голубой свет, добавляя серебра волосам креонидянина, обостряя его черты. Он понимал серьезность задания, а потому не мог не задать вопрос:

— Вы тоже замечаете, что что-то происходит?

Легрид отозвался уклончиво:

— Скажем так, я отмечаю кое-какие странности в происходящем, но пока списываю их на собственную паранойю. Прежде чем действовать, мне нужен свежий взгляд. Ваш для этого вполне подходит.

***

Сегодня Хаско Болл явился с докладом после трехнедельной миссии в сектор Лебедя. Судя по мрачному виду юноши, у него ничего не получилось.

Суомо Легрид не стал торопить его с докладом, позволил устроиться на излюбленном месте — в кресле напротив стола хозяина кабинета. Помолчали. Первым все же начал разговор начальник службы безопасности:

— Как я понимаю, миссия провалилась… — сухо предположил он.

— И да, и нет. Контакт с кремноидами установить не удалось. Они меня видели, послание мое получили, но от контакта уклонились. Я следовал за шлейфом их ментальной активности, но он всякий раз ускользал от меня, словно хвост сквара из капкана.

— Скверно.

Хаско не стал спорить, кивнул.

— Мне думается, нашу проблему они услышали, но она показалась им малозначительной для их цивилизации, как говорит мой друг-землянин, ссылаясь на архаичную поговорку, «моя хата с краю»…

Легрид мрачно отозвался:

— Боюсь, сейчас ничья «хата» с краю не окажется… Достанется всем.

Хаско кивнул:

— Согласен. Но мне не удалось донести эту мысль до их представителя. Видимо, я был недостаточно убедителен…

У него дернулся уголок рта.

Легрид перевел взгляд на креонидянина. Парень изменился за эти недели, стал мрачнее и собраннее, и, очевидно, был зол из-за неудачи.

— Я хочу сделать вторую попытку, — сказал он, посмотрев в глаза шефу. — Хочу отправиться в рукав Щита-Центавра.

Оба понимали, что время действовать пришло давно, каждая минута промедления сегодня — миллионы оборванных жизней завтра.

«Миллионы… — отозвался собственным мыслям Легрид. — Как бы речь не шла о миллиардах».

— Появились идеи? Поделишься, как ты намерен привлечь их к нашей проблеме?

Хаско упрямо склонил голову к плечу. Его взгляд потемнел, а черты обострились:

— Без них нам не справиться. Наши тела… слишком хрупки перед лицом угрозы, они подведут нас в первой же схватке. Цивилизация же кремноидов насчитывает не один миллион лет…

— И это обстоятельство позволяет им снисходительно поплевывать на наши тревоги, согласись. Наши проблемы касаются исключительно нас. Так что ты придумал?

Хаско качнул головой:

— Если расчеты наших планетологов верны, то камня на камне не останется не только в этой части Вселенной, но и на сотни световых лет вокруг. Достанется всем… И кремноиды должны знать, как избежать угрозы… Если они не намерены помогать, то пусть хотя бы допустят к своим архивам!

Это была здравая идея, стоило ее обдумать, Легрид задумчиво кивнул. Креонидянин между тем продолжал:

— Считаю, мне нужно подойти к вашему поручению с другой стороны: мне нужен союзник из числа их представителей…

Легрид выдохнул с облегчением: из этого может что-то получиться.

— Что ж, считай, что мое согласие — в твоих руках. Что-то еще?

У Хаско метнулся взгляд — на одно короткое мгновение, но оно не ускользнуло от Легрида: этот парень задумал что-то не слишком законное. И догадка начальника по безопасности нашла подтверждение уже в следующий момент.

— Мне нужно ваше согласие на привлечение кое-каких специалистов и… кое-какие подвижки в руководстве Единой Галактики.

Легрид нахмурился. Сейчас не самый лучший момент устраивать революции. Впрочем, лучших моментов для революций и не бывает: все они несут смерть, разрушение и нищету — Легрид не раз за свою карьеру становился свидетелем подобных бедствий.

Он внимательно вглядывался в невозмутимое лицо креонидянина.

— И это все, что ты мне имеешь сказать? Подробностей не будет?

Хаско тряхнул головой.

— Чем меньше вам посчастливится знать, тем слаще будет ваш сон, поверьте моему опыту… Я могу лишь гарантировать, что никто очень сильно не пострадает…

«Ну конечно я самому себе не всегда верю, а ты предлагаешь поверить тебе», — усмехнулся про себя Легрид, но, подумав, все-таки кивнул.

— Хорошо, я прикрою твои… манипуляции… перед Теоном. — Легриду было не слишком сложно догадаться, что с ним Хаско заговорил о перестановках неспроста, его действия точно привлекут внимание начальника криминальной полиции, и Хаско понадобится прикрытие. — Пусть будет по-твоему. Только на этот раз я провала не приму. Кремноиды должны стать нашими союзниками!

Хаско коротко кивнул. Легрид с интересом изучал собственные ногти.

— Кстати, раз уж зашла речь о Теоне… Он опять сделал запрос по РПС-маркерам. Тебе придется подключиться, помнится, у вас сохранился контакт с господином начальником криминальной полиции? — и Легрид вопросительно уставился на Хаско.

Тот сдержанно кивнул — не было смысла отрицать, что он все еще человек Теона. Да и сделать запрос посоветовал именно он.

— Хорошо, я постараюсь дать ему достаточно информации, — он поднялся.

Легрид предостерегающе поднял вверх руку:

— Только не разбазаривай ее слишком щедро. Ограничься текущими инцидентами…

Болл усмехнулся и направился к выходу. Легрид проводил его взглядом.

— Рас-кхан, кшас арш анба́р[1], — проговорил он вслух на креонидянском.

Молодой человек внезапно остановился, посмотрел на него через плечо. «Иногда и муравей может перевернуть небо» — пословица его родной планеты, слетевшая с губ начальника службы безопасности, его позабавила. Он усмехнулся:

— Боюсь, вы слишком высокого мнения обо мне, — ответил он и вышел в приемную.

— Как знать, как знать, — проговорил Легрид, прислушиваясь к удаляющимся шагам. — Некоторые муравьи стоят целого войска.

Креонидянин Хаско Делаувер Болл покидал кабинет начальника службы безопасности Единой Галактики так же невозмутимо, как и входил в него. Никто из секретариата не мог бы догадаться, что буквально минуту назад решилась судьба трех старейших планет сектора и совокупно их пятидесяти протекторатов, а также новых ассоциированных членов государства.

[1] Ras khan, kshas arsh anbar - Иногда и муравей может перевернуть небо (креонидянская поговорка)

2

Прежде чем начать действовать, Хаско потребовалось пара часов.

Он уже поторопился принять зов Пустоты, и эта ошибка едва не стоила ему жизни. Вспоминая о Рахакме, он передернул плечами — ему до сих пор казалось, что Страж смотрит на него прозрачно-синими глазами и тянется из пустоты.

Сейчас Хаско Боллу, бывшему вору и послушнику ордена Мейданы, а ныне сотруднику госбезопасности, предстояла задачка посложнее, количество неизвестных в ней зашкаливало.

Он не знал, куда двигаться.

Он не понимал, как попросить о помощи и — что важнее — в чем именно это помощь должна заключаться.

Он не знал, верно ли расшифровал послание Пустоты.

Гравитация Млечного Пути менялась каждый день, и изменения достигли тех размеров, когда начали влиять на жизнь в Единой Галактике.

Значит, времени все меньше. Но чтобы сделать следующий шаг, как того от него ждал Легрид, Хаско нужны были пять минут тишины.

Молодой креонидянин пересек пустынный холл, поднялся в пневмолифте на один из верхних этажей, где почти под самым куполом станции «Эрроний» была припрятана его каюта.

«Апартаменты», как их шутливо называл Легрид.

Крохотную комнатку со встроенной бытовой техникой, которую можно было использовать только по очереди — вынимая из недр встроенных ниш одно, чтобы упрятать в них другое, определенно не являлась комфортабельной. Это была скорее нора, в которой можно было отсидеться, зализать раны. Но именно такому дому Хаско Болл оказался рад больше всего: она стала для него, вечного вора и странника, первым настоящим домом.

Привычно выставив кордоны — белоснежные нити волос соскользнули с пальцев креонидянина и повисли в паре сантиметров над полом, готовые уведомить хозяина о любом незапланированном проникновении — он вошел в каюту и запер за собой дверь.

Там он с облегчением выдохнул: усталость последних недель давила на плечи, затуманивала мысли.

Молодой креонидянин не стал вынимать из ниши кровать — он не собирался устраиваться на ночлег. Поэтому опустился на пол, покрытый жестким синтетическим ковролином. Устроился в позе лотоса и прикрыл глаза, рассеянным движение ослабил жесткий ворот кителя. Вздохнул и затаил дыхание.

Итак… Время пошло.

Один. Два. Три. Дыхание стало ровным, стены отодвинулись, пространство вокруг расширилось и провалилось. Хаско оказался внутри невидимого пузыря, его мысли прояснились.

Будто фокусник, молодой креонидянин сидел в тишине, жонглируя неизвестными.

Во-первых, ему нужны союзники. Достаточно влиятельные и при том, вполне авантюрные по характеру, которые последуют за ним, не обладая всей полнотой информации. Он уже давно изучил их, расставил свои сети. Теперь предстояло за них потянуть, чтобы изящно выстроенная комбинация пришла в движение. Это легко — манипуляция и интриги были частью жизни Хаско Болла.

Четыре и пять. Ему нужно еще немного времени, чтобы собраться.

Черные нити, которыми опутал Мардук все живое, тревожно подрагивали. Мардук боялся — это то, что Легрид не знал, а Хаско не торопился рассказывать. Это знание не требовало проверки, Хаско давно изучил сердце Млечного Пути, но так и не понял, в чем причина его беспокойства.

Но он знал тех, кто точно знает. Тех, кто первыми испытал на себе страх Мардука, те, кто словно перепуганные скавиоллы мечутся теперь по галактике в поисках решения.

Атавиты… неслышимые бестелесные призраки, пробирающиеся в обитаемый космос из центра галактики. Сгустки чистой энергии и мысли — эхоплазмоиды, лишенные оболочки и вечно голодные.

Когда-то атавиты создали мир, но вскоре покинули его. Поэтому сейчас их называли Ушедшими.

Пять лет назад они почти совершили прорыв, почти заполучили новые тела — землян, активировав код имплементации[2]. И вся Единая Галактика воспротивилась этому, объединилась, чтобы дать сокрушительный отпор своим создателям.

Кто-то остался уверен, что над атавитами тогда была одержана окончательная победа. Таких много, если не большинство.

Кто-то надеялся, что они потерпели ощутимое поражение, и для нового нападения ушедшим потребуется какое-то время. Так не раз говорил Теон.

Хаско всегда знал — они рядом.

Они сменили тактику, затаились, но не ушли.

Враг, накинувший на плечи плащ-невидимку, а потому подкравшийся так близко, что может щекотать мягкое подбрюшье Единой Галактики,— самый опасный. И он уже атакует.

— Зу гал ше́та ти[3], — прошептал креонидянин. На его древнем, как сама галактика языке это означало «Предупрежден — значит, вооружен». Так говорили предки.

[2] Об этом читайте в цикле «Навигатор».

[3] Zu gal šeta ti - знающий имеет стрелы жизни, предупрежден значит вооружен (креон.).

3

Станция «Эррониус», жилой этаж

Выйдя из своей норы, Хаско направился в сектор «Л», где располагался отдел информационного обеспечения и архив. Стены светло-кофейного цвета, светлая мебель и бесконечные ряды информационных стоек с узкими прорезями для креодисков — это место успокаивало. Оно дарило уют и ощущение контроля: сделай запрос и получи информацию, что может быть проще? В архиве было как обычно малолюдно, а в дальнем углу, за перегородкой секретничали двое, определенно надеясь на свидание без свидетелей. Заметив Хаско, парочка торопливо затемнила стекла и притихла.

Хаско они не интересовали. Подойдя к центральной информ-панели, он выбрал заранее заготовленную папку, материал в которую скрупулезно собирал последние три года. Раздел с официальными и публичными данными — их знали все. Раздел с материалами официального расследования — их видели причастные сотрудники следственного аппарата. Раздел со сплетнями, слухами, упоминаниями в допросах сторонних лиц, догадками и собственными умозаключениями — всем тем, что и представляло подлинную ценность и выступало теми самыми нитями, за которые молодой креонидянин и планировал подергать.

Среди этого массива данных была информация об экипаже корабля, сумевшем организовать оборону Единой Галактики пять лет назад. Брошенные всеми, они рьяно огрызались, сплотившись вокруг своего Первого навигатора. Хаско помедлил мгновение прежде, чем выбрать на сенсорной панеле вкладку с именем «Ульяна Рогова», покачал головой — промедление опасно.

На моргнувшем экране появилось сосредоточенное лицо рыжеволосой землянки с изумрудно-синими глазами. Вздернутый нос, упрямый подбородок и цепкий взгляд — об эту девушку сломали зубы главнейшие интриганы Единой Галактики. Досье на нее было одним из самых подробных: семья, дом, близкие друзья, личная жизнь, привычки, слабости и триггеры — галактическая безопасность скрупулезно собирала про нее все сведения.

Он изучил все допросы этой девушки, все записи с ней — она определенно знала больше того, о чем ее спрашивали. Более того, пару раз он подбирался к ней настолько близко, чтобы заглянуть в ее голову. К его удивлению, оба раза она его почувствовала… и проснулась.

Ее знания были ему нужны, чтобы понять, зачем в сектор вернулись атавиты, как они выглядят сейчас и что заставляет их так грубо и бесцеремонно работать.

Хаско снова вгляделся в это лицо, в который раз взвесил все «за» и «против», в который раз продумал тактику общения с ней. Он планировал воспользоваться главным качеством землянки — ее любопытством. А потому, выбрав почтовый сервис, ввел код шифрования для внутренних сообщений и написал короткое письмо: «Атавиты все еще здесь. Ты можешь помочь». И указал координаты, на которых планировал оказаться через пять среднегалактических часов.

Не раздумывая больше, отправил.

4

За три недели до разговора на базе «Эрроний», крейсер «Трол». Тренировочная база спецподразделения «Ягель»

За все годы работы в Службе безопасности Хаско Болл неоднократно проходил стажировку в оперативных соединениях и направлялся в спецподразделение «Ягель» «с целью отработки боевых навыков», во всяком случае, так значилось в приказах. Сам Хаско был уверен, что Суомо Легрид специально его отправляет к оперативникам, чтобы выбесить и проверить, на что он способен. Хаско был уверен также, что среди оперативников «Ягеля» имеются шпионы Легрида. Не Яль Нирих, конечно, — шеф «Ягеля». Этот клириканец был прямолинеен как титановый шест, с которым Хаско еще в бытность послушника ордена Мейданы отрабатывал боевые приемы.

Прилетел он на «Трол» и сейчас.

Нирих встретил его с мрачной радостью:

— И какого сквагра ты мне тут сдался? — морщась, кричал он, разглядывая субтильную фигуру бывшего вора. — Ты мне весь личный состав перебаламутишь опять!

— Торжественно клянусь на этот раз не делать ничего подобного, — Хаско прижал ладонь к груди и склонился в ироничном поклоне.

Тем более эта стажировка обещала быть скучной, ведь старинный приятель Хаско, землянин Влад Чайка, был на оперативном задании, и когда вернется на «Трол», никто не знал.

Нирих с сомнением скривился, шрам на его щеке дернулся, добавив образу клириканца звериной свирепости.

— Ну-ну, трепись дальше… — он поднял вверх указательный палец. Подумав, подхватил клапан на лацкане кителя Хаско, потянул на себя и добавил, дыхнув в лицо мятными леденцами: — Но ты еще пожалеешь, что появился на моей посудине. Гарантирую!

В тот раз Нирих загрузил его так, что Хаско, привыкшему за годы тренировок в ордене ко всякому, едва хватало сил доползти до каюты и, не раздеваясь, упасть на узкую жесткую койку. У него ныли мышцы, даже кончики пальцев подрагивали от напряжения, а в ушах стоял шум, за которым, наконец, Пустота становилась не слышной.

Хаско был рад — без этих тренировок Пустота с каждым днем звучала все громче.

И вот — срочный вызов, бойцы «Ягеля» стремительно собиралась, грузились на катера.

— А ты чего мнешь булки? — рыкнул Нирих, заметив, как Хаско наблюдает со стороны гермопереборки. — На борт! Быстро!

— Я? Я же… А впрочем…

Он хотел напомнить, что в состав «Ягеля» он не входит и приписан к ведомству Легрида. А значит, и распоряжения об участии в операции должен получать от него. Но Нирих относился к тому сорту клириканцев, которым закон писан прозрачными чернилами.

Поэтому Хаско махнул рукой и, схватив ранец со средствами индивидуальной защиты, торопливо взбежал по трапу и разместился у стены.

— Вводные следующие, — поправив ремни полевой защиты, проговорил Нирих, — катер пограничной службы наткнулся на блуждающий без опознавательных знаков и не реагирующий на внешние вызовы фрегат. Небольшое суденышко старого образца, изрядно потрепанное. Порт приписки — грузовой терминал «Вра́нус», креонидянская грузовая станция. Капитан погранцов сделал предположение, что фрегат потерпел крушение, ну и отдал приказ об очной проверки с помощью ботов с целью дальнейшей буксировки на станцию. Шлюзы оказались задраены изнутри, аварийное оборудование при этом работало штатно. Погранцы вскрыли катер аварийными протоколами, а на борту — несколько десятков изуродованных тел. судя по первым данным, погибших застали врасплох: кое-кто не успел даже с рабочего места под-

няться или слезть с красотки. И повреждения… нехарактерные, — именно в этот момент Нирих посмотрел на Хаско. Продолжил уже для него: — Легрид велел посмотреть.

Хаско кивнул. Он не был криминальным следователем, его отчеты и протоколы для трибунала и судебного департамента не значили ничего. Значит, его мнение нужно лично Легриду. И это было любопытно. Особенно в ходе их недавнего разговора, случившегося за пару дней до назначения в тренировочный лагерь «Ягеля».

5

Линкор «Сефирот», в те же дни, что события на «Эррониусе»

Рано утром, еще до того, как алые лучи Регины коснулись океана и окрасили небо в цвета надежды, глава Совета Родов Креониды, седьмой властитель Актанод и блистательный вельможа Агна́р Тибо́ из рода Цу́йи покинул пределы метрополии и отбыл в срочную командировку в сектор семнадцать, к чертогам газового гиганта Тулуза. Так значилось в бортовом журнале; об этом был проинформирован секретариат Совета Родов. Запланированное на полдень заседание состоится без участия молодого главы, все необходимые материалы представлены заранее; сановники могут обсудить все вынесенные в протокол вопросы или по согласованию перенести заседание.

Наблюдая, как бирюзово-прозрачный лик родной планеты отдаляется от него, Агнар Тибо слабо улыбался. Ему хотелось бы видеть лицо квестора Трибунала Арахны, когда та узнает, что прилетела на Креониду напрасно. Да, безусловно, она представит Совету документы, которые так трепетно собирала на Агнара. Но поскольку главу Совета не получится выслушать, рассмотрение бумаг отложат на неопределенный срок. Эффект неожиданности, которым хотела воспользоваться старая ящерица, окажется безнадежно утрачен. Агнар Тибо снова выскользнул из ее цепких пальцев. Как в тот раз, когда она едва не женила его на своей племяннице.

Агнар Тибо рассмеялся в голос.

В каюту заглянул его секретарь. Престарелый креонидянин почтительно поклонился и справился, требуется ли властителю что-то.

— Нет, ничего не надо, — отозвался Агнар.

Секретарь поклонился так низко, что молодой мужчина мог видеть завязанный на спине узел его пояса. Старик попятился.

— А́вер, — обратился Агнар к нему по имени.

Старик вздрогнул, будто ударенный плетью, и застыл каменным изваянием — он и не подозревал, что хозяин знает его имя.

— Подойди.

Агнар расположился в кресле, вытянул ноги. Одну поставил на низкую, обитую пурпурным бархатом подставку. Из-под подола белоснежной тоги показался черный нос армейского сапога — молодой сановник отказался сменить его на положенные по чину сандалии из тончайшей кожи серебристого та́рха. Секретарь опасливо приблизился. Замер, вперив глаза в пол.

Агнар указал на кресло напротив. Старик не пошевелился — не то не увидел приглашения, не то боялся его истолковать превратно. Агнар вздохнул и велел, наконец:

— Сядь.

Секретарь, помявшись мгновение, подчинился, опустившись на самый краешек кресла.

— Слушаю, мой господин.

— Ты не раб мне и даже не слуга, чтобы называть меня господином, — отметил Агнар. Он с холодным интересом наблюдал за пожилым служащим. Тот нервничал.

Опустив голову еще ниже, тот уточнил:

— Прошу простить меня, господин… Как вы хотите, чтобы я называл вас?

— По имени, данному мне отцом и матерью, — Тибо — сопровождая положенным моему чину указанием «сановник».

Секретарь не поднимал взгляда. Кивнул, но взгляда не поднял.

— Как прикажете, сановник Тибо.

Агнар рассеянно поглаживал подлокотник.

— До меня дошли слухи, Авер, что домашние боятся меня, словно зверя…

Старик сглотнул. Агнар продолжал:

— Поговаривают, будто я истязаю виртуозно, с азартом и прикладывая к процессу немалую толику вдохновения. Болтают даже, что у подножия скалы растут таахи́ры, вскормленные кровью моих жертв. — Он помолчал, наблюдая, как бледнеет старик и как бисеринки пота выступают на его лысой голове. Усмехнулся: — Не скажешь ли ты мне, дорогой Авер, кто распускает такие возмутительные слухи?

Он ожидал, что старик примется отпираться, даже приготовил копию представленного охраной отчета, в котором служанка доносила на Авера, рассказывая, как тот расписывал подробности кровавых пиршеств, происходивших в покоях молодого властителя Цуйи. Но старик покосился на молодого сановника, уголок его губ дернулся в лукавой усмешке.

— Это моя работа, мой господин… — признался он.

Агнар сложил руки на животе. Проговорил ласково:

— И зачем же ты клевещешь на меня, сквapp тебя задери? Зачем смущаешь простой люд небылицами, от которых даже у умудренных годами вельмож леденеет кровь?

Секретарь снова усмехнулся, бросил короткий взгляд на начальника.

— Вы молоды, мой господин… Это тот недостаток, который, безусловно, быстро пройдет и забудется, затменный делами вашими великими. А пока ваш недостойный раб решил, что чрезмерная жестокость станет отличным щитом от пренебрежительных взглядов.

Агнар прыснул:

— То есть тому, что сановники Совета Родов не решаются меня сместить с должности, опасаясь жестокой расправы, я обязан твоим россказням?

Авер снова опустил голову и прошептал:

— Готов понести наказание за ложь, посрамившую благородное имя Цуйи.

— Благородное имя Цуйи предпочло бы, чтобы его не окрашивали в багровые цвета злодеяний…

Секретарь поклонился:

— Был бы рад думать именно так, но уверен, что свет ваших мудрых решений озаряет глаза ваших подданных и не позволит свершиться несправедливости.

Пожилой слуга посмотрел на своего шефа исподлобья, его глаза смеялись. Агнар расхохотался.

— Ты мог бы предупредить… Представь, как я был шокирован, когда узнал, что начальник охраны допрашивал служанок, чтобы выяснить, кто из них провел жертву моих ночных утех мимо его постов и какой лазейкой воспользовался. Бедняжки едва не лишились чувств на допросе…

— Могу представить, — старик хмыкнул. — Но им стоило направить уважаемого Иль Рема ко мне.

Агнар фыркнул:

— Будто ты не знаешь Иль Рема… — Он вздохнул. — Что ж, вынужден поблагодарить тебя за старание. А заодно и дать тебе указание придумать способ, каким ты мою кровожадность усмиряешь.

Секретарь поднялся и поклонился:

— Как скажете, сановник Тибо. Но если вы позволите мне высказать свое мнение, я бы повременил с этим шагом… Старшие родов Креониды будут рады сместить властителя Цуйи, стоит вам показать слабину.

Агнар вмиг помрачнел.

— И до тебя дошли эти слухи…

— Кое-кто подогревает их.

— Кто же? — Агнар подался вперед.

Секретарь покосился на него, не решаясь ответить на вопрос.

— Не знаю, смею ли я рассказывать вам… Но я слышал одно имя. Якобы это тот, кто мог бы занять ваше место по праву рождения, но утратив его, использует свое влияние в Трибунале.

Агнар нахмурился: на ум не приходило ни одно имя. Он знал, что ряд сановников его недолюбливают, но ни один из них не имел достаточного влияния в Правительстве Единой Галактики, чтобы назначить своего ставленника, а потому и не смог заполучить кресло главы Креониды. Он заинтересованно уставился на старика:

— И кто же это?

— Кое-кто считал его погибшим. Но слухи оказались преждевременными, этот человек жив. Его зовут Дела́увер…

Бровь Агнара приподнялась, во взгляде мелькнуло непонимание, которое стремительно сменилось озадаченной растерянностью. Он слишком долго не слышал этого имени.

***

Он помнил семью сановника Делаувера. Старшего в роду звали Эдан Брок, его супруга была, кажется, уроженкой одного из протекторатов — Агнар хорошо помнил ее словно выточенное из мрамора лицо и копну золотисто-ореховых волос. У них был сын годом младше самого Агнара: премерзкий по́рк постоянно донимал Агнара тем, что поправлял его. Благо виделись они всего несколько раз. Агнар едва достиг возраста вхождения в младший сан, когда жена Делаувера погибла.

Сейчас Агнар пытался вспомнить, что с ней произошло, и не мог. Помнил лишь, что был несчастный случай. Эдан Брок тогда отошел от дел и не показывался ни на заседаниях Совета Родов, ни в присутственных местах. Поговаривали, что старший Делаувер сильно тосковал и даже обращался за помощью к лекарям. Но те, видно, не слишком старались, или хворь приключилась слишком сильной — вскоре до столицы Креониды дошла потрясшая всех новость: Эдан Брок умер.

Агнар уже тогда не интересовался политикой и озвучил отцу, что планирует для себя военную карьеру. Страшный вышел скандал. Отец тогда и сказал, что после смерти старшего Делаувера между Агнаром и креслом главы метрополии осталось всего двенадцать имен.

— Кхаль ме наа́р[4], Агнар, — отец положил руки на плечи сына, призывая того к вниманию, и повторил тише:— Твоя судьба в твоих руках, не упусти то, что само идет к тебе.

— У Эдана тоже сын, он все равно в иерархии родов выше. Так почему я должен отказываться от своей мечты?

Отец Агнара болезненно скривился:

— Забудь о мальчишке. Он не станет помехой…

И Агнар послушно забыл.

И вот сын Эдана Брока снова появился рядом с ним. Он молод и наверняка зол, что Агнар обошел его в борьбе за кресло главы Совета Родов.

«Но где он был все это время? Отчего молчал и не предъявлял прав?» — недоумение росло.

Агнар посмотрел на секретаря:

— Найди мне Делаувера. Но сделай так, чтобы он не узнал о моем интересе. Скажешь, где я смогу его найти, чтобы переговорить с глазу на глаз.

[4] Khal me naar – Послушай меня, дорогой (креон.)

6

За сутки до этого, кабинет властителя Цуйи, Креонида

Накануне этого разговора Агнар пролистывал приготовленные секретариатом сводки. Его светлые до прозрачности глаза лениво скользили вдоль ровных строк, огибая при этом многочисленные и весьма скучные графики и затейливые диаграммы.

— Что-то еще? — он перевел равнодушный взгляд на сгорбленного в поклоне секретаря.

Тот протянул и положил на угол полиглассового стола прозрачную пластику креодиска и склонился еще ниже, пробормотав:

— Донесение от предводителя флотилии Риско Делада, господин… Новые потери.

Он замолчал и затаил дыхание, не решаясь поднять взгляд на властителя.

Агнар прикрыл глаза, пряча под веками раздражение. Перевел дыхание.

— И каков урон?

— Караван из семи судов, следовавший с Фобоса до Карацéнды… Сбился с курса и пропал с радаров три дня назад. Господин Делада спешно отправил поисковый катер, но тот на зафиксированных координатах не обнаружил никаких следов, даже обломков или топливных пятен… Позднее следователи, направленные полицией, обнаружили на орбите Тулузы обломки лайнеров из того каравана … Это газовый гигант…

— Я знаю, что такое Тулуза! — рявкнул Агнар и глубоко вздохнул, заставив злость опуститься под ребра и затаиться там, обвив позвоночник. Он позволит ей выбраться и собрать свою жатву, но позднее. Сейчас важнее, чтобы старик продолжал говорить.

Властитель Тибо раздраженно щелкнул пальцами, призывая секретаря завершить доклад.

Тот облизал пересохшие губы, пролепетал:

— Следователи предполагают, что караван сбился с курса и столкнулся с планетой. Выяснить это доподлинно пока не представляется возможным из-за эхо-волновой бури на гиганте. Но как только она завершится, к поверхности спустят поисковых дронов, чтобы убедиться.

Агнар сомкнул губы в линию, и теперь смотрел на согбенную фигуру старика, отстраненно прикидывая, грохнется ли тот в обморок или устоит.

Молодого Тибо боялись.

Он был самым молодым властителем и главой Совета Родов в истории Креониды. Ему было двадцать семь. Для сравнения, его предшественнику на момент вступления в должность было сорок восемь лет, и кое-кто из старейшин его называл мальчишкой. Тем охотнее сановники внимали россказням о нем: о его влиянии в Трибунале, в полиции и армии. Жуткие слухи о его жестокости только добавляли баллов — раз такое позволяет себе, значит, его покровители, действительно, всемогущи.

Удивительно, но откуда ползут слухи о его, Агнара, невиданных зверствах, он понять не мог. Он не поднял руку ни на одного служащего. Из его покоев не выносили ни одного окровавленного тела. Ни одного трупа не находили утром под окнами его резиденции.

Молодой Тибо сперва посмеивался — страх и уверенность в его запредельной порочности играли ему на руку. Пока чиновники выясняли его слабые стороны, пока строили козни и боролись за место рядом с молодым главой метрополии и планет-провинций, он строил свою империю. Проводил аудит, смещал с должностей проворовавшихся чиновников, расставлял на постах «чужаков», руководствуясь не древностью рода, а личными заслугами и верностью самому Тибо. Старика-секретаря, например, он нашел на рабовладельческой верфи во время одной из своих инспекционных визитов. Тот висел на крюках, приготовленный на корм скави́ллам. Старик служил на верфях счетоводом и обнаружил кражу казенных денег, о чем сооб-

щил владельцу верфи, не учтя по наивности, что именно он и прикарманил пару сотен тысяч тума́ров.

— Господин Делада в приемной? — предположил Агнар, покосившись на лысоватую макушку старика.

И голос его был слаще меда — от него у служащего подкосились ноги и выступил пот на лбу. Секретарь торопливо кивнул. Глаз он по-прежнему не поднимал и спину не разгибал, прижимая к тощей груди морщинистые руки.

Агнар поморщился: бывший раб никак не мог избавиться от этой подобострастности.

— Пригласи его.

Он отложил донесения и развернул кресло к окну, сложив руки на животе.

Слышал, как скрипнула дверь, выпуская из кабинета старика. И еще раз — пропуская внутрь предводителя флотилии. Шаги — уверенные и осторожные одновременно — ценное сочетание осторожной доблести, которое позволило Риско Деладе дослужиться до адмиральской должности. Агнар чувствовал, как тот вытянулся во фрунт у его стола.

Агнар потянул еще пару мгновений, лишь потом медленно повернулся к вошедшему. Это был боевой офицер, такого на мякине не проведешь, грозными взглядами в ступор не вгонишь. Но достаточно и того, что господин Далада успел услышать в приемной властителя и увидеть уползающим из кабинета личного секретаря.

На мгновение Агнар поймал во взгляде офицера настороженную неприязнь, окончательно решив как-то пресечь расползающиеся слухи.

— Расскажите, что случилось с караваном, — велел Агнар вместо приветствия.

Риско откашлялся. Глядя прямо перед собой, отчеканил:

— Караван из семи фрегатов, властитель, три из которых были пассажирскими с переселенцами на Караценду, остальные — с оборудованием для той же миссии, материалами для строительства станции и первичным запасом зерна и продуктов питания. Караван пропал с радаров в 17:46 по среднегалактическому времени. Диспетчерская запросила связь, в том числе по резервному и аварийному каналам. Не получив ответа, доложила охране. Я направил в сектор катер с поисковой командой. Мои ребята просканировали весь квадрат, но никаких следов выживших не обнаружили, следов постороннего присутствия — тоже. Обыскав все, они сообщили патрульной службе. Те подключили полицию. И обнаружили обломки трех из семи кораблей на орбите Тулузы. Подтверждение версии о крушении возможно по окончании эхо-магнитной бури на газовом гиганте, по прогнозу — через двое суток.

Предводитель флотилии смолк.

— Ваши версии?

Делада подавил вздох. С опаской посмотрел на главу Совета.

— Головной корабль и сопровождавшая караван группа прошли предполетную подготовку в соответствии с протоколом, никаких проблем с оборудованием не было. Так что версию технического сбоя я исключаю. Экипаж опытный, проверенный, а значит, и человеческий фактор в произошедшем практически исключен… Я не знаю, что могло произойти, чтобы они допустили такую ошибку.

— Навигационная погода?

Делада мог бы удивиться, услышав этот термин от властителя, не бывавшего в рубке корабля, — но властитель Цуйи в недавнем прошлом был боевым пилотом и навигатором, а потому задавал те вопросы, которые и сам Делада не мог не задать себе. Правильные вопросы.

— С навигационной погодой без изменений. Курс проложен в соответствии с протоколом, диспетчерская подтвердила маршрут и ни о какой опасности не предупреждала…

— И между тем на Тулузе именно в этот момент началась эхо-магнитная буря, — Агнар Тибо холодно улыбнулся и прищурился.

Делада и сам подумал, что диспетчер мог ошибиться, он не должен был согласовывать курс каравана в непосредственной близости от эхо-магнитных колебаний гиганта: они могли вывести оборудование из строя. Но предводитель флотилии был уверен, что диспетчер ни при чем. Он посмотрел в глаза Агнара:

— Локаторы зафиксировали непродолжительный гравитационный всплеск. Короткий импульс. Караван пропал с радаров сразу после него. Буря на Тулузе также была спровоцирована им, на момент построения курса буря на Тулузе не значилась.

Агнар Тибо в задумчивости барабанил кончиками пальцев по гладкой поверхности интерактивного стола. Из-под пальцев расходились ярко-синие круги ожившей сенсорной консоли. Подняв взгляд на предводителя флотилии, он усмехнулся:

— Намекаете на пиратский захват?

Мужчина перед ним молчал. Он снова склонил голову и уставился на носки своих ботинок.

— А скажите мне, господин Делада, разве это не прерогатива Креониды — грабить зазевавшиеся караваны? Разве это не наш почерк — сбить навигационное оборудование головного фрегата, захватить груз, а корабль взорвать, чтобы замести следы. Или выкинуть подальше от навигационных маршрутов?

Предводитель флотилии откашлялся в кулак.

— Вы правы, властитель, некоторые наши соплеменники именно так и поступают, множа слухи о нашей жестокости.

Он надеялся, что Тибо оценит шутку. Но Агнар приподнялся и полоснул по офицеру ледяным взглядом:

— То есть вы так спокойно признаете, что какой-то дéвар фраж[5]использует против нас наши же приемы?! — его взгляд стал пронзительным, а шепот заставил видавшего всякое предводителя вздрогнуть и вспомнить те ужасы, которые сплетнями вились вокруг фигуры молодого главы Совета.

— Виноват, властитель. Усилю контроль и добавлю кораблей сопровождения при пересечении сектора.

Он еще ниже опустил голову и втянул ее в плечи.

Агнар хмыкнул.

— Если виноваты, значит, будете наказаны, господин Делада, — проговорил так тихо, что стоявший перед ним мужчина сперва подался вперед, чтобы расслышать, но тут же отшатнулся. — Но прежде найдите тех поóрков[6], что решились встать на пути Креониды… Ступайте.

Он проследил за тем, как затворилась дверь за предводителем, прислушался к его удаляющимся шагам. Новость его откровенно взбесила — никто не смел нападать на креонидянские караваны на территории провинций и метрополии. Никто не смел вмешиваться в протоколы управления судов и уничтожать их.

Но разбитый близ Тулузы караван стал уже шестым в уходящем месяце.

«Сдается мне, что все не так просто», — решил он и потянулся к собственному коммуникатору.

Подхватив со стола узкую прозрачную пластину, вставил ее в разъем нейробраслета и дождался соединения. Пластина потемнела. В ее центре загорелось окно принятого сообщения. Агнар, не раздумывая, принял его — этим каналом связи пользовались всего несколько человек в Единой Галактике, каждому из них Агнар Тибо доверял больше, чем себе.

«Есть разговор, — значилось в сообщении вместо приветствия. — 22ТЛС, канал 170-88».

---

[5] Зловонный слизень, ублюдок (креон.)

[6] Poork – придурок (креон.)

«ТЛС» расшифровывалось как «тессэ́ра линэ́с» или четвертая световая линия — разговор назначался на четвертую четверть 26-часовых креонидянских суток. К ним следовало добавить еще двадцать две минуты часа. «170-88» — канал, зарезервированный за его личной резиденцией в столице.

Агнар спрятал улыбку — только Алита могла написать ему в таком тоне. Он сверился с часами — до назначенной встречи осталось чуть больше четырех часов. Успеет дочитать донесения и добраться до собственной спальни.

Он покосился на стопку прозрачных креодисков, придвинул ее к себе и, вздохнув, принялся последовательно активировать и изучать доклады, сводки, аналитические справки, ответы на его запросы и на запросы его администрации…

Череда катастроф не выходила у него из головы. А потому, отсмотрев треть материалов, он все-таки отложил их в сторону, поднялся и подошел к огромному панорамному окну, через который столица Креониды, Илий, выглядела, будто игрушечный паззл. Серебристые катера внутренних линий сновали тут и там, ныряя под виадуки, уходили по подводным каналам под здания. В них сотни служащих торопились по своим делам — рабочий день был в самом разгаре.

Взгляд молодого властителя скользнул дальше, за кружево белоснежных акведуков, где у противоположной стороны бухты Лагра́н высилось здание Верховного Суда. Именно там Агнару завтра предстояло держать ответ по ситуации с пропавшими караванами. Местная знать — не малообразованные рабы или доверчивый старик-секретарь, этих движением брови не испугаешь, и взглядом к месту не пригвоздишь. Эти творили кровавые оргии не по слухам, а на самом деле. И каждый метил на его, Агнара, место.

«Шрак сё[7]! — мрачно усмехнулся он. — Дым вам всем, а не мое место».

[7] Srak ŝo — черта с два (креон.)

7

База «Эрроний», день разговора с Боллом

Легрид ждал этого звонка — квесторы Трибунала не могли долго игнорировать происходящее в секторе. Тем более что происходящее в некотором роде бросало тень на начальника криминальной полиции Тиля Теона, а Теона не любили многие и упустили бы возможность потрепать нервы старому законнику.

Так и случилось. Стоило информации о крушении креонидянского каравана попасть в галактическую инфосеть, как информер начальника госбезопасности раскалился от желающих поговорить с ним. В основном чиновники разных мастей из правительственного сектора спрашивали, уточняли, желали подробностей. Тех, кто занимал пост пониже, Легрид отправлял задавать свои вопросы в секретариат. Но были и те, которых просто так не отошьешь. С этими приходилось общаться лично.

Арахна Соáр свон Ирга́н, нынешняя глава одного из самых влиятельных родов Клирика, была как раз из числа последних. На экране информера, в его ярком холодном свете, она выглядела особенно старой и опасной.

— Дорогой су-мо[8], — ее губы тронула насмешливая улыбка, из-за которой в груди Легрида стало подниматься кипучее ядовитое зелье: пользуясь старой дружбой их родов, квестор посмела назвать его домашним прозвищем «червячок».

Легрид заскрежетал зубами, но смолчал. Старая ящерица, сверкнув серебристыми глазами, почти лишенными зрачков, на этом не остановилась и продолжала:

— Расскажи-ка мне, милый аýку[9], знаешь ли ты, что происходит у тебя под носом?

Легрида покоробило от «ауку», означавшего на родном языке «дурачок» — так его не смел называть даже наставник в младших классах. Легрид протяжно выдохнул:

— Как приятно видеть твои глазницы, йáу-ма[10], — вернул ей колкость Легрид и убедился, что сказанное «старушка» ударило точно в цель: Арахна поджала губы и заговорила совсем другим голосом.

Тряхнув головой, она прошипела:

— Ты знаешь, о чем тревоги мои, — Арахна мстительно сощурилась. — В границах сектора неспокойно, а ты совсем забыл, зачем посажен в свое кресло. Что сделал ты, чтобы найти врагов и представить их на суд Трибунала?!

— Я работаю, дорогая Арахна, — попытался улыбнуться Легрид. Его зеленовато-перламутровые глаза заискрились. — Проделано немало, еще больше предстоит сделать…

— Мне неинтересно, инж шарах[11]!

Еще одно грязное ругательство, которое, впрочем, Легрида задело гораздо меньше, а скорее позабавило. Работая со спецназом и агентурой всяческого толка, он слышал слова и покрепче. Арахна склонилась к экрану, почти полностью заслонив его собой, и проговорила угрожающе:

— Мне не интересно, что ты скажешь! Потому что все сказанное — жалкое оправдание. Единая Галактика содрогнулась от тяжести происходящего, ты должен быть там, погонять своих следователей и этого лентяя Теона со всей его криминальной полицией, а не прохлаждаться в тиши кабинета этой богами забытой станции!

---

[8] Su-mo – червячок (клирик.)

[9] Au-ku – дурачок, глупыш (клирик.).

[10] Yau-ma – престарелая мать, старушка (клирик.)

[11] Inzz sharah – черт побери (клирик.)

Последнее было сказано с такой степенью презрения и яда в голосе, что Легрид едва не отравился. Коллегу, хоть с Теоном они никогда не были друзьями, стало даже немного — самую чуточку — жаль. Правда, себя было жаль сильнее: как бы старая Арахна ни ненавидела Теона, она никогда бы не позволила себе говорить с ним в таком тоне. А с сыном старинного приятеля — вполне.

Он откашлялся:

— Госпожа Соар, уверен, криминальная полиция работает, не покладая рук. Вверенное мне ведомство также ведет собственное расследование и держит ситуацию под контролем. Заверяю вас…

Арахна скривилась; ее глаза сузились, превратившись в две щелочки.

— Ты не отделаешься от меня пустыми фразами, шéс-сà[12]… Я еще не спросила тебя о том сопляке…

Легрид вздрогнул, как от пощечины.

— Госпожа Соар, выбирайте выражения, — прошипел он. — Не припомню, чтобы мои должностные обязанности предполагали лично отчитываться перед каждым квестором Трибунала. Свои соображения о расследовании направлены вашему главе в установленном порядке, перед ним я и отчитываюсь. Вас же прошу впредь не занимать мое время пустыми разговорами…

И отключился за мгновение до того, как старуха очнется и примется кричать.

Легрид откинулся на спинку кресла, сдавил виски подушечками пальцев — приятная прохлада потекла от них, даря успокоение. Он сорвался. Он пожалеет об этом, наверняка — старуха была злопамятна, умело плела интриги и обладала невиданным влиянием в Коллегии. Но сейчас он выдохнул с облегчением.

***

После разговором с Арахной в голове Легрида более или менее прояснилось. Он вызвал по внутренней связи Болла — молодой креонидянин, если верить локационной карте, работал в архиве.

— Зайди.

Тот появился через несколько минут — спокойный и привычно расслабленный. «Этого, небось, разговором с Арахной не испугаешь», — усмехнулся Легрид.

Он вынул из сейфа тонкую картонную папку.

— Здесь материалы по старому запросу одного из квесторов Трибунала. Касаются деятельности нынешнего главы Совета Родов Креониды Агнара Тибо. Отдашь документы Арахне Соар лично, сегодня же…

Он подтолкнул папку креонидянину. Тот ловко поймал ее, прижал ладонью к столу и выжидательно уставился на шефа, замер.

Легрид печально вздохнул.

— Помнится, ты хотел немного расшевелить систему. В этой папке как раз одна из таких возможностей.

— Я могу взглянуть?

Легрид сделал приглашающий жест.

Болл открыл папку, бегло просмотрел бумаги. Его губы тронула лукавая усмешка.

— Чему ты веселишься, хотелось бы знать?

Креонидянин поднял на него взгляд — глаза тоже смеялись.

— Это именно то, что мне нужно, — он закрыл папку и прижал ладонью обложку.

[12] Shes-sa – болван (клирик.)

Легриду стало любопытно.

— Что ты с этим собираешься делать?

— Отдать квестору Соар, само собой, — Болл чуть поклонился.

— Надеюсь, я не пожалею, что подключил к этому делу тебя, — вздохнул Легрид и отвернулся. Но, спохватившись, снова уставился на подчиненного. — Хаско. Ситуация стремительно меняется и может выйти из-под контроля в любой момент. По-видимому, мне придется также вступить в игру. На всякий случай… я предоставлю тебе безотзывную адмицию.

Он активировал на креонике протокол, сформировал уникальный код и перебросил его на креоник Хаско. У того вытянулось лицо. Легрид кивнул:

— Да, ты все верно понял. Сегодня ты отправишься в дорогу, и пока будешь исполнять свой долг, здесь на «Эрониусе», на «Тольде», в Совете может случиться всякое. Я бы не хотел, чтобы оно остановило тебя. Ты должен руководствоваться исключительно указаниями, полученными лично, до отбытия. А этот протокол позволит тебе не подчиниться другим, более поздним, приказам. Даже если они будут исходить от меня или кого-то из высших сановников.

У молодого креонидянина дернулся кадык. Какое-то время он в задумчивости смотрел на своего шефа.

— На кого я могу положиться? — его голос стал тише, но не дрогнул.

Легрид хотел бы и сам это знать.

— На тех, кому ты дорог, очевидно… Мы всегда можем положиться только на них.

Хаско отметил, что самого себя Легрид не упомянул. И был благодарен предельной честности клириканца — фактически, тот только что признал, что может предать его и изменить приказ, оставив за Хаско решение подчиниться новому требованию или следовать безотзывной адмиции.

«Старый лис решил подстраховаться и переложить ответственность», — догадался креонидянин и спрятал ухмылку. Но кое-что требовало уточнения.

— Вы упомянули «Тольду».

Легрид отмахнулся:

— Я сказал «что бы не случилось». Продолжай миссию. Теон справится сам.

Они помолчали. В этой тяжелой, напряженной тишине, было слышно, как хрустит обшивка станции, как работают системы — тихо и деловито. Оба понимали, что ссылаться на состоявшийся разговор не смогут. Его, по сути, не было.

Хаско медленно перевел дыхание, намереваясь уйти.

— Что касается этой адмиции, — Легрид кивнул на персональный коммуникатор Хаско, — я бы на твоем месте ею не светил так долго, как только возможно.

8

Флагманский корабль флота Креониды, линкор «Сефирот»

Линкор «Сефирот», появившись в семнадцатом секторе, вызвал некоторую шумиху. Выйдя из транзакционного окна, корабль главы Креониды встал на рейд в точке Лагранжа-5 между Тулузой и ее светилом. На орбите газового гиганта значились три космических корабля: два из ведомства управления сопровождения следственных действий, третий — патрульный катер под флагом Креониды, очевидно, оставленный предводителем флотилии Риско Деладой.

Капитан «Сефирота», действуя в соответствии с приказом молодого Тибо, вызвал рубку одного из крейсеров и потребовал старшего следственной группы — явиться для доклада. Агнар взошел на мостик, устроился в кресле капитана и теперь лениво прислушивался к переговорам своих операторов с оператором корабля следователей-криминалистов, «Айрелла». Он, правда, ожидал, что одного его требования явиться на борт линкора окажется достаточно, чтобы следователь бросился его исполнять.

Однако капитан линкора какое-то время препирался с капитаном фрегата «Айрелл», пока под куполом рубки линкора не раздался ледяной голос:

— Говорит начальник следственной группы, мое имя Хаско Делаувер Болл...

Агнар выпрямился в кресле и обратился в слух: «Делаувер». Голос казался молодым, властным и отдаленно знакомым.

—…Передайте главе Совета Родов Креониды: если ему требуется получить ту или иную информацию о ходе расследования, то ему следует сделать официальный запрос в криминальную полицию. Для частной беседы готов выделить для господина Тибо пятнадцать минут, чтобы ответить на его вопросы и разъяснить какие-то процессуальные моменты… Передайте, что жду его на борту «Айрелла» через двадцать восемь минут по среднегалактическому времени. На этом все. Конец связи.

И отключился.

В рубке «Сефирота» повисла тягостная тишина, будто подвешенная над пропастью с голодными толгутами. Капитан линкора медленно повернулся к Агнару. Он боялся поднять на того взгляд, потел и растерянно моргал.

Агнар поднялся, вздохнул:

— Таýн поóрк[13]… Кругом одни невежды, — он оправил полы белоснежной тоги. — Готовьте катер, капитан… Посмотрим, что нам может сказать этот выскочка.

***

Борт крейсера «Айрелл», двадцатью восемью минутами позднее

На фоне белоснежного «Сефирота» фрегат «Айрелл» выглядел старенькой игрушкой, выточенной из бросового бревна неумелым и бесхитростным рабом. Небольшой, изрядно потрепанный, с потемневшими дугами гравикомпенсаторов и исцарапанными щупами, сейчас прижатыми к темному корпусу, он подслеповато щурился на приближающуюся шлюпку тусклыми линзами гостевых шлюзов.

Пилот шлюпки двигался по ходовым знакам, послушно исполняя требования оператора «Айрелла». Агнар и сам бы справился, но явиться после такого «приглашения» еще и своим ходом — это уронить честь самой Креониды.

[13] Toun poork — балбес, невежа (креон.)

Сопровождающих, впрочем, Агнар оставил на борту линкора. Секретарь порывался взойти с ним на борт.

— Я могу понадобиться вам, — старик переминался с ноги на ногу, не решаясь поднять глаза на стремительно поднимающегося по сходням властителя.

Агнар отмахнулся:

— Справлюсь и без тебя.

Он устроился в кресле второго пилота, прикидывая, насколько может быть совпадением, что встреча с Делаувером произойдет именно сейчас. В случайности он не верил.

«Неужели и крушение каравана подстроено этим зловонным гха́ссом[14], чтобы выманить меня из метрополии?!» — беспокоился он. Сердце учащенно билось, Тибо силился его успокоить — еще не хватало явиться к старому сопернику с раскрасневшимся лицом и выдать волнение неосторожной интонацией.

— Стыковка завершена, добро пожаловать на борт, — дежурно завершил протокол стыковки оператор «Айрелла» и добавил: — Господин Болл велел вашему пассажиру подняться на борт. Пилоту предложено остаться в кабине пилота в ожидании дополнительных распоряжений.

Пилот перевел на Тибо вопросительный взгляд. Тот невозмутимо кивнул — не устраивать же при подчиненном скандал — и отключил полевую защиту и поднялся.

— Жди здесь, — коротко приказал он и выбрался из тесной кабины к горловому люку.

У трапа его ожидал высокий землянин с шевроном группы «Ягеля» на рукаве. Кивнув Агнару пригласил следовать за собой.

Тибо рассчитывал, что перед ним хотя бы извинятся за хамство, но никто, похоже, не видел в предложении явиться на борт «Айрелла» или убираться ко всем чертям ничего предосудительного.

— Таун по́рк, — процедил Агнар и нацепил на лицо надменно-скучающее выражение.

Землянин проводил его через гермопереборки шлюзового отсека по килевому коридору, по которому сновали следователи, криминалисты и техники, а у узкой распашной двери пропустил вперед.

Агнар оказался в довольно тесной комнатке, служившей, очевидно, конференц-залом.

Склонившись над просторным круглым столом с загруженной интерактивной картой сектора и гравитационных линий Тулузы, его поджидала худенькая клириканка, по возрасту, хорошо если выпускница Академии правосудия. Заметив Агнара, девушка выпрямилась, приветливо улыбнулась и протянула ладонь:

— Та́вра Гаядэ́, гравитехник «Айрелла»… Болл попросил ввести вас в курс дела, — она покосилась на загруженную гравитационную карту.

Агнар нахмурился.

— У меня назначена встреча с господином Делаувером, — напомнил он.

Девушка-гравитехник кивнула, убрала за ухо темную прядь, выбившуюся из строгой прически.

— Да, он сейчас подойдет.

Агнар фыркнул. Раздраженно шагнул к столу — пурпурный плащ сановника упал тяжелыми складками, укрыв от посторонних глаз армейские ботинки Агнара. Скрестил руки на груди.

— Ну, рассказывайте! — приказал он.

Юная клириканка, смерив гостя взглядом, повернулась к столу. Сперва переключила в стандартный режим — поверхность стала матово-темной. В верхнем к Агнару углу серебрилось местное светило, прямо по центру — Тулуза.

---

[14] Ghass – урод (креон.)

— Как вам наверняка уже известно, Тулуза является газовым гигантом кремниевой группы. Ядро у него кремниевое, со значительным количеством металлических примесей, твердая оболочка состоит из металлического водорода и прослойки гидридов кремния нестехиометрического состава, образованных диффузным способом…

Агнар холодно посмотрел на девушку:

— Мне это правда надо знать?

Та пожала плечами:

— Если вам неинтересно, то можем просто подождать Хаско в тишине и попялиться в монитор. Желаете?

Агнар повел плечом, презрительно скривился: до какой степени должен был упасть Делаувер, чтобы позволить клириканской пигалице-гравитехнику называть его, словно раба, по имени.

— Рассказывайте. Я весь внимание.

Девушка недоверчиво покосилась на него, но продолжила.

— В целом такие структуры, как Тулуза, — довольно стабильны. Вблизи них навигационная погода отличается предсказуемостью на десять-двенадцать среднегалактических часов, что удобно для построения маршрутов следования. Ими часто пользуются караваны, которым требуется значительное время для движения кильватерной колонной.

Агнар кивнул — он знал это еще со времен учебы в Академии Космофлота, но перебивать девушку не стал.

— Тулуза, в общем-то, и к колебаниям своего светила была неотзывчива, — клириканка пожала плечами. В подтверждение своих слов она вывела на экран диаграмму гравитационных полей газового гиганта за истекший год. Ткнула пальцем в центр визуализации: — Видите?

Агнар скользнул взглядом по ассиметричному графику, очевидно, демонстрировавшему невосприимчивость планеты к звездным ритмам. Но стоило уточнить.

— Что вы хотите сказать этим замечанием?

Вместо ответа девушка вывела на экран навигационную карту:

— Это карта сектора, предоставленная следствию местной диспетчерской службой, — пояснила она и выделила нужный квадрат, запустила временную шкалу. Агнар видел золотые нити проложенных курсов, они вились вокруг Тулузы, используя гравитационный маневр вблизи гиганта для разворота и выхода на нужный курс. Девушка указала на мерцающую точку. — Это ваш караван.

Агнар подался вперед, уперся кулаками в край стола. Девушка еще немного подняла масштаб — теперь внутри мерцающей точки отчетливо выделялись семь кораблей, идущих след в след.

Клириканка вела пальцем по головному фрегату. Тот занял расчетную точку, развернулся для завершения маневра. И в этот момент золотые линии словно набухли и пожирнели. Слились в единый поток. Тулуза вспыхнула факелом, гравитация вокруг планеты завибрировала, облако эхо-магнитных помех распустилось цветком.

— Что это?

— Гравитационный всплеск, — девушка пожала плечами, — пока это явление называем так.

Экран заполнялся золотым. Нити путались, искрились, обрываясь и смешиваясь в клубок. И вот уже не разобрать, где проложенный диспетчером курс, где — новая гравитационная струна.

—Сквапр, — тихо выругался Агнар, склоняясь все ниже над экраном, — с такой навигацией немудрено…

— Это еще не все.

Девушка указала на Тулузу. Агнар не сразу заметил, как накренилась планета, расширилась. Ее очертания смазались, будто рябь прошла по монитору. И вот уже все стало стихать — гравитационные нити гаснуть, хаос — отступать.

Девушка-гравитехник остановила трансляцию. Вывела координаты ключевых и поворотных точек Тулузы на экран, сместила правее, чтобы цифры не мешали обзору. Вывела стопкадр планеты на момент появления в секторе каравана, также выделила координаты и поместила вторым слоем. Маркировала его изумрудно-синим. И посмотрела на Агнара:

— Видите?

Он хмурился, не веря собственным глазам — изображения не совпадали на несколько десятков градусов в масштабе. Ось планеты накренилась.

— И как вы это объясните? — спросил он у клириканки.

Та скрестила руки на груди и кивнула на цифровые характеристики гравитационного поля Тулузы.

— Планета изменила орбиту, у нее сместились полюса. И все это произошло одномоментно… У нас пока нет объяснения.

— Сквapp, — Агнар провел рукой по лбу, устало опустился на кресло, приставленное к столу. В смятении он не обратил внимания, как прошелестели, открываясь, створки, и как в помещение вошел еще кто-то. Отреагировал, только когда услышал голос:

— Благодарю, Тавра. Будь добра, теперь оставь нас с господином Тибо.

Агнар повернулся к вошедшему. Это был креонидянин в черной форме сотрудника службы галактической безопасности, но не чистокровка, явно с примесями крови представителей южных провинций. Небрежно кивнув Агнару, он отсалютовал ему как старому знакомому и занял кресло у стены. Положил щиколотку на колено и обхватив его сцепленными в замок пальцами. После чего принялся расслабленно изучать гостя.

— Делаувер… — Узнал его тот.

У Хаско потемнел взгляд. Он втянул носом воздух, медленно выдохнул:

— Теперь меня редко называют этим именем… Но я рад, что ты узнал меня и тем самым избавил от необходимости нырять головой в воспоминания.

— Я думал, ты давно умер, — прошептал Агнар.

— Признаться, я и сам прикидывал, не правда ли это, — Хаско криво усмехнулся. — Но, как видишь, я здесь.

Помолчали.

Агнар вернул себе самообладание.

— Значит, ты теперь работаешь с Теоном…

Хаско поднял к потолку глаза — уточнять свои служебные перипетии не хотелось, поэтому вопрос он проигнорировал. В конце концов, не так важно, на кого он работает. Агнар хищно прищурился, подался вперед:

— Мне донесли, что ты настраиваешь против меня Совет. Зачем? Ты хочешь вернуть место в Совете? Свои земли? Ты мог просто прийти ко мне, мы бы все решили.

Хаско покачал головой.

— Ты мыслишь мелко, будто скавиолла; жизнь сильно разнообразнее политических интриг и козней.

Агнар нахмурился: он не понимал.

— Расскажи мне, зачем ты все это затеял, зачем я здесь… Признаться, узнав, что ты причастен к моим неприятностям, я решил, что и крушение каравана устроил ты… — Он покосился на замершее на интерактивной поверхности стола изображение газового гиганта. — Чтобы получить повод выманить меня из-под охраны.

У Хаско изогнулась бровь, уголок губ дернулся в усмешке.

— Мне льстит твое представление о моем могуществе, но даже я не умею сдвигать планеты. — Он подался вперед, теперь его локти упирались в колени, а взгляд исследовал лицо молодого властителя. — Аэ́р рас, эн вран. Я не враг тебе. Но я действительно приложил некоторые усилия, чтобы у тебя возникло желание выбраться за пределы уютного кабинета и посмотреть на происходящее своими собственными глазами.

Он вытянул из пазов нейробраслета креоник, вставил его в разъем стола. Вывел программу пространственной модели. Над столом поднялась и загорелась галактика.

Хаско увеличил разрешение, выделив ту ее часть, которая называлась Единой Галактикой. В облаке звезд то тут, то там вспыхивали огни.

— Это катастрофы, аналогичные произошедшему на Тулузе. Как видишь, они случаются почти каждый день. Растет и их число, и масштаб.

— Внешнее вмешательство? — предположил Агнар.

Хаско отрицательно покачал головой:

— Не в том виде, в каком думаешь ты. Вмешательство, безусловно, есть. И мне нужна твоя помощь, чтобы выяснить подробности.

Агнар пожал плечами:

— Если я что-то могу…

— Ты должен отправиться со мной с адмицией галактического правительства, как его официальный представитель… для переговоров с расой Щита-Центавра.

Агнар онемел.

— Повтори.

— Ты мне нужен на переговорах с кремноидами, что тут непонятного? — повторил Хаско с раздражением.

Агнар фыркнул:

— Да здесь все непонятно. Какое отношение кремноиды имеют к происходящему у нас? Как ты собираешься на них выйти, учитывая, что никаких контактов с Древнейшими у нас нет? Кто конкретно уполномочивает меня и для совершения каких конкретно дипломатических действий? Все-таки это важный шаг. Я должен быть уверен…

Хаско застонал.

— Наа́р вэл…

Агнар оскорбился:

— Что? Это ты мне? Я, по-твоему, придурок?

У Хаско сузились глаза. Он указал пальцем на гравитационный цветок вокруг Тулузы.

— Оно… убивает нас, как слепых скварров в лужице. А ты дрожишь над регалиями и набиваешь себе цену. — Хаско поднялся. Оправил китель. — Ты думаешь, ты единственный действующий политик, к которому я могу обратиться? Нет, Тибо. Мой выбор пал на тебя потому, что ты *должен* мне. Ты должен мне жизнь, которой живешь. И ты знаешь об этом… Ме эн-вар раа́с. Я мог быть на твоем месте, и ты знаешь об этом. Но я справлюсь и без тебя…

Он вырвал пластину креоника из пазов на столе, стремительно направился к выходу.

— Делаувер, стой.

Персональный креоник Агнара окрасился красным. Утробный гул, скрежет и оглушительный грохот разнесся по кораблю. Одновременно стены «Айрелла» содрогнулись, а корабль опасно накренился. Все незакрепленные предметы сместились, полетели к дальней стене. Хаско успел схватиться за угол стола, чтобы не упасть. Агнару сноровки не хватило, он не смог удержаться на ногах и повалился на пол, кубарем откатился к стене, с силой ударившись ребрами о стойку.

— Пфаль ксё, — он грязно выругался, поднимаясь на четвереньки. Под пальцами вибрировал пол.

Тут же последовал второй удар, который снова опрокинул Агнара и придавил его на этот раз к полу. Выдвижной шкафчик вырвался из пазов и с силой обрушился на голову главы Креониды. Ящик оказался заполнен пустыми креодисками, но сам был сделан из прочного и довольно тяжелого плексиглаза. Агнар сцепил зубы и тихо выругался, отбрасывая ящик к стене.

В это время Хаско, держась за стеновую панель, орал в динамик:

— Рокс, что у тебя?!

— Сход с орбиты, шеф… Похоже на новый гравитационный всплеск.

— Сквapp.

Хаско бросил взгляд в угол, где кувыркался, запутавшись в тоге и плаще, Агнар Тибо. Качнул головой, процедив:

— Маа́р тай[15]… А вот и новый удар. Сиди здесь!

Он бросился в коридор. Агнар, отстегнув фибулу, отбросил плащ, подобрал подол длинной тоги — под ней оказались форменные брюки — и в таком виде бросился за Хаско, прошипев:

— Шрак сё[16]… Думаешь, новый гравитационный всплеск, как с караваном? — спросил он, догнав Болла.

Фрегат накренился — обоих опять швырнуло на стеновую панель. Хаско успел задержать собственное падение, вцепившись в крепление силового кабеля. Оно хрустнуло у него под пальцами и вывалилось из пазов.

Хаско снова выругался.

Хватаясь за держатели, расположенные вдоль всего килевого коридора, он торопился в носовую часть корабля, в рубку. Агнар не отставал от него, то и дело ворчал и ругался, срываясь после очередного удара. Команда разобрала аварийные зоны — служащие фрегата, которых авария застала на рабочих местах или по пути, прильнули к стеновым панелями и активировали полевую защиту — в красном аварийном свете их коконы напоминали личинки.

Болл включил одну из свободных ячеек, толкнул в нее Агнара:

— Тут сиди!

Тибо увернулся, а при очередном толчке прыгнул за Хаско. Тот выругался, назвав сановника упрямым ублюдком, глупцом и зловонной жижей. У Агнара не хватало сил, чтобы парировать, он просто старался удержаться рядом с Боллом и пробраться в рубку — понять, что происходит.

Они достигли конца коридора, уперлись с мембрану гермопереборки. Та распахнулась, принимая Хаско, но тут же захлопнулась прямо перед носом Тибо. Пароля тот не знал, поэтому ударил кулаком по сомкнувшимся лепесткам.

— Открой, сквapp!

Мембрана распахнулась. Из отверстия показалась рука Хаско. Она схватила Агнара за грудки и втянула внутрь, уже там отбросив к гостевому креслу. Болл рявкнул:

— Пристегнись!

А сам рванул к капитану. Фрегат провалился в яму — Агнара до хруста под ребрами вдавило в кресло. Он цеплялся в дрожащее под ним кресло, торопливо активировал полевую защиту. Снабженная гравикомпенсаторами, она мягко подхватила его тело и заключила в крепкий кокон — не вырваться. Хаско же капитана не дотянул, на очередном маневре рухнул на пол и ударился виском о стойку навигаторского кресла.

— Маневр уклонения, — без паники в голосе комментировал навигатор, паря в кресле под потолком рубки. — Крен на правый борт, ухожу из-под пылевого хвоста.

---

[15] Maar tai – кривая звезда, неудача (креон.)

[16] Šrak šo – пустота тебе, черта с два (креон.)

— Фиксирую фракции от ноль-один до двенадцати… — сообщил другой оператор. — Активирую защитное поле.

Хаско рухнул в кресло рядом с капитаном — немолодым клириканцем.

— Как это началось? — спросил, активируя защиту.

Капитан невозмутимо хмыкнул:

— Как гром среди ясного неба. Но вы не беспокойтесь, господин Болл, «Айрелл» — крепкая посудина. Да и команда не пальцем деланная, справимся.

Он положил руку на подлокотник, переключил обзорные экраны в режим трансляции.

— Ну-ка посмотрим, что там творится.

Сквозь золотистую вуаль защитного поля пространство вокруг напоминало густой кипящий бульон. У Агнара от ужаса перехватило дыхание— его линкор, подхваченный течением, приближался к плотному пылевому кольцу, образовавшемуся вокруг Тулузы. Округлив глаза, он наблюдал, как белоснежный линкор накренился, как загорелись гравитационные дуги, а пламя охватило корпус и перекинулось на топливные баки. Массивный корабль тяжело разворачивался, уходя от столкновения. Защитное поле окутало корпус искрящимися волнами.

— Защитное поле активировано на восемьдесят процентов, — сообщил штурман «Айрелла». — Доступный запас прочности — сорок восемь минут. Надо бы в ближайшие девять минут вывести фрегат отсюда подальше.

Навигатор отозвался мгновенно:

— Принято. Всем на борту, приготовиться к маневру уклонения. Дифферент на правый борт сорок. Угол атаки двадцать. Дифферент на левый борт пятнадцать. Правые маневровые…

Навигатор ловко управлял фрегатом, выводил его из-под удара взбесившегося газового гиганта — тот медленно отдалялся на мониторах. Корпус подрагивал и стонал от нагрузки.

— Прочность защитного купола — тридцать девять процентов, — сообщил оператор.

Навигатор промолчал.

— Помеха по правому борту, — сообщил ему штурман. — Перебрасываю защитное поле.

Агнар впился взглядом в серебристый корпус линкора — тот отбросило назад. Плотным пылевым потоком сорвало маневровые — те разлетелись серебристым облаком. И в тот же миг корпус «Айрелла» содрогнулся от удара.

— Прямое попадание. — Сообщил оператор. — Прочность защитного купола — тридцать два процента.

— Ничего не вижу, — пробормотал навигатор.

Он переключал визиры, активировал один за другим эхолоты и лидары, собирая по крупицам информацию о безопасном маршруте.

Агнар же не мог отвести взгляд от клубящегося огненного шара — всего, что осталось от линкора «Сефирот». Он отдалялся. За бортом клубилась, прорываясь, тьма, мелькали крупные фракции обломков — среди них мог оказаться и обломок от одного из кораблей каравана, потерпевшего крушение несколькими днями ранее. Это уже было не так важно: осознания, что теперь никто не мог оставаться в безопасности, накрыло Тибо с головой.

Навигатор «Айрелла» выдохнул с облегчением:

— Капитан, мы покинули зону опасной навигации, можно снизить активность защитного купола, а то мало ли что еще приключится.

Капитан кивнул:

— Согласен. Переходим в рабочий режим. Команде — вернуться на рабочие места, доложить о поломках и неисправностях. Что с «Грекком» и патрульным катером?

— Патрульный катер успел выйти в безопасную зону. Связь с «Грекком» устанавливаю, наблюдаю его визуально по правому борту. Без бортовых огней, сильные повреждения корпуса.

— Скварр. — Капитан поднялся, вызвал по внутренней связи команду сопровождения — забрать выживших на борт «Айрелла».

Хаско какое-то время смотрел на экраны — на них Тулуза снова затихала. Он подключился к диспетчерской, загрузил отчет о происшествиях.

Отключив полевую защиту, поднялся и направился к Агнару — тот все еще сидел, уставившись на экран, где догорал его линкор.

— Прими мои соболезнования, — Хаско сел в соседнее кресло. Протянул ему свежий отчет. — Сразу семь зафиксированных аномалий. Диспетчерская отключила переходы в шести секторах до выяснения причин и завершения диагностики навигационного оборудования с веховыми комплексами. Аномалия разрастается…

Агнар смотрел прямо перед собой. На открытое оконце с горящими огоньками аварий едва взглянул. Он представлял, что на месте Тулузы могла бы оказаться его Креонида. Точно также окутаться дымкой, взорваться километровыми цунами и за одно мгновение смыть все живое гигантской волной.

— Кривая звезда свела нас снова, Делаувер. И клянусь, я не враг тебе, как и ты мне — не враг. И если есть хоть какой-то шанс остановить это, я пойду за тобой, раз ты зовешь. Хоть к скварру в задницу, хоть на переговоры с кремноидами…

Хаско мрачно кивнул. Окинул взглядом рубку.

— Отдай нужные распоряжения, порадуй Арахну намеком на собственную отставку. Простись с близкими… мы можем не вернуться. И жду тебя на «Тамту».

9

Орбитальная станция «Гнорант», система Роббер, накануне

Все это оказалось бы невозможным, если бы накануне ровно в назначенное время — 22ТЛС, на означенной частоте 170-88, Агнар Тибо не вводил персональный код. Дожидаясь загрузки параметров шифрования, он нацепил нейроинтерфейс и откинулся на спинку кресла, вытянул ноги.

Экран подернулся сине-белой рябью, будто кто-то потревожил ртутное полотно, а через мгновение в нем проступили черты смуглой девушки с оливковыми глазами и светлыми, почти белыми волосами, убранными в непривычно строгую прическу — волосок к волоску.

— Да́рья эн[17]! — приветствовал он ее ласково. — Касается ли свет твоих забот, возлюбленная моя?

Девушка раздраженно цокнула языком, закатила глаза:

— Вот этот игривый тон придержи для своих сановников.

Агнар изогнул бровь:

— Я просто искренне интересуюсь, как прошел твой день, все ли удачно. Не знал, что моя забота тебя расстраивает, дорогая Алита.

Он сложил руки на животе и положил затылок на подголовник — так, расслабленно, можно было сидеть довольно долго. Конечно, он бы предпочел, чтобы очаровательная собеседница разделила с ним вечер, чтобы устроилась на его коленях, обхватила легкими руками его плечи и прильнула к обнаженной груди. И тогда его губы завладели бы ее губами, дыхание стало бы общим, а время множилось бесконечно…

Алита щелкнула пальцами перед камерой.

— Ты вообще слушаешь меня?

Оказывается, задумавшись о приятном, властитель упустил нить разговора. Агнар повел плечом, привстал, сбрасывая негу.

— Весь внимание.

Алита прищурилась, подалась вперед:

— Ты раздет…

Губы молодого человека растянулись в лукавой усмешке:

— После того, как ты стала шпионить за квесторами Трибунала, тебя почти никогда не бывает рядом. Мне больше нравилась твоя работа следователем. — Он коснулся экрана рукой, будто желая погладить скулу девушки. Прошептал: — Я скучаю… Рассчитывал, что мы хотя бы поиграем.

— Наигрались уже, — отрезала девушка. — У тебя двенадцать часов, чтобы придумать линию защиты. На заседание Совета Родов Креониды выдвинулась группа квесторов. В их числе — Арахна Соар свон Ирган. Эта престарелая дева, как тебе известно, имеет к тебе некоторые… претензии.

— Кхей эн тай[18]! — Агнар отмахнулся. — Это пустые сплетни, я ничего не сделал этой почтенной ящерице.

Девушка посмотрела на него с жалостью и укором:

— Она так не считает, после того как ты отказался вступать в брак с ее племянницей… В любом случае, у Арахны на руках — материалы расследования инцидента на фрегате «Севойя». Помнишь такой?

Она пристально вглядывалась через экран.

---

[17] Darya en – мир с тобой, приветствую (креон.)

[18] Khey en tai – дословно: пустой свет. Я тебя умоляю (креон.)

Агнар потер переносицу. Конечно, он помнил. Алита заговорила вновь:

— Это тот грузовой фрегат, приписанный к «Вра́нусу», экипаж которого был выпотрошен и оставлен на курсе.

Агнар мрачно отозвался:

— Я помню, не по́рк[19]. А еще я помню, что расследование зашло в тупик: официально команда перевозила контрабандный груз, какого-то хищника с Формозы. Он выбрался из клетки и всех там прикончил.

Девушка кивнула.

— Это ты верно сказал — «официально». И так же ты должен помнить, что никакого секретного груза на «Севойе» не было. И хищника — тем более. Криминальная полиция проследила их передвижения от ремстанции до момента трагедии, проверив все грузовые накладные, сканирование грузов и отчеты весовых платформ.

Агнар нахмурился. Он молчал. Алита бросила взгляд мимо камеры и заторопилась:

— В общем, в Трибунал поступила жалоба от семьи капитана «Севойи» на недобросовестность проведенного расследования, с требованием проверить выводы полиции. И Арахна вцепилась в этот материал мертвой хваткой.

— Голова гнилого сильфа, — выдохнул Агнар, уже догадываясь, к чему клонит Алита.

Девушка полоснула его взглядом:

— Совершенно с тобой согласна на этот раз. Арахна не преминула использовать этот материал, чтобы насолить Теону и тебе заодно. Якобы Теон в сговоре с преступниками и их покрывает…

У начальника криминальной полиции было мало друзей, это правда. Особенно среди родственников сановников, которых он лишил власти, должностей и отправил в тюрьму[20]. Молодой властитель протяжно вздохнул:

— А меня-то тут каким боком можно приплести?!

Алита подалась вперед, прошипела в микрофон:

— А с того, что это ты подписал распоряжение закрыть дело и отправить его в архив!

— Так… — Агнар растерянно развел руками… — Так это стандартная процедура. «Севойя» шла под нашим флагом, а значит, и решение о продолжении расследования принимает глава Совета, а при отсутствии виновного и невозможности его установить — согласовывать помещение дела в архив до вскрытия новых обстоятельств, могущих пролить свет на произошедшее.

Агнар практически дословно процитировал параграф уголовно-процессуального кодекса; брови его сомкнулись:

— Я приказал оказать семьям всех погибших материальную помощь.

— Как будто это когда-нибудь кого-нибудь останавливало, — девушка устало потерла лоб. — Слушай, я всех подробностей не знаю, я ведь здесь всего лишь сотрудник секретариата. Так что материалов, с которыми к вам летит Арахна, я не видела. Но девушка, которая занималась копированием, уверяет, что в обвинительном заключении значится *твое*имя как организатора фальсификации. И Арахна уже все подписала, понимаешь? Она летит с проектом резолюции Совета о заключении тебя под стражу. Ясно тебе это?!

От упоминания галактической тюрьмы Агнару стало не по себе.

— Меня отправят на «Калипсо»?

Алита пожала плечами и отвела взгляд:

— Зная Арахну, я бы предположила, что она лично тебя туда препроводит сразу по окончании совещания.

---

[19] Дурак.

[20] Об этом читайте в трилогии «Навигатор»

У Агнара опустились плечи.

— Ме га́ндра[21], — выдохнул он и тут грустно усмехнулся, лукаво щурясь на свою собеседницу. — Будешь ли ты меня навещать, моя милая? Будешь ли приносить засахаренные таахи́ры, чтобы скрасить однообразные будни бедного узника?

Алита посмотрела в глаза Агнара.

— Не смешно… Слушай, нужно время, чтобы организовать защиту… Я бы посоветовала тебе для начала сбежать или скрыться до поры. Но понимаю, что это бесполезно, Трибунал тебя из любой дыры достанет... — она нахмурилась и прикусила губу. — Попробуй хотя бы подготовиться. Арахна — истеричка, она совершенно не умеет говорить и убеждать! Может, тебе удастся переубедить Совет?

Агнар покачал головой:

— Арахна — концессионный квестор Трибунала. Да и надо ли быть красноречивым, если точно знаешь, что тебя поддержит добрых три четверти состава Совета, стоит тебе просто чихнуть? — Он устало покачал головой: — Дорогая моя Алита, мой Совет Родов спит и видит, чтобы вытряхнуть меня из нынешнего кресла…

Они помолчали. Агнар, упершись локтями в колени, отвернулся к окну и наблюдал, как падают последние лучи Глаугели на гладкий лик океана. Где-то далеко начиналась гроза — из окна пахнуло прохладой.

Алита выдернула его из раздумий:

— Что ты собираешься делать?

Молодой человек вздохнул:

— Есть у меня одна задумка. Она выглядит как трусость, но только на первый взгляд.

Девушка ужаснулась:

— Ты все-таки намерен бежать?

— Ну, это не совсем побег… Я не поорк, говорю же тебе, — его улыбка стала угрожающей. — Но у меня есть обязанности, которые вынуждают меня время от времени покидать пределы Креониды. И чем дальше я окажусь от родной планеты, тем труднее Арахне с ее приспешниками до меня дотянуться.

***

Алита отключила сетевой доступ. Какое-то время сидела, откинувшись на спинку кресла, перед слепым монитором. Ее пальцы тревожно барабанили по подлокотнику, а взгляд блуждал. Посмотрев в тень кабинета, она проговорила:

— Ты доволен?

Тот, кому она бросила этот вопрос, отделился от стены. Высокий и худощавый креонидянин в форме сотрудника галактической службы безопасности, но без шевронов и опознавательных знаков подошел к информеру Алиты, уперся пальцами в стол. Он понимал, что спрашивает девушка не о том, о чем на самом деле хочет узнать, а поэтому проигнорировал услышанное и ответил на невысказанное:

— Ты сделала, что должно…

В кабинете снова повисло напряженное молчание.

— Как ты узнал, что он… поверит мне? — спросила девушка наконец. — О нас никто не знает.

Она вглядывалась в лицо креонидянина, пытаясь угадать, что тот чувствует — радость ли, раздражение или тревогу. Пыталась угадать, на чьей он стороне. Ее гость горько усмехнулся:

[21] Me gandra – мне конец (креон.)

— Твой дружок прямолинеен, словно кур-гиш[22], и не имеет ни малейшего понятия о конспирации: единственный адресат, с которым он связывается по секретному протоколу — это ты… Мне даже думать слишком много не пришлось, к кому обратиться за помощью…

— М-м, так ты наблюдателен…

Он чуть поклонился. Впрочем, это движение скорее напоминало издевку. Алита потерла переносицу и закатила глаза.

— Сквapp, — ругательство, слетевшее с ее губ, напоминало дуновение ветра. — Отчего же мне кажется, что я его подставила?

Губы креонидянина тронула усмешка.

— Потому что ты не знаешь обо мне столько, сколько знаю о тебе я, и боишься, что доверилась не тому. Но никто другой тебе все равно не поможет. Так что… — Он развел руками. — Вран ме арш, ара́с валл шрак[23], как говорили предки. Я —лучшее из твоих бед. И у тебя с твоим вельможным любовником все равно нет другого выхода, кроме как довериться мне.

Он скрестил руки на груди. Алита наблюдала за ним со смесью страха и заинтересованности.

— Ты манипулируешь и им, и мной, и еще только боги знают, кем, — проговорила она, наконец, не отпуская его взглядом.

Креонидянин вздохнул, спрятал руки в карманы брюк.

— Не стану отпираться. В этом мире игры — часть реальности. И я предлагаю лучшую из всех возможных — игру на выживание. Я очень надеюсь, что твой дружок сделает то, что мне нужно. Это правда важно. Для всех нас.

— Почему ты не обратился к нему напрямую?

Ее гость ответил не сразу. А когда заговорил, его голос звучал глухо:

— Боюсь, он бы просто выставил меня за дверь.

Алита хотела бы знать, что происходит. Она терпеть не могла тайны, но за этого парня в форме безопасника поручился дядя, Тиль Теон. И в отличие от всех остальных, ему она доверяла безоговорочно. Но один вопрос она не могла не задать. Помедлив и тщательно подбирая слова, она проговорила:

— То, что произошло с креонидянским караваном, — это ведь не твоих рук дело?

Она была готова, что гость отшутится или проигнорирует ее вопрос. Но креонидянин посмотрел на нее прямо.

— Думаешь, я такое чудовище, что взорвал семь кораблей, чтобы выманить твоего приятеля с насиженного трона? — он покачал головой. — Такие караваны случаются сейчас с завидным постоянством. Нет нужды что-то подстраивать, достаточно подождать.

---

[22] Kur-giš – дословно: гора-палка. Упрям до глупости (креон.)

[23] Vran me arš, aras vall šrak – дословно: твой путь кривой, иная дорога ведет в пустоту. Все что ни делается, все к лучшему (креон.)

10

Планета Клирик, резиденция царского рода Адальяр, за три дня до событий на «Эррониусе»

Ира́ль Танакэ́ сено́м Адаль́яр, новый глава Совета родов планеты Кли́рик и ее протекторатов, наблюдал, как разгораются экраны голосования делегатов: зал постепенно, ярус за ярусом, окрашивался алым. Билль не прошел.

— Ри́хта джа́ль, — себе под нос выругался молодой Адальяр.— Айли́ ка́ю сса́кка[24]!

Он еще какое-то время постоял на трибуне, развернулся на каблуках и стремительно покинул зал заседаний.

Звуки его шагов глухо пружинили от стен, темно-коричневый плащ с золотым позументом струился, подхваченный сквозняками Акала́ту, подземной столицы Клирика и резиденции правящего дома Адальяров. Высокие сводчатые потолки, усыпанные янтарной лепниной и миллионом золотых огней, напряженно наблюдали за одинокой фигурой. И следом — за другой, что торопливо следовала за молодым правителем.

— Сеном! — властно окликнули его.

Мужчина заставил себя замедлить шаг и обернуться, узнав знакомый голос.

— Будешь говорить, что ты предупреждала? — процедил он, когда его преследовательница подошла ближе и оказалась в узкой полоске света.

Это была невысокая, довольно полная женщина в золотистых одеждах. Ее царственная осанка и повелительный голос выдавали в ней человека, привыкшего отдавать приказы и вершить судьбы. В том числе и судьбу молодого правителя, что стоял сейчас перед ней.

— Не стану. Но напомню тебе, что ты связан протоколом. Ты должен отступить.

— Черта с два!

Земное ругательство прежде не сорвалось бы с губ царевича. По лицу Маэ́ль Адаль́яр, царицы и матери-наставницы, пробежала тень: во всем виновата та женщина, которую привел сын на царственный трон; это она мешает ему укрепиться во власти, она ослабляет его.

— Ты лишишься трона… — прошипела царица.

Он посмотрел на нее и усмехнулся. Тонкий вертикальный зрачок сузился на миг, позволил обманчиво-теплому золоту глаз заполнить радужку.

— Ты все еще думаешь, что для меня трон что-то значит? — он поднял руку, указывая на зал Совета за ее спиной, гудевший, будто потревоженный улей. — Совет ведет Клирик к открытой войне с Креонидой; главы родов вспомнили все прежние обиды, а злость застилает их разум… И это в неурожайный год, когда провинции погрязли в болезнях и нищете, народ ропщет; когда голод стучится в каждый второй дом. Но ты твердишь о троне.

Он болезненно прищурился, будто образ собеседницы причинял ему страдания. Женщина, казалось, растерялась:

— Но ты не можешь вот так все оставить… Это твой народ, твой долг чтить его законы.

Ираль шагнул ближе, склонился к своей собеседнице. До сводчатого потолка едва донесся его злой шепот:

— Мы сейчас точно говорим о народе, а не о тебе, матушка? — он смерил ее взглядом.

Та гневно прошипела в ответ:

— Да как ты смеешь!

— Я знаю о переговорах, которые ты ведешь в Совете за моей спиной. Ты готовишься поставить мне ультиматум: или отказаться от оайли́, или лишиться трона. Ты готова пойти

[24] Aili kayu ssakka – Скорее небо упадет, чем дело сдвинется (восклицание отчаяния, клирик)

на сговор даже с Ирга́нами, теми, кто виновен в смерти моего отца и твоего супруга! — он покачал головой и сделал шаг назад. — Амà, эрсé айà ри́хпа[25].

К его удивлению, мать не стала отпираться. Вцепившись в застежку его плаща, она потянула его на себя, заставив сына склониться к своим губам:

— Ты говоришь о ропоте народа, но забываешь, что твоя оайли бесплодна! — она вздернула подбородок и блеснула глазами. — Бесплодная оайли — это угроза, это врата хаоса! Ты знаешь закон, ты должен выбрать другую женщину… Эту можешь оставить наложницей, никто и слова поперек не скажет. Но оайли…

— Мой цвет не коснется никакой другой женщины, и никакая другая из них не взойдет на мое ложе!

— Ккай ола́[26]! — мать оттолкнула сына, всплеснула руками и отвернулась. — Упрямый, глупый мальчишка… О чем ты думаешь?! Даже если в ее чреве появится твое продолжение, еще не факт, что она сможет выносить здорового младенца, мы не знаем, какая у нее генетика. Какова сила ее крови. У нее был шанс, но она потеряла твое дитя!

Ираль выпрямился. Его глаза стали огненно-рыжими, дыхание сорвалось.

— Уж не тебе винить ее в том, что ребенок не уцелел… И я сейчас думаю о том, что моя мать только что призналась в государственной измене, и, формально следуя законам Клирика, я могу отправить ее на смерть.

Женщина медленно развернулась к нему.

— Ты не посмеешь.

— Я не стану, — Ираль сдержанно кивнул. — Но я запомню.

Он собрался уйти. Мать схватила его за рукав:

— Что ты собираешься делать? Неужели не видишь, что сановники тебя перестали поддерживать? Ни один из твоих законов не находит одобрения.

Ираль кивнул:

— Твоими стараниями, матушка, меня скоро трона лишат, а ты беспокоишься о таких мелочах, как социальная реформа и снижение налогового бремени для пострадавших от засухи провинций. Ты помогла саботировать мое предложение и отправила на мучительную смерть сотни тысяч клириканцев, — он с деланным равнодушием пожал плечами.

Мать вздохнула:

— Это политика, сеном, она не бывает доброй для всех. Мудрый политик в трудный год закроет закрома, чтобы обеспечить процветание в будущем.

Ираль шумно перевел дыхание, запрокинул голову, гася в себе раздражение и злость. Он снова кивнул:

— Запирая закрома, мудрый политик должен отдавать себе отчет в том, что будущего у его нации может и не наступить.

Маоль проигнорировала его комментарий. Она с беспокойством смотрела на сына, не понимая, что он может предпринять.

— Так что ты собираешься делать?

По лицу Ираля скользнула усмешка:

— Ты узнаешь в свое время…

Он холодно поклонился и поторопился прочь.

— Ираль!

Царевич на этот раз не остановился, даже не оглянулся. Его шаги постепенно стихли. Женщина стояла, сцепив руки в замок, смотрела вслед сыну и не решалась сделать следующий шаг. В своих размышлениях она не заметила тонкую фигурку, прятавшуюся за колоннами.

---

[25] Ama`, erse aya` rihpa – дословно: мать моя, тебя не вижу я. Матушка, не узнаю тебя (клирик.).

[26] Kkai ola - святые небеса! (клирик.)

Длинное, расшитое золотом, темно-коричневое платье ловило свет угасающего светила, чьи лучи проникали в подземный зал через узкие оконца под куполом. Светлые волосы убраны под золотистую сетку, украшенную топазами. Девушка стояла, прижавшись к одной из колонн, а гулкое эхо услужливо доносило до нее весь разговор, состоявшийся между матерью и сыном, от первого слова до последнего.

Дождавшись, когда в зал вбежит служанка царицы и вернет госпожу к сановникам, она бесшумно двинулась следом за Иралем, держась в тени величественной колоннады. Словно призрак, так и не ставшая своей в этом спрятанном от палящих лучей Регины городе.

Ее звали Наталья, она была землянкой и той самой выбранной Иралем оайли — невестой, женой и будущей Всеобщей матерью... если судьба улыбнется ей и пошлет младенца.

11

Мужа она застала в кабинете. Ираль сидел, уставившись невидящим взглядом в монитор информера. Его тонкие пальцы с темными ногтевыми пластинами рассеянно поглаживали узор на креодиске. На появление Натальи молодой мужчина почти не отреагировал, но лицо стало мягче, морщинка на переносице чуть разгладилась, взгляд потеплел.

— Эрэ́се, — приветствовала она его едва слышно.

Подошла, положила ладони на плечи. Скользнула выше, коснувшись мочек ушей, и обхватив его голову и прижавшись губами к волосам замерла.

— Прости, — он поднял руку и сцепил ее с пальцами землянки; они оказались прохладными. Ираль нежно поцеловал их. — У меня опять ничего не получилось.

— Ты делаешь все, что можешь. Старую лодку сложно раскачать…

Ее взгляд скользнул по открытому Иралем письму, дыхание сорвалось, а рот чуть открылся от удивления — сумма, значившаяся в письме, в самом деле, выглядела астрономической. Ираль понял, что она прочитала. Усмехнулся:

— Агнар Тибо, новый глава Креониды, предлагает встречу один на один.

— Он совсем не имеет совести, этот креонидянин, такие суммы требует к возмещению, — Наталья вдохнула запах его волос — терпкий, будто аромат песчаной бури, приправленной полынью и базиликом. — Как хорошо ты его знаешь, с ним можно договориться?

— Совсем не знаю, — Ираль усмехнулся. — Но он когда-то учился в Академии космофлота, до того как погиб его отец, а самому Агнару пришлось вникать в семейные дела на Фобосе. Он должен был стать навигатором, и те, кто его помнит по тем временам, говорят — он подавал большие надежды…

Наталья вздохнула:

— Вояка и авантюрист. Можешь дальше не продолжать, вы непременно поладите.

Ираль потянул ее к себе, усадил на колени и обнял затянутую в корсет талию.

Он улыбался глазами, глядя на светлую головку, доверчиво прильнувшую к его груди. Пальцы супруги теребили позумент на плече; она нервно покусывала губы.

Она никогда не жаловалась, не говорила, как ей тяжело во дворце. Но он видел по темному мерцанию ее цвета — клириканцы были синестетиками и видели эмоции через цвет. Краски Натальи медленно тускнели. Это тревожило Ираля.

— Ай эрсе́ ме́рра[27]— прошептал он и повернул к себе изящную головку землянки, коснулся губами уголка ее рта, отмечая, как в одно мгновение цвета супруги приобрели яркость. Положив руку на ее затылок, он углубил поцелуй. Отдавшись ему без остатка, он чувствовал, как бьется сердце любимой, как у нее заканчивается в легких воздух… Но он не отпускал ее, хотел подарить ей свой.

— Я тоже тебя очень люблю, — прошептала она, когда он чуть отстранился.

По ее щеке стекла слезинка. Ираль подхватил ее губами.

— Не плачь, все образуется.

Наталья шмыгнула носом. Сама вытерла вторую непрошеную слезинку и улыбнулась мужу.

Ираль ласково высвободился из объятий супруги, поднялся и пересадил ее на свое место, а сам подошел к панорамному демоэкрану. Клирик был горячей планетой, непригодной для жизни на поверхности. Многие тысячелетия цивилизация на ней развивалась под толщей каменистой породы, построив огромные многоуровневые города-муравейники, такие как резиденция одного из древнейших родов на Клирике, рода Адальяров. Но технологии позволяли скра-

[27] Ai erse mer-ra – дословно: я вижу любовь большую. Я люблю тебя (клирик.)

сить пещерную жизнь — демонстрационные экраны показывали поверхность такой, какой она была. Бескрайние песчаные дюны, тяжелые облака и изменчивое марево над обширным и горячим океаном.

Ираль сцепил руки за спиной и долго смотрел за горизонт. Красные отблески Регины играли в его желтовато-оранжевых глазах. Наталья, облокотившись на спинку его кресла, молча наблюдала.

— Знаешь, кое-кто уверяет, что наш мир доживает последние дни… — проговорил Ираль, не оборачиваясь.

По лицу Натальи было не разобрать, верит она или нет. Но голос, когда она заговорила, дрожал:

— Кто на этот раз? Мятежники? Очередные фанатики вроде «Новой эры»[28]?

— Атавиты… Поговаривают, что они никуда не ушли, — он повернулся к жене. — Ослабление Клирика опасно. Провинции ропщут, население испытывает тяготы, а помощь из казны Совет заблокировал стараниями моей матушки. Я вынужден искать мира с Креонидой, возможно, придется идти на уступки.

— Даже не заручившись поддержкой Совета?

Он кивнул:

— Ну, я все еще Адальяр, и пока не лишен трона. Так что, думаю, могу немного побыть тираном и деспотом… — Он усмехнулся, протянул Наталье руку: — Что, ты останешься со мной, когда я стану царем в изгнании?

Наталья шагнула к нему, положила ладони на грудь и покачала головой:

— Твоя мать права, ты думаешь не о том…

Ираль с горечью усмехнулся, привлек супругу к себе:

— Ну, хоть в чем-то вы согласны друг с другом.

За его спиной, на ложном экране, расцветал багряный закат гигантской Регины.

— Ты собираешься лететь на встречу с Агнаром… — догадалась Наталья. Ее голос сел. Паника, бушевавшая в груди, внезапно сдулась, оставив после себя пустоту. — А как же я? Ты намерен оставить меня здесь, одну?

Она медленно отстранилась, запрокинула голову, вглядываясь в темный силуэт мужа. Ноги подкашивались от подступившей тревоги. Наталья оперлась рукой на угол стола, чтобы скрыть волнение.

Ираль тихо вздохнул:

— Мы не можем лететь вместе: это будет сродни бегству.

Наталья ахнула. Прикрыла рот ладонью.

— Они убьют меня, сожрут заживо... Без твоей защиты я обречена…

— Никто не посмеет тронуть оайли, ты останешься под защитой моей матери, — его взгляд потяжелел.

Наталья молчала — он все решил. Как часто это делал прежде, пользуясь ее незнанием законов Клирика, ее откровенной наивностью. Остаться здесь, в катакомбах Акала́ту, вдали от дома и в окружении тех, кто желал ей смерти — худшее, чего она могла услышать.

Девушка отвернулась и прикусила губу, чтобы не расплакаться. Ираль видел, как ее цвет изменился, став пурпурно-тревожным и больным.

Он шагнул к ней, порывисто повернул к себе и обхватил ладонями лицо. И поцеловал — жарко, проникая в мысли и самую суть любимой женщины. У Натальи кружилась голова, а перед глазами горели образы, которые Ираль хотел ей подарить на этот раз. Гребни высоких гор, бурный океан и мрачное марево над ним. Огненная точка, появившаяся в зените, разрослась и заполнила собой небо; оно стало ослепительно-белым и запустило вереницу палящих

[28] О «Новой эре» можно прочитать в дилогии «Единая Галактика»

вихрей по Клирику. Наталья догадалась — так появилось Выжженное поле, оградившее часть рукава Ориона от остальной галактики. Именно там погиб отец Ираля. Именно к этой точке снова и снова возвращались мысли ее мужа.

Взрыв разметал десятки населенных планет, став самой страшной и кровавой катастрофой за все времена.

Ираль целовал. Его цвет касался губ Натальи, ее плеч, рассыпался огненными языками по лопаткам, смешиваясь с изумрудно-зеленым — цветом самой Натальи. Узор смешивался, укладываясь неповторимым рисунком, забираясь под кожу девушки, вплетаясь в ее волосы и смешиваясь с дыханием — чудо, которого никто не ожидал. Землянка тоже обладала даром синестезии.

Ираль подхватил девушку на руки и направился с ней в спальню.

— Не оставляй меня, Ираль, — просила она, обвивая его шею руками и прижимаясь всем телом. Она целовала пылко, буквально умоляла каждой клеточкой своего хрупкого тела.

Он сорвал застежки ее корсета, высвободил высокую грудь. Наталья цеплялась за плечи мужа, подставляла шею и упивалась его поцелуями. Она позволила снять с себя плотные шелка — те волной обрушились к ее ногам.

Ираль навис над ней и заглянул в глаза:

— Эр оайли-а́й, шуурра́ айа̀ тури́[29]. Ты — моя оайли и другой у меня не будет, слышишь? Мы должны пройти через это… И ты справишься, ты покажешь свою царскую волю. Выйдешь из моей тени и тени своих страхов. Веришь ли ты мне?

Наталья прикрыла глаза, растворяясь в его ласках: там, в глубине подаренного мужем образа, затаилось нечто важное. Песчинка, которой прежде не было.

Наталья вглядывалась в нее, ощущая близость с мужем и разгораясь от его любви, пока в самый яркий момент не поняла — то, что прячется в фейерверке огней, имеет облик человека.

[29] Er oaili-ai, shuurra aya` turi - Ты – моя оайли, и другой у меня не будет (клирик.)

12

Утром, когда свет Регины еще не разгорелся, флагманский корабль «Адальяр» уже ждал Ираля на орбите Клирика. Его бортовые огни горели синим, и их было видно даже с поверхности, стоило вглядеться в прозрачно-высокое небо.

— Я не собираюсь задерживаться, — улыбнулся Ираль Наталье. Он склонился и поцеловал ее в губы, затем припал к руке. — По законам Клирика и протекторатов во время моего отсутствия главой Совета родов становишься ты…

Они стояли в большом зале, густо набитом придворной знатью и слугами. Катер Ираля — небольшое двухместное судно с алой эмблемой Адальяров на борту — был готов доставить царевича на орбиту. Мерный гул активированного защитного поля расходился волнами вокруг темного корпуса катера.

— Погоди, — она схватила мужа за руку. — Ты сказал, что улетаешь ненадолго, и тут же предупреждаешь, что мне придется возглавить Совет. Мне, а не твоей матери.

Она приблизилась к мужу, заглянула в его глаза с тревогой.

— Что происходит, Ираль?

Вместо ответа он обхватил ее лицо ладонями и снова поцеловал.

— Все, что случается, то верно, — прошептал он. — Уверен, тебе понравится править; еще придется тебя выгонять с моего трона.

Он лукаво улыбнулся. Взгляд Натальи затопила паника:

— Ираль… Не́фер-се́-ра[30]!

— Все-все. Эрсе́ ме́р-ра[31]. Помни, что я люблю тебя.

Он решительно высвободил руку, коснулся плеча жены и окинул присутствующих царственным взглядом. С удовольствием отметил, что в толпе так и не появилась мать — он совсем недавно велел уведомить ее о своем отбытии, четко рассчитав время, которое ей потребуется, чтобы добраться из собственных покоев в зону отлета. Подозвал к себе советника, старого клириканца Мра́ша Шушшу́.

— Мраш, мой верный друг. Твоим заботам вручаю я знакомство оайли с тонкостями местной политики. Будь откровенен с ней так же, как был бы откровенен со мной. Давай ей те советы, за которые после тебе не будет стыдно передо мной.

Клириканец низко поклонился и занял место за спиной Натальи, справа.

Ираль взмахнул рукой, прощаясь, и взбежал на трап. Люк за ним закрылся, защитное поле загудело громче, гравитационные подушки подхватили судно, утягивая в тоннель к поверхности планеты, как раз в тот момент, когда толпа расступилась, пропуская к пирсу царицу.

Маоль запыхалась. Поджав губы, шумно вздохнула и прикрыла глаза рукой.

Катер Ираля моргнул проблесковыми маячками и исчез в темноте тоннеля.

— Ты не остановила его, — прошептала царица.

Ее взгляд буравил Наталью.

— Это ваш сын, матушка, — Наталья чуть склонила голову в почтительном приветствии. — Вы не смогли остановить его, мальчишку, когда он сбежал учиться на «Тамту». Стоит ли ждать, что скромная оайли смогла бы остановить мужчину и царя?

Царица поджала губы. Перевела взгляд на Мраша.

— И ты. Ты тоже знал и молчал?

Советник склонился в низком поклоне:

---

[30] Nefer-se-ra – я тебя умоляю (клирик.)

[31] Люблю тебя.

— Мне пришлось бы нарушить прямой запрет повелителя. Он также поручил мне оказать всемерное содействие оайли во взаимодействии с Советом на время своего отсутствия.

Его поклон стал еще ниже.

Взгляд царицы полыхнул алым, щель рептилоидного зрачка стала тоньше нити. Сила ее разлилась по сторонам, в ушах Натальи зашумело. Стало душно, будто чья-то невидимая ладонь легла на горло и сдавила его.

Наталья жестом стряхнула ее и выпрямилась во весь рост. Худенькая и хрупкая на фоне мужа, рядом с царицей она выглядела божественной посланницей — строгой, прекрасной, идеально сложенной.

Взгляд царицы она выдержала.

— Великая мать желает оспорить решение повелителя? — прошептала так тихо, что ее могла услышать только Маоль. Ну и все еще сгорбившийся в поклоне советник.

Царица успела взять себя в руки.

— Ничуть. Решение моего сына не подлежит обсуждению. Он в своем праве. — Она с неприязнью посмотрела на невестку, добавив угрожающим шепотом: — А я — в своем.

Сдержанно кивнув, она подобрала пышные юбки и величественно удалилась в собственные покои.

В резиденции Адальяров началось противостояние двух цариц.

13

Борт научно-исследовательского фрегата «Фокус», примерно в то же время //маршрут свободного плавания, отметка в путевом листе 1780//

Ульяна спала и снова летела через Пустоту — ее частый и счастливый сон, в котором не было карты испытаний и можно было мчать, рассекая пространство, пугать сонмы невидимых обычному глазу созданий, населявших космическую пыль, на предельно допустимой скорости разрывать в клочья тахионные облака. Чтобы захватывало дух и мириады звезд сливались в одно сверкающее полотно.

Войд прямо по курсу. Вихревое облако скользит над округлым ликом незнакомого газового гиганта. Ульяна ныряет в него — и чувствует привычное жжение под пальцами, ощущает напряжение между лопатками, а за бортом ее фрегата шелестит космическая пыль.

Дифферент на правый борт. Три градуса. Угол атаки пять. Стенки войда становятся плотнее — верный признак скорого разрыва неоплазмы. Ульяна делает глубокий вдох… И чувствует еще кого-то рядом с собой.

Паника ледяной жабой ложится на грудь. Становится нечем дышать. Черное, послушное небо обрушивается на нее, и Ульяна падает, хватая ртом воздух, ищет глазами чужака. Но слышит только его сознание.

«Ненавидеть надо тоже уметь».

Неистовая, неконтролируемая волна ярости ударила ее в грудь как раз в тот момент, когда корабль должен был выйти из войда. Сон окрасился красным, как аварийные огни в рубке.

Она все еще падает. Чувствует из темноты чужой и голодный взгляд. Среди поблескивающих и невероятно далеких звезд к ней тянется нечто, готовое смять, разорвать и выпотрошить.

Ульяна отшатнулась, резко вздохнула и заставила себя сесть. Липкие тени небытия еще касались ее плеч; сердце рвалось из груди. Девушка убрала с лица рыжие, будто ржавчина, и мокрые от пота волосы, затаила дыхание — как учил Артем, чтобы успокоить пульс.

Полумрак каюты. Мягкий хлопок под пальцами. Убаюкивающий шелест приборов.

Стало чуть легче. Из глубины сознания до нее добрался запах талого таежного снега, продрогшей хвои и мокрых после весеннего паводка камней — аромат дома, который она бережно хранила, как бы далеко ни забралась в космос.

Рука Артема обняла ее бедра, замерла поверх одеяла. Светлые ресницы любимого мужчины дрогнули во сне. Ульяна осторожно высвободилась из объятий, спустила ноги с кровати и поднялась. Стянув со спинки кресла халат, выскользнула из спальни.

Тут же сработали датчики движения; мягкий свет озарил обстановку небольшой, технологичной гостиной с ложными окнами-демопанелями. Низкие диваны, закрепленные к полу металлическими болтами. На журнальном столике с магнитной поверхностью лежали бумажные журналы с Земли, стопка креодисков рассыпалась и поблескивала теперь перламутровой гладью, напоминая Ульяне крылышки стрекоз.

Девушка прошла мимо подсвеченных фитолампами зеленых панелей из толианского мха — у того не завершился период досветки — значит, сейчас было что-то около четырех часов. Ульяна скрылась в небольшой кухонной зоне. Притворила за собой распашные двери и включила свет.

Уютное тепло лилось с потолка. Здесь, в крохотной квартирке на станции «Тамту», можно чувствовать себя защищенной.

Девушка достала из холодильника пластиковый тубус с водой. Устроилась за столом, поставив пятку на сиденье и уперев подбородок в колено. Откупорив крышку, сделала небольшой глоток.

— Доброе утро, капитан, — тихо щелкнуло над головой. Перед глазами девушки появилось голографическое изображение молодого мужчины.

— Привет, Флиппер, — Ульяна сделала еще один глоток. — Пожалуй, еще не утро…

Искусственный интеллект опытного корабля-биогена, капитаном и Первым навигатором которого Ульяна Рогова была последние пять лет, присматривал за ней и на «Тамту», по крайней мере, в зоне лаборатории биогенной инженерии, которую возглавлял Артем и к которой была прикреплена и сама Ульяна как испытатель.

— Все так: согласно корабельному времени сейчас четыре тридцать от начала суток по межгалактическому учету.

Ульяна кивнула, спорить с искином не имело смысла. Запрокинув голову, она помассировала затекшую шею. Собрала вьющиеся волосы в узел и устало вздохнула:

— Вот видишь, я могла бы еще поспать до начала смены…

— Но вам не спится, капитан. Я фиксирую учащенное сердцебиение, ваш голос напряжен.

Голограмма напротив выжидающе склонила голову к плечу, совсем так, как это делают люди. Ульяне стало не по себе.

— Флиппер, не надо меня препарировать, пожалуйста. Мы, кажется, это уже обсуждали…

Это было правдой. За годысовместной работы искин «Фокуса» прошел немало модификаций, и каждую Ульяне как навигатору приходилось пропускать через себя. Однажды они с Флиппером, как она называла искин «Фокуса», договорились не обсуждать «болячки» друг друга — они и без того знали друг о друге непозволительно много и имели общую связанную во время полета память, нервную систему и общий нейростатус — «Фокус» относился к новому поколению космических аппаратов, управляемых навигаторами-аватарами, а Ульяна имела высший нейростатус.

— В данный момент я выражаю обеспокоенность. Ваш сон не крепок, что говорит о нарастающей тревожности, однако никаких поводов для тревоги я не фиксирую: штат «Фокуса» укомплектован, последняя нейромодуляция завершена успешно, из дома печальных новостей нет, с господином Пауковым отношения стабильные, если не считать вчерашней ссоры из-за шоколадной пасты.

Девушка поморщилась.

— Флиппер, прекрати! — она застонала и схватилась за голову. — Ты ведь каждый день подключаешься к моей голове, ты ковыряешься в моих мозгах, как в своих собственных, и ты до сих пор не понимаешь, что некоторые вещи нельзя описать?!

Голограмма моргнула.

— Описать можно все, — сообщил механический голос искина. — Вы прекрасно адаптированы, имеете достаточный словарный запас…

— Остановись, Флиппер…

Ульяна массировала виски — тягостное ощущение не отпускало ее. Более того, голос, прозвучавший среди такого счастливого и безмятежного сна, словно вернул ее на годы назад, когда она боялась оставаться одна, когда переживала череду бесконечных допросов, ловила едкие взгляды в спину и отвратительно-липкое любопытство.

— Я не знаю, почему у меня бессонница!

— Рад, что ты это признаешь, — на пороге кухоньки появился заспанный Артем: серые пижамные брюки едва держались на бедрах, светлые вихры торчали на макушке. — О чем секретничаете?

Он стоял, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди — вероятно, он уже какое-то время наблюдал за Ульяной.

Ульяна с грустью вздохнула:

— Я не хотела тебя будить.

Артем улыбнулся.

— Ну, надо было тогда отключить голосовое управление у нашего друга Флиппера.

Он оттолкнулся от дверного косяка, направился к кофеварке. В ожидании, пока в стакан польется крепкий и ароматный напиток, оперся на столешницу, кивнув на парящую над обеденной зоной голограмму, признался:

— Стоило тебе уйти, как он растолкал меня сообщением: «Капитан Рогова испытывает сложные чувства, следует ли внести эти данные в протокол для последующей диагностики и мониторинга?» — он умело сымитировал голос и интонацию искина и рассмеялся. — Так в чем проблема, расскажешь?

Ульяна упрямо тряхнула головой:

— Нет у меня никаких проблем.

Она поднялась, намереваясь сбежать от разговора в душ — единственное место на корабле, где можно было спрятаться от всех без исключения, включая парня и его искина, и побыть в одиночестве. Артем успел перехватить ее за талию, привлек к себе.

— Это же сейчас не попытка к бегству? — он заглянул в глаза, поймал в них растерянность и раздражение. — У тебя снова кошмары?

Он безошибочно догадался. Впрочем, как всегда — такой уж у ее Артема Паукова, инженера-генетика и создателя уникального корабля-биогена, характер: дотошный, педантичный и настойчивый. От него так просто не отделаешься и общими фразами не обойдешься. Ульяна вздохнула и, понуро опустив плечи, вернулась на свое место. Покорно кивнула, буркнув.

— Я не знаю, что это… Мне тоже кофе сделай тогда.

— Все абсолютно одинаково или раз от разу меняется? — обнаженный по пояс Артем стоял напротив, спрятав руки в карманах пижамных брюк, и мягко улыбался.

Ульяна задумалась.

— Одинаково… Хотя…

Сегодня, в самом деле, было все иначе. Она беспокойно поерзала, сцепила руки в замок. Нахмурилась, вспоминая.

— Если не удается вспомнить подробности, можно подключить ретроспективный анализ, — предложил Артем. — Хочешь?

— Нет, я справлюсь сама…

Кофемашина пискнула сообщением о готовности двух порций крепкого утреннего кофе. Артем вытащил из углубления плексигласовые кружки, в одну налил сливки — для себя, в другую насыпал щепоть ванили и корицы. Эту кружку поставил перед Ульяной.

Девушка обхватила пальцами теплый пластик, погладила большим пальцем шероховатый бок. Дома у нее была большая керамическая кружка с международной космической станцией — девушка всегда так мечтала о космосе, что планомерно окружала себя им, даже не имея надежды хоть раз подняться над поверхностью родной планеты. Все так изменилось…

— Мне кажется, в этот раз там был кто-то еще, — осторожно сообщила она и подняла глаза на Артема. Голограмма напротив нее моргнула, автоматически включив запись для архивации. — Я не знаю, как описать… сперва я летела на «Фокусе», покоряла очередной войд… И вдруг — будто падаю в пустоту. Но пустота живая, из нее кто-то наблюдал за мной. Кто-то живой. Понимаешь? Этого раньше не было.

Она сделала большой глоток обжигающе горячего напитка, но даже не заметила, что обожгла губы. Отставила кружку, когда Артем придвинул к себе стул и устроился рядом, взяв ее руки в свои.

— Ясно. Давай это рассмотрим ближе… — он смотрел прямо на нее. Лучистые, цвета дымчатого кварца, глаза искрились. — То, что появилось, оно опасно?

Ульяна прислушалась к собственным ощущениям, покачала головой:

— Не то чтобы. Оно просто смотрит. Но это такая мощь… Мне кажется, ему не надо нападать, чтобы убить, достаточно просто пошевелиться.

Отставив на мгновение кружку, она показала, как что-то массивное давит. И тут же снова, будто за спасательный круг, схватилась за кружку.

Искоса взглянула на Паукова и прикусила губу. Она наблюдала, как закручивается темно-коричневая пенка.

— Ты все еще веришь, что я не сошла с ума?

Артем отпустил ее руки, взял кружку с кофе и отпил.

— Ты не сумасшедшая, — он с невозмутимым видом покосился на девушку. — Ты с перчинкой.

По его губам скользнула лукавая улыбка, и тревоги будто бы разом отодвинулись. Тяжесть, давившая на плечи, растаяла. Ульяна рассмеялась.

Артем одним глотком допил напиток, отставил кружку и решительно поднялся:

— Давай, заканчивай нежиться и страдать, я запру тебя в диагностической камере на часок, хочу записать все, до чего ты сегодня добралась. Зафиксировать изменения нейроактивности, если они будут. И все это — желательно до начала твоей рабочей смены. — Он посмотрел на часы, потянулся и зевнул. — Флиппер, подготовь к работе первый саркофаг. Выведи стартовые параметры биотелеметрии для первого навигатора.

Голограмма рассыпалась.

Ульяна барабанила пальцами по столу: в голове крутилось то, чем она не поделилась с Артемом и что предпочла бы еще немного придержать у себя в голове. Она наблюдала за тем, как молодой мужчина отправил на переработку плексигласовые кружки, как протер салфеткой капли с кофемашины — все тот же педантичный инженер-генетик и талантливый конструктор, которого она полюбила пять лет назад. Жилистая спина, сильные плечи и несгибаемая уверенность в собственной правоте. Как ему сказать, что она узнала того, кто прячется в темноте?

«А что, если он и без моих признаний догадывается?» — от ужаса ее бросило в холодный пот.

Нет, это невозможно, столько лет прошло. Она сама давно перестала вздрагивать от каждого шороха, перестала бояться засыпать в одиночестве, прислушиваться к тишине коридоров «Фокуса», опасаясь снова услышать шаги того, кто стал когда-то ее личным кошмаром.

«Его нет, — напомнила она себе. — Я сама убила его».

Руки дрогнули, на них будто бы снова выступила горячая кровь врага.

«Его нет», — повторила снова. Но она определенно почувствовала его в своем сне, сбывшееся проклятье, которое она спрятала так глубоко.

Голограмма снова моргнула сообщением:

— Капитан, у вас входящее сообщение по зашифрованному каналу, вероятно, оно покажется вам важным.

Плечи Артема напряглись, он медленно обернулся и уставился на Ульяну. Отметил, как та побледнела. У нее пересохло в горле, когда она спрашивала:

— От кого сообщение?

— Автор сообщения не указан. Я занимаюсь дешифровкой.

— Покажи сообщение.

Столик перед ней мгновенно превратился в информационную панель, сверху загорелись иконки управления. Ульяна выбрала входящие сообщения и открыла последнее.

«Атавиты все еще здесь. Ты можешь помочь».

Артем, конечно, не мог не прочитать это сообщение. Приподнял бровь и невозмутимо отметил:

— Ну вот, видишь, ты не сумасшедшая, не только ты чувствуешь этих тварей рядом… Что и требовалось доказать. — Он положил ладонь на ее шею, погладил кожу большим пальцем: — Ты точно ничего больше не хочешь мне сказать?

Ульяна подняла на него взгляд и решилась:

— В сегодняшнем сне… Там, в пустоте… был Паль Сабо.

14

Откровенный разговор на кухне засел под ребрами — Артему дышалось с трудом, хоть он и заглушал волнение сосредоточенной работой и не показывал вида, что встревожен. Сон Ульяны и сообщение от странного анонима, о котором они смогли узнать лишь номер персональной адмиции с верификацией галактической службы безопасности, слухи, которые ходили по галактике — все это накладывалось одно на другое и собиралось в довольно неприглядную картину.

Атавиты — древнейшая раса эхоплазмоидов, сперва создавшая все разумное в этой части галактики, а потом едва не уничтожившая, — то и дело всплывали в его жизни. Чаще всего — отчетами, которые ему, как биоинженеру-генетику, приходилось делать для криминальной полиции. В этих отчетах ему снова и снова приходилось изучать изуродованные, будто вывернутые наизнанку, тела погибших. «Фирменный» знак атавитов — уж не известно почему — они не могут просто убить, а испытывают потребность в подобных зверствах. В определенный момент казалось, что совместными усилиями Единой Галактики с соседями, Империей Коклурна, удалось избавиться от них, запереть в подпространстве.

Но никто на самом деле не верил, что это навсегда.

Ульяна — подавленная и тревожная — послушно забралась в диагностическую капсулу, уверенно прошлась по уже знакомым маркерам, завершая отладку нейростатуса с бортовыми системами корабля.

Они многое прошли вместе — пять лет назад. Прошли вместе через дознание и уголовное дело, возбужденное против Ульяны в связи с убийством Паля Сабо. Ульяна доказала следствию, что случившееся — вынужденная мера, самооборона. Но с каким же трудом она смогла забыть — отодвинуть от себя воспоминания о том вечере!

Она, нагая и избитая, прикрывается покрывалом. Сабо надвигается, не скрывая торжества.

«Ты ничего не сделаешь».

«Не подходи».

Рывок — и его горячая, липкая кровь стекает по рукояти плазменного ножа.

«Ты научилась убивать, салага…»

Воспоминание ее, нынешнюю, снова пробило холодным потом. В голове стало мутно и темно. Отдаленно запищали датчики нейроактивности. Ульяна заставила себя глубоко вздохнуть и успокоиться — все давно завершилось, она должна идти дальше. Датчики один за другим умолкли и ушли в «зеленую» зону.

Ульяна медленно разжала кулаки.

На финальной стадии диагностики, когда ей предстояло выйти в рабочий режим и подключиться к искину, Флиппер вмешался. Его металлический голос прошелестел из наушника.

— Вы беспокоитесь, капитан. Это вызвано письмом, которое получили сегодня, а также связано с разговором о ваших снах. Я могу помочь? В моем распоряжении массив сохраненной информации, по вашему заданию я могу выстроить вероятности проникновения умершего пассажира «Фокуса» Паля Сабо в ваше сознание и рассчитать риски.

— Не нужно, Флиппер. Этот урод просто сидит у меня в мозгах, а я никак не могу от него избавиться. — У девушки снова сжались кулаки. Она заставила себя расслабить руки, положила их вдоль тела.

«Ты запомнишь эту минуту на всю оставшуюся жизнь. Каждый раз, когда Пауков будет касаться тебя, в твоей памяти будут оживать эти минуты. Мои руки. А вместе с этими минутами буду оживать в твоей памяти я... И на смертном одре ты будешь помнить в мельчайших подробностях эту минуту».

Механический голос искина струился из наушников:

— Вы полностью блокировали и избавились от травмирующих воспоминаний, капитан. Новая тревожность вызвана новым, не связанным с событиями пятилетней давности, фактором. Я чувствую изменение гравитации и присутствие новых полей. Пласты информации о них пока не имеют отчетливых очертаний и не поддаются анализу. Собственно, по этой причине я счел важным сообщение из службы безопасности.

Ульяна распахнула глаза и приподняла голову, ощутимо ударилась лбом о внутреннюю панель крышки саркофага. Та жалобно хрустнула; по прозрачной поверхности смотрового оконца разошлись синие круги.

— Ты подтверждаешь, что тоже видишь это?

— Мой предварительный анализ и сопоставление ваших речевых описаний с собственными наблюдениями говорят, что увиденное вами — не сон, а воспоминание. Источник этих воспоминаний — данные внешнего наблюдения во время последнего перехода из сектора Галоджи. В структуре поля обозначились изменения, не столь значительные, чтобы отразиться в системе навигации, но ощутимые на нейроуровне, если принимать во внимание ваш высокий нейростатус, капитан. Вы видите космос почти так же, как вижу его я. В транзакционном коридоре действительно кто-то был помимо биокорабля конфигурации «Фокус». Оно разумно и настроено враждебно. И в числе прочего я также зафиксировал фрагменты ментальной активности умершего пассажира Паля Сабо.

Ульяна молчала.

— Выходит, его сознание кто-то подобрал? Такое возможно?

— Многие цивилизации Млечного Пути обладали технологиями, способными захватывать информационное поле человека, группы разумных существ и даже целых планетарных систем. Это возможно, подтверждаю.

— Черт…

Ульяна глубоко вздохнула.

— Но зачем кому-то, обладающему такими технологиями, — она умышленно не стала называть его «атавитом», потому что Флиппер его так не назвал, — использовать сознание Сабо?

— Он — уязвимость. Сознание умершего пассажира прочно связано с вами, капитан. И с «Фокусом». Вы — якорь и ключ к системе.

Последнее было еще более верно: много лет назад, когда кораблю-биоморфу подбирался навигатор с высоким нейростатусом, его искин выбрал Ульяну, а волей руководства проектом ему были также загружены данные Паля Сабо. «Фокус» сам сделал выбор в пользу Ульяны. Сам назначил ее своим навигатором. Сам подчинился ей и научил всему.

Но одно становилось очевидным: кто-то, используя высвободившееся сознание Паля Сабо, подбирается к ней и к ее кораблю. И у этого «кого-то», вернее всего, совершенно недобрые намерения.

— Надо встретиться с тем, кто сегодня прислал письмо, — Ульяна подняла руку и сняла лианиновый диск. Артем уже стоял рядом с саркофагом, поджидая завершения программы диагностики — через смотровое оконце она видела его сосредоточенный профиль.

Флиппер отметил:

— Вынужден предупредить, что ваш визит на точку, назначенную анонимом, может оказаться ловушкой. Расчет вероятности говорит в пользу задержания.

— Я уже не смогу отказаться от встречи, Флиппер, не после того, что ты мне рассказал, — она вздохнула и закрепила височные диски во внутренних углублениях диагностического саркофага.

— Вас понял, капитан. Приступаю к подготовке вылета и расчету курсовых ориентиров.

Тревога, ледяной рукой державшая ее за горло, медленно отступала. Вместо нее в груди Ульяны разливалось знакомое, почти забытое в будничной суете ощущение восторга от грядущего приключения. Кровь закипала, шумела по венам, в ладонях собирался жар — от нее еще что-то зависит, она не просто навигатор-исследователь, не просто подопытная мышь талантливого генетика. Она все еще Первый навигатор «Фокуса» — уникального корабля, в недрах искина которого запрятаны знания давно ушедшей цивилизации.

15

Артем беспокоился, и Ульяна не могла это игнорировать. Хмурая морщинка пересекла переносицу, взгляд стал темно-серым, сосредоточенно-сердитым и злым, а скулы обострились. Движения генетика снова стали рваными и резкими, будто каждым из них он боролся с самим собой, и всякий раз проигрывал. Возможно, так и было: он с удовольствием запретил бы Ульяне полет на точку координат, указанную неизвестным отправителем из Службы безопасности Единой Галактики, во всяком случае, именно так дешифровал Флиппер адресанта.

Его тревога передалась, словно вирус гриппа, и ей тоже.

— Артем, — Ульяна перехватила его руку за мгновение до того, как он занял место инженера бортовых биосистем за ее спиной, по правую руку от навигаторского кресла. — Посмотри на меня…

Он хмуро подчинился, вздохнул.

— Мне не нравится эта идея, — отчетливо, почти по слогам, повторил он сказанное прежде.

— И мне не нравится. Но что-то меняется, *ты*это знаешь, *я*это знаю. Бесконечно сидеть, спрятав голову в песок, не получится. Нужно выяснить, в чем дело… Я могла бы полететь одна…

—…Ну уж нет. — Артем выдернул руку, упрямо насупился.

Девушка усмехнулась.

—…Но я лечу с тобой. Думаю, мы прекрасно справимся без остального экипажа, ты и я. И Флиппер, конечно. Пойдем гравитационной стяжкой, подкрадемся на координаты встречи с этим таинственным безопасником. Если почувствуем опасность, быстренько уйдем на другие координаты… «Фокус» — прекрасный аппарат. Ты его создал. Придумал от первой гибридной молекулы до финального образца. Я его испытала во всех мыслимых условиях. Он нас не подведет…

Она улыбалась счастливой улыбкой ребенка, который обещает убраться в комнате *завтра*, если ты разрешишь ему съесть мороженое *сегодня*.

— Ты меня уговариваешь, будто я маленький, — Артем отмахнулся. — Но вообще-то это научно-исследовательский фрегат. И мы его с тобой угоняем из порта приписки без разрешения и полетного задания. И за это нам обоим прилетит по башке от начальника станции. Тебе это прекрасно известно.

Начальника станции, клириканца Бо́за Удгри́на, побаивалась даже Ульяна — этот мог и от полетов отстранить, и вообще из Космофлота выгнать. Как жить без космоса, Ульяна не представляла. Поэтому натянуто рассмеялась:

— Тём, неужели ты думаешь, что общение с нашим общим другом Васей Крыжем меня ничему не научило?

Одним нажатием она вывела на экран центрального монитора и полетное задание, и путевой лист. В котором значились нужные координаты, а целью полета указана проверка системы навигации с учетом калибровки загруженных навигационных карт.

Ульяна подтянулась на подлокотниках, чмокнула Артема в щеку.

— Не дуйся. Я буду вести себя осторожно-осторожно, как мышка.

Пауков покосился на нее, у него приподнялась бровь.

— Хотелось бы в это верить…

Артем умолчал о том, что во время ее утренней диагностики успел связаться с Крыжем, работавшим в команде специалистов-дешифровщиков у начальника криминальной полиции Тиль Теона.

— Здорово, Паук! — приветствовал его Крыж, припомнив старое, еще курсантское прозвище. — Как сам?

Артем покосился на серебристый саркофаг, внутри которого находилась Ульяна.

— Улька опять сны видела. Говорит, атавиты вернулись.

Он умолчал об утреннем сообщении. Улыбка на физиономии Крыжа растаяла. Взгляд стал колючим:

— И?

— Это я хочу у тебя узнать. И? Это правда? Ты-то должен знать.

Крыж поморщился. За его спиной мелькнула дверь лаборатории, коридор с логотипом «Тольды» — фрегата и передвижной штаб-квартиры криминальной полиции. Потом мелькнул какой-то темный закуток с сотней зелено-синих огней и пучками проводов: Крыж спрятался в серверной.

— Что она говорит? Конкретнее!

— У нее сны… видения. В этих видениях она отмечает присутствие атавитов.

О Пале Сабо Артем тоже решил не рассказывать.

— И как давно?

— Да всегда, — Артем растер переносицу. — Сейчас просто особенно часто, почти каждую ночь… Так что происходит?

Крыж закатил глаза к потолку, вздохнул, сложив губы трубочкой:

— Ну… я бы назвал тот комплекс мероприятий, в котором сейчас участвую, объемным термином «жопа», если ты понимаешь, что я имею в виду.

Пауков приблизил лицо к экрану креоника — портативного информера, закрепленного на запястье:

— То есть они в самом деле вернулись?!

— Как выяснилось буквально… на днях… они в самом деле никуда и не уходили, — Крыж понизил голос и выразительно приподнял брови. — Смотри, сейчас у нас немного шухер, и я не все могу рассказать. Давай пересечемся ближе к вечеру… постараюсь вырваться к вам. И там все обсудим.

И он сбросил расчетные координаты.

К удивлению Артема, они совпадали с теми, что были присланы анонимом.

Разговор с Крыжем, его встревоженность и комментарий про текущее положение дел заставили Паукова прислушаться к решению Ульяны и рвануть на встречу с безопасником, кем бы он ни оказался. Если атавиты перешли в новое наступление, естественно, что кто-то вспомнил о «Фокусе» и об Ульяне, ведь именно их участие помогло справиться с атавитами и отправить их назад, в подпространство, пять лет назад.

Поэтому сейчас он наблюдал, как Ульяна взобралась на парящее под куполом рубки навигаторское кресло, как закрепила на висках лианиновые диски и подсоединилась к искину «Фокуса». На ее плечах засеребрились потоки полевой защиты, окутав тело девушки упругим коконом.

— Флиппер, подтверди завершение расчета курса. Выведи на экран данные, веховые характеристики и доложи навигационную погоду на маршруте следования, пожалуйста.

На центральном мониторе появилась пунктирная линия, конечная точка которой совпадала с координатами из утреннего сообщения. Флиппер докладывал информацию о курсе.

— На координатах Эс-12-Ит прогнозирую встречные гравитационные потоки магнитудой двенадцать баллов, поэтому заложил отклонение от курса на полтора градуса, чтобы их обойти…

Ульяна подняла карту — увеличила ее масштаб — и внимательно просматривала предложенное уточнение курса.

— Хорошо, Флиппер, согласна с твоими рекомендациями. — Ульяна просмотрела расчеты, обернулась к Артему: — Выдвигаемся?

Пауков проверил работу искина, привычно выровнял синхронность нейроимпульсов Ульяны и «Фокуса». Задумчиво кивнул:

— Все системы работают штатно, готовность подтверждаю.

Ульяна успокаивающе улыбнулась ему:

— Это всего лишь сорок восемь минут пути без транзакционного перехода, с учетом разгона и торможения. Буквально одна нога здесь — другая уже там.

Артем кивнул, пробормотав себе под нос:

— Хорошо бы так оно и было.

Короткий переход вывел их на назначенные координаты.

Перед ними проплывал темный корпус массивного военного крейсера. Вокруг него сновали корабли сопровождения, здесь и там вспыхивали окна транзакционных переходов. Бортовой номер Ульяна заметила первой.

— Это «Тольда», — с удивлением констатировала она.

Пауков промолчал, окончательно теряясь в догадках. С начальником криминальной полиции, церианцем Тилем Теоном, использовавшим «Тольду» в качестве основной базы криминальной полиции и лабораторного центра, у них были нормальные рабочие отношения. Если бы у него возникла необходимость встретиться с Артемом или с Ульяной, тот бы связался с ними открыто и назначил встречу. С чего ему потребовалось отправлять анонимки, Пауков не понимал.

Единственная правдоподобная догадка, которая объясняла хоть что-то, так это предположение, что на «Тольде» встречу им назначил кто-то другой, не Теон.

В пользу этой теории обнаружилось веское доказательство: проплывая мимо корабля, Ульяна с Артемом заметили черный корпус крейсера «Гримм», на котором обычно передвигался начальник галактической службы безопасности.

— Легрид тоже здесь? — Ульяна проводила взглядом темный, хищно изогнутый корпус.

Артем отметил по мониторам, как у девушки подпрыгнул пульс.

— Как думаешь, что это означает?

Если бы Пауков знал, он бы ответил. Но он не знал.

Внешняя связь «Фокуса» ожила принятым сообщением:

— Борт 01-00-15, порт приписки станция «Тамту», стыковка по стандартному протоколу, шлюз два четырнадцать, движение по ходовым знакам. Как поняли, прием?

— Есть движение по ходовым знакам, — повторила Ульяна и перевела фрегат в режим автоматики.

За демонстрационными экранами скользили темные борта станции с подсвеченными ярко-зелеными «стрелками» ходовых огней, приглашающими «Фокус» к означенному шлюзу. Корабль мягко развернулся правым бортом, дал самый малый назад. С «Тамту» посоветовали:

— Курсовой угол ноль пятнадцать, правый дифферент три…

Ульяна отвлеклась от своих раздумий, ввела необходимые коррективы — на мониторе заднего вида навигационные знаки сомкнулись с требуемыми показателями.

— Получается, за этим сообщением стоял Теон?

Щелкнули захваты. Корпус корабля вздрогнул. Загудел, выравнивая давление, стыковочный шлюз — на дисплее мигнул оранжевым сигнал завершения стыковки.

Пауков поднялся:

— Пойдем и узнаем это наверняка.

Он помог Ульяне спрыгнуть с навигаторского кресла. Девушка оправила комбинезон.

— Согласись, странно: Теон мог просто написать и вызвать нас хоть напрямую, хоть через Удгрина, к чему такие сложности?

Пауков вздохнул: если бы Теон был в курсе, Крыж в утреннем разговоре непременно знал бы об этом. Выходило, что или их вызывал изначально не начальник криминальной полиции, или за то время, что они были в пути, ситуация крайне изменилась. И тогда озвученный Крыжем «комплекс мероприятий», в самом деле, все больше походил на то, чем старинный друг его и назвал.

16

Штаб-квартира правительства Единой Галактики — Трибунала

//Орбитальная станция «Гнорант», звездная система Роббер// за три недели до событий

Встреча Арахны с таинственным представителем госбезопасности сразу пошла не по плану. В конце рабочего дня двери ее рабочего кабинета распахнулись, пропустив внутрь довольного молодого и самоуверенного человека в черной форме без прочих шевронов и опознавательных знаков, если не считать шеврона госбезопасности на плече. Проигнорировав вопросительный взгляд пожилой владелицы высокого кабинета, он пересек его по алой ковровой дорожке и остановился напротив.

— Вы запрашивали эти материалы? — он бросил тонкую папку перед ней на стол.

— Не думала, что у службы безопасности появилась курьерская служба, — она недовольно поджала губы и протянула руку, чтобы забрать документы, однако наглец не позволил ей это сделать, придержав папку.

Его губы тронула усмешка:

— Есть кое-что, что должно быть сказано лично. Не стоит доверять даже самой секретной фельдъегерской связи.

Арахне было далеко за семьдесят. Представительница старинного клириканского рода, она скорее напоминала морщинистую ящерицу, чем женщину. Серебристые глаза с тонкой вертикальной нитью зрачка смотрели на гостя с неподдельным любопытством и раздражением. Ведь попытки применить уникальный дар синестезии, которым обладали клириканцы, провалились; и там, где должны были расцветать почтительно-золотые оттенки на коже юноши, Арахна увидела лишь непроглядную темноту. Словно смотрела на мертвеца. Открытие заставило неприятно поежиться.

Сложив нетерпеливо руки на животе, она процедила:

— И о чем речь?

Она указала взглядом на стул, приставленный к ее столу. Молодой человек проигнорировал ее приглашение и остался стоять.

— Условия, на которых предоставляются материалы. Вы передадите их строго на ближайшем заседании Совета Родов. Не раньше и не позднее. За сутки до его созыва подготовите бумаги, как обычно, через секретариат.

Арахна растерялась.

— Но… это секретные бумаги… есть вероятность утечки.

— Пф, велика потеря, — уголок его рта презрительно дернулся. — Что за секреты, если о них шепчутся по углам даже писари… Вы подготовите бумаги и отправитесь в Совет лично. Это мое условие.

Местоимение «мое» не ускользнуло от внимания престарелой клириканки. Ее тонко очерченная бровь приподнялась, а нить зрачка растворилась в радужке. Руки Арахны дрогнули. Женщина кивнула.

— Хорошо, я сделаю, как вы сказали.

Бледные пальцы, придерживавшие папку, подтолкнули ее к Арахне. Сановница вцепилась в плотный картон, подняла взгляд на молодого человека.

— И все же я не понимаю. Если об этом все говорят, то к чему такая секретность, к чему этот разговор?

Ее гость безмятежно пожал плечами:

— Одно дело говорить, другое — получить доказательство сплетен. Вы хотели свести счеты и дискредитировать нынешнего главу Совета Родов Креониды? Так вот вам клинок, — он кивнул на бумаги.

— Да… хотела: он слишком молод, чтобы быть политиком.

— Ну так к чему дополнительные вопросы? Если передумали, так верните документы, я найду им достойное применение.

Он убрал руки в карманы брюк и уставился на чиновницу. Та сглотнула — ей отчего-то стало неловко под этим пронзительным и насмешливым взглядом, так, словно ее сообщник знал всю ее подноготную, знал истинные причины неприязни к главе одной из ключевых метрополий государства.

— Не надо, — проговорила Арахна. — Я все сделаю, как вы хотите.

Молодой человек кивнул и направился к выходу.

— Отлично. Я так и думал… И да, — он резко обернулся у выхода, застав тот момент, когда Арахна дрожащей рукой приоткрыла папку и заглянула внутрь, — до того момента, как будет объявлена дата заседания — ничем не выдавайте ваших намерений и наличия доказательств в ваших руках. Для вашего же блага.

— Вы мне угрожаете?!

— Предупреждаю, госпожа, — он холодно улыбнулся. — Иначе карета может превратиться в тыкву, как говорят земляне.

17

Суомо Легрид вызвал Хаско задолго до начала первой, «утренней», смены — иногда молодой креонидянин сомневался, что шеф службы безопасности когда-нибудь спит, во всяком случае, при встрече Легрид был бодр. В отличие от Болла, тайком стряхивавшего с плеч дремоту.

Мрачно кивнув вошедшему Хаско, Легрид достал из сейфа папку с документами и бросил ее на стол, подтолкнув подчиненному. Болл без лишних вопросов взял их в руки и открыл папку. Ему хватило нескольких мгновений, чтобы просмотреть скупые справки и поднять на начальника недоумевающий взгляд. Тот наблюдал за ним.

Какое-то время молчали: Легрид позволил дочитать документы, массировал виски, будто надеясь избавиться от головной боли.

«Да уж, головной боли всем прибавилось, — отметил про себя Хаско, откладывая документы. — То ли еще будет». В папке значились сводки криминальной полиции за истекшие три месяца: рост насильственных преступлений, совершенных с особой жестокостью, вскрытие крупной браконьерской сети, ликвидация одной из самых крупных сетей работорговцев.

— Вроде неплохо справляются, — отметил Хаско.

Уголок его рта дернулся — он провоцировал шефа, потому что, само собой, тот не выдернул бы его из постели ради того, чтобы вместе порадоваться за ведомство начальника криминальной полиции.

Легрид проглотил наживку. Он одернул руки от лица и посмотрел на Хаско с раздражением. И только натолкнувшись на усмешку креонидянина, закатил глаза.

— Что еще скажешь?

Болл активировал креоник, вывел трехмерную проекцию карты Единой Галактики, увеличил масштаб приграничного сектора: там горели алые огоньки, будто отблески пожарища.

— Скажу, что локализация происшествий, выделенных в сводке, совпадает с нашими разработками по гравитационным аномалиям. По сути, она подтверждает ранее высказанную гравитологами гипотезу о трансгрессии темной материи.

Легрид повел плечом.

— Продолжай.

Болл вытянул из стопки бумаг один из отчетов:

— Здесь обозначена интересная мысль, высказанная каким-то или какой-то Гаядэ́, — Хаско сверился с подписью исполнителя, — позволяющая прогнозировать массовые волнения и ухудшение криминогенной обстановки через наблюдение за точками смещения гравитационной стяжки.

В приложенной выписке из отчета, действительно, значилось, что длительные наблюдения за гравитационным фоном, которым располагает диспетчерская служба Единой Галактики, позволяют вывести точные формулы смещения гравитационных линий, а на всех вновь образовывающихся узлах превентивно усиливать охрану общественного порядка, а также коррелировать маршруты следования космических кораблей. Звучало вполне разумно: если у тебя есть прогноз, что внешние факторы как-то повлияют на безопасность, то отчего бы заранее не усилить контроль? Это работа полиции.

— Что еще? — Легрид, кажется, был недоволен.

Хаско пожал плечами:

— Не очень понимаю, что эти данные открывают нам, мы-то фиксируем аномалии и вспышки, которые предложенной формулой не охватываются, к сожалению.

В подтверждение своих слов он добавил к горящей над его рукой карте еще один слой — сотни золотых линий, струящиеся по галактике и извивающиеся затейливыми потоками.

Многие линии рвались. И тогда остальные слои загорались красным. Как и говорил Хаско, такие возмущения проходили в стороне от выделенных по формуле криминалиста-гравитолога критических точек.

Хаско перебросил проекцию на стол начальника и оставил ее порхать над ним.

— Я могу только предположить, что исследуемые нами аномалии и вспышки также охватываются некими законами. Но нами они пока не выявлены… — Он вздохнул: — Надо продолжать наблюдение.

«В любом случае, это задача ученых-гравитологов, а не моя», — добавил он про себя и посмотрел на шефа. Легрид мрачнел на глазах.

— Умываем руки? — шеф криво усмехнулся.

— Ну а что мы сейчас можем еще сделать? Наблюдения продолжаются, подключены дополнительные ресурсы. Наши специалисты занимаются изучением аномалий довольно плотно. Повлиять на процесс мы не можем.

— Не можем, — будто эхо, повторил Легрид и отвернулся к демонстрационной панели, на которой как раз разгорался восход над родным для Легрида Клириком. — Выведи на свою карту нападения, отмеченные РПС-маркерами в шестьдесят и выше процентов. Только с учетом времени их совершения.

Хаско послушно добавил к карте еще один слой, скорректировал его по датам и озадаченно уставился на получившуюся модель: нападения происходили ровно за сутки до фиксации аномалии. Хаско перевел взгляд на Легрида. РПС-маркеры с такими высокими показателями, которые велел выделить шеф госбезопасности, оставляли прорывающиеся через неоплазму эхоплазмоиды. Их называли Ушедшими или атавитами. Одна из древнейших разумных рас, населявших галактику, в ходе своей эволюции лишилась физической оболочки и теперь совершала свирепые набеги на окраины Млечного Пути.

Легрид цокнул языком:

— Ты смотришь в воду, но видишь лишь то, что на поверхности. Смотри глубже… Атавиты прорываются на пике напряжения неоплазмы. Выходит, что они являются предвестниками аномалии…

— И нельзя исключать, что жестокость нападений также связана с изменением гравитационного фона, мы не знаем, насколько он влияет на сознание эхоплазмоидов… если оно у них, конечно, имеется, это сознание.

Легрид покосился на него, как на глупца:

— Ты всерьез в этом сомневаешься? Они на миллиарды лет старше нас всех, неужели ты веришь, что они — простые сумасшедшие?

Хаско думал об этом. Насколько материально сознание? Что происходит с ним, когда оно лишается слабой и смертной биологической оболочки и приближается к Вечности? Он промолчал.

Легрид сложил руки на животе. У него, наконец, расслабились плечи. Он задумчиво продолжал:

— Ты верно подметил — нам стоит расширить диаграмму наблюдений, включить в нее все, что так или иначе связано с изменением гравитации, совпадает с ней как на макроуровне, так и на уровне отдельных планет. Предстоит гигантская работа. И я прошу тебя к ней подключиться.

И вот сейчас Хаско приближался к одному из таких объектов.

18

Борт грузового корабля терминала «Вранус», за три недели до событий

Катер, закрепленный буксиром к фрегату криминальной полиции, дрейфовал на гравитационных парусах. Хаско обрадовался, заметив в толпе следственной группы знакомую долговязую фигуру:

— Чайка! — он подкрался ближе и хлопнул землянина по плечу. — Ты как здесь?

Влад Чайка уже полгода как был прикомандирован к числу оперативников криминальной полиции.

— Ща сам поймешь, — Влад, казалось, не был удивлен появлением Болла. Более того, он будто бы ждал старого приятеля. Он многозначительно поманил его за собой и остановился в узком проеме технического помещения.

Скрестив руки на груди, остановился на пороге и уставился внутрь.

Хаско вошел и поморщился: в нос ударил густой запах гниющего мяса. Стены, потолок и пол узкой каморки, до отказа забитой мониторами и рычагами для управления погрузо-разгрузочными работами, были щедро окроплены. Темно-бордовыми брызгами оказались испачканы свободное операторское кресло, монитор внешнего наблюдения, приборная панель.

Во втором кресле кто-то сидел — Хаско со своего места видел локоть, обтянутый синей униформой транспортной службы. Он зашел со стороны закрепленного на стене монитора и замер: тело оператора было будто вывернуто наизнанку, вместо лица — кровавое месиво. От левого уха до правого плеча — широкая рваная полоса. Вторая темнела чуть ниже плеча, в районе брюшной полости. Третьей оказались перебиты ноги: суставы белели в фиолетовом освещении ламп ретроспективного моделирования.

— И так со всеми? — спросил Хаско у стоявшего рядом с ним землянина.

Влад кивнул:

— Можешь в этом убедиться.

— Непременно… Но позже.

Он присел на корточки. Вытянул из наружного кармана тонкие диагностические перчатки, натянул на руки и дотронулся правой до края раны на животе погибшего. Тыльная сторона перчатки ожила, по ней россыпью побежали данные.

— Смерть наступила больше месяца назад, — пробормотал Хаско. — Повреждения минимальные, потому что практически сразу после убийства у фрегата было отключено жизнеобеспечение.

— Убийства? То есть несчастный случай, побег зверя из грузового отсека ты напрочь исключаешь?

Хаско продолжал изучать тело. Осторожно перевернул его на бок и провел перчаткой над раной на шее.

— А вы рассматриваете версию несчастного случая? Или самораспиливание? — тут он поднял взгляд на Чайку. Тот хмурился. — Хотя я понимаю, о чем ты… Но я не следователь, мне можно не тратить время на версии, которые вам *надо*отработать, потому что у вас есть инструкции и алгоритм действий. Я могу заниматься главным…

— И что здесь по-твоему главное?

Хаско приподнялся, уперся в колени и продолжил изучать раны. Теперь его внимание привлекли те из них, что были на лице жертвы. Он поднял руку и сделал в воздухе движение, напоминающее удар когтистой лапой. Проследил за траекторией. Его взгляд теперь лежал на каплях крови, осевших на противоположной стене. Отодвинув Влада, он подошел ближе, провел рукой в перчатке — на плексигласовой поверхности появлялись новые данные экс-

пресс-анализа. Он касался пальцами каждой отметки — на тыльной стороне ладони всякий раз загорался зеленый огонек, пока не загорелся красный.

— Позови криминалиста, пожалуйста, — попросил Влада, не отпуская взглядом обнаруженный след.

Землянин пожал плечами, ненадолго вышел из каморки и вскоре вернулся с толстяком, в руке которого был зажат чемоданчик с аппаратурой.

Хаско кивнул ему:

— Нужно взять забор вот этого вещества. И сделать анализ видовой принадлежности…

— Но, — криминалист собрался возразить, очевидно, напомнить про процедуру, подведомственность. Перевел взгляд на Влада.

Хаско не позволил ему договорить, посмотрел строго:

— Предварительные данные нужны уже через пять минут.

Чайка восхитился — он до сих пор не научился приказывать таким убийственно вежливым тоном; «белая» зависть снова заворочалась под ребрами. Он поморщился.

— Сбросьте данные вот ему, — Хаско указал подбородком на Влада и вышел из помещения.

Влад поторопился за ним.

— Тебе говорили, что ты невозможен? — уточнил землянин, но тут же спохватился: — А, точно, говорили. Я же сам и говорил... Какая царственная муха тебя укусила, разве так с коллегами можно обращаться? Хочешь, чтобы тебя все возненавидели?

Креонидянин посмотрел на него с недоумением:

— О чем ты? Я просто делаю свою работу, максимально стараясь не вмешиваться в вашу и не подменять одну другой… А анализ на генетические маркеры нужен, чтобы исключить вырвавшегося из клетки зверя, чтобы *вы*не тратили время на ерунду. Фрегат что перевозил по документам?

— Продукты питания в кеглях, контейнерах и магах.

Хаско остановился и поднял вверх указательный палец:

— Вот! В магах теоретически можно и живое животное перевозить, для покупателей, предпочитающих живые продукты. А при некоторой доле авантюризма, и для покупателей, предпочитающих живые *огрызающиеся*продукты, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Влад кивнул:

— Я понимаю. Намекаешь на контрабанду? Катер согласно путевым листам заходил на Ра-Квас, а значит, контрабандные хищники вполне могли оказаться на борту.

— И на нее в том числе. Но это только в том случае, если генетические маркеры подтвердят, что обнаруженные следы принадлежат животному.

Они вышли к центральной части фрегата, где у распахнутых дверей кают-компании лежали еще три точно так же изуродованных тела.

Влад молчал, наблюдая за действиями Болла — в этом помещении он игнорировал погибших и целенаправленно исследовал пятна крови на стенах и мебели и искал среди них те, которые классификатор выделит и отметит красным огоньком.

— Может, пояснишь, что ты обнаружил?

Портативный коммуникатор – креоник — на запястье Влада пискнул принятым сообщением. Землянин бегло прочитал его, развернул экран Хаско:

— Не животное.

Тот прочитал и невозмутимо кивнул:

— Именно об этом я и говорил.

— То есть ты знал?

Хаско мотнул головой сперва вправо, потом — влево, будто воротник кителя внезапно стал ему тесен и натер шею. Он изучал расположение тел, сделал пару шагов к стене, оценивая

расположение тел и будто пытаясь охватить всю картину произошедшего в кают-компании разом. Склонил голову к плечу, выискивая подходящий ракурс.

— Я бы сказал больше: то, что *на самом деле* является причиной гибели этих несчастных, вообще неживое.

Влад чертыхнулся:

— Час от часу не легче.

19

Пока группа Нириха работала, обеспечивая работу криминалистов, Хаско с Владом смогли переговорить с глазу на глаз, укрывшись на борту пустующего теперь катера группы «Ягель».

— Подобных нападений — уже сотни, если не тысячи, — сообщил Хаско вполголоса. — Везде одинаковая картина: запертое изнутри судно со зверски растерзанными экипажем и пассажирами. Заметь, на этот раз жертвы — абсолютно всех рас, без каких-то генетических предпочтений… Поражает запредельная жестокость, с которой происходят нападения, их стремительность — в большинстве случаев жертвы даже не успевают осознать произошедшее, дингúр тай[32].

Чайка слушал внимательно, задаваясь вопросом, почему ему об этом ничего не известно.

Хаско продолжал:

— Криминальная полиция, понятно, в курсе, но дела пока не объединены в одно производство, а поэтому масштаба происходящего вы не видите. Легрид своими методами маринует первичку в разных отделах транспортной полиции.

— Зачем?

Хаско посмотрел на него, как на ребенка, сморозившего глупость:

— Чтобы горячие головы не сложили два и два и не развели панику, очевидно. Как это у вас говорят? Нет тела — нет дела?

— У нас так говорят в другом контексте.

— Ме эн шрак[33], — Хаско скрестил руки на груди, демонстрируя, что ему все равно, как это на самом деле говорится у землян. — Передай Теону, чтобы запросил сверку по портам приписки и наличию транспортных малотоннажников, вроде нынешней посудины. По ним ситуацию увидите наглядно: такие развалюхи шныряют по галактике самыми отдаленными тропами. Их окажется пятнадцать за месяц. В реестре все они будут помечены как не подлежащие восстановлению и приготовленные под списание. Пусть озадачится вопросом такой расточительности, начнет задавать неудобные вопросы… Ну, как Теон умеет. — Он криво усмехнулся.

Чайка кивнул.

— Так что это такое?

Хаско посмотрел ему в глаза:

— Если бы я знал, я бы здесь не стоял, — он пожал плечами.

— А что за кровь ты маркировал?

— Это не кровь, это РПС-маркеры с процентом активности шестьдесят и выше.

У Влада вытянулось лицо.

— Не может быть. Опять?! Но…

РПС-маркеры оставляли единственные существа в секторе, и Хаско был прав: они не относились ни к живым, ни к органическим видам. Их оставляли эхоплазмоиды-атавиты.

— Но они же не появлялись уже лет пять…

Хаско пожал плечами:

— Я тебя очень расстрою, если скажу, что у тебя недостоверная информация? С первого дня работы у Легрида я занимаюсь фиксацией и сбором эпизодов с участием атавитов: все эти годы они присутствуют в секторе. И продолжают то, ради чего сунулись сюда изначально. Только вот в последнее время совсем озверели…

---

[32] Dingir tai – дословно: богам-свет. Хвала богам (креон.)

[33] Me-en šrak – без разницы. Мне все равно (креон.)

— Но не может же быть такого, чтобы мы их не видели!

— Тс-с! — Хаско шикнул на него, выглянул через распахнутый люк. — Я тебе рассказываю ровно то, что знаю сам. Я своими собственными глазами видел сводки по РПС-маркерам; в службе безопасности этим целый отдел криминалистов занимается. Так вот, они утверждают, что мы перестали их фиксировать, потому что РПС-маркер изменился. Атавиты получили тело, но оно ***не***органическое и служит им плохо…

— Но зачем им тогда такое тело? Хаско, я ничего не понимаю.

Хаско снова пожал плечами, нахмурился.

— Думаю, после сегодняшнего случая Легрид по-любому будет вынужден привлечь Теона и даже, может быть, поделиться информацией.

Влад снисходительно фыркнул. У Хаско усмехнулись глаза.

— Если будет рабочая группа, надеюсь, мы оба в ней окажемся. Готов голову отдать на отсечение, грядет что-то интересное. И я бы хотел наблюдать за этим не из зрительного зала.

20

Фрегат управления сопровождения следственных действий «Тольда», штаб-квартира криминальной полиции, настоящее время

Линкор «Адальяр» прибыл на «Тольду» за сорок минут до встречи. После швартовки оператор сообщил Иралю о возможности ступить на борт станции.

Ираль облачился в строгий китель, оправил знаки отличия. Ему предстоял непростой разговор: после того, как клириканский борт столкнулся с креонидянским сухогрузом, Креонида неизменно требовала возмещения убытков. И называла астрономически неправдоподобные суммы, будто на борту пострадавшего судна перевозился не заявленный в декларации пиамский шелк, а биосиликатный композит или галлоны с тритием.

То, что встреча была назначена на «Тольде», говорило скорее о серьезности намерений главы метрополии: корабль значился базой для экспертно-криминалистической лаборатории криминальной полиции и ее штаб-квартирой.

Переведя дыхание, Ираль направился к уже распахнутым шлюзам.

У таможенно-санитарного модуля его поджидал администратор, который, почтительно склонившись, предложил пройти к переговорной зоне.

Ираль огляделся.

«Тольда» всегда была довольно многолюдной. Шлюзовой каскад ее состоял из двенадцати стыковочных секций, могущих принять одномоментно до десятка гостевых судов различных конфигураций. И это помимо кораблей сопровождения следственных действия, спецназа и подвижных криминалистических лабораторий, которые занимали пирсы на постоянной основе.

Сегодня же зона прилета буквально кишела служащими, а транзитная галерея напоминала улей.

— Что-то у вас сегодня суета, — отметил он. — Проблемы?

— О нет, господин Адальяр, — постарался улыбнуться администратор. — Много важных гостей.

Взгляд Ираля с удивлением задержался на проходившем мимо клириканце в черной форме с эмблемой Галактической службы безопасности. Он проследил за ним взглядом — тот проследовал до угловой секции, над которой на табло прилета обычно значился бортовой номер судна. На этом табло горела аббревиатура «СГБ», обозначавшая ведомство Суомо Легрида.

Ираль нахмурился.

— А что, и господин Легрид уже прибыл? — спросил он, действуя наобум.

— Да, господин Легрид прибыл около часа назад. Он присоединится к вам позднее.

Ираль холодно кивнул и сделал вид, что услышанное не было для него новостью.

«Легрид будет участвовать в нашей с Агнаром встрече? Что вообще происходит?»

Подозрение, что приглашение главы Креониды он истолковал неправильно, закралось и теперь не отпускало его.

— А остальные? Уже прибыли?

Этот вопрос тоже был задан вслепую. Ответ удивил еще сильнее:

— Да, все ожидают только вас и господина Тибо.

Ираль кивнул: этот день оказался наполнен сюрпризами. Клириканец тешил себя надеждой, что хотя бы некоторые из них окажутся приятными.

21

Фрегат «Тольда» , настоящее время

Завершая переход на «Тольду», и Ульяна, и Пауков рассчитывали встретить в зоне прилета Васю Крыжа — улыбающегося и сыплющего шуточками старого друга и товарища. Но вместо него их поджидал сумрачный клириканец в черной форме управления сопровождения следственных действий, прошипел что-то невразумительное вроде «следуйте за мной» и привел их в тесное помещение рядом со шлюзовым отсеком: две жесткие лавки вдоль стен, стол, отключенный демоэкран и тихо работающая вентиляция.

— Надеюсь, это не означает, что мы арестованы, — пробормотала Ульяна, начиная все сильнее нервничать. Присутствие на «Тольде» начальника службы безопасности нервировало.

— А есть за что?!

Вопрос не был риторическим — Ульяна по складу характера всегда была авантюристкой, и уже если у полиции и возникли вопросы, то к ней. Задумавшись, девушка уклончиво сообщила:

— Да вроде бы не за что…

Она в самом деле перебирала все последние операции, разборы полетов, участие в экспериментах лаборатории биогенной инженерии, но не находила ничего, за что ей могли бы наложить взыскание.

— Может, попробовать связаться с Крыжем? — предложила.

Пауков активировал портативный креоник, закрепленный на запястье, но темный экран, мигнув отправленным сообщением, тут же погас.

— Связи нет, — Артем пожал плечами.

Он поднялся и подошел к двери, вдавил кнопку допуска — створки не распахнулись. Он вдавил еще раз — тот же результат.

Он замер, не решаясь обернуться к Ульяне и услышать повторное предположение о задержании. В самом деле, о чем еще думать? Их вызвали анонимно, в приказном тоне заставили пристыковаться к фрегату криминальной полиции, заперли в помещении без средств связи и какой-либо информации.

— Не будем паниковать, — решила Ульяна и прислонилась к стене.

Она прикрыла глаза, изображая попытку подремать. Спохватившись, тут же распахнула их и вызвала борт «Фокуса» — тот отозвался стандартным сообщением о начале планового обслуживания всех систем.

— Ну, если что, будем пробиваться на «Фокус», — Ульяна лукаво усмехнулась.

Пауков продолжал мерить комнатку шагами.

— Сядь, пожалуйста, — не выдержала Ульяна и похлопала по месту рядом с собой. Но встрепенулась: — Слышишь?

Стены фрегата содрогнулись, протяжно скрипнула система захвата, разливаясь по корпусу металлическим скрежетом. Ульяна вскочила на ноги:

— Кто-то еще прибыл…

Они переглянулись.

Дверь их каморки скрипнула, на пороге появился все тот же клириканец.

— Прошу за мной…

На пороге он остановился, пропуская мимо стремительно шагающего по коридору креонидянина примерно двадцати пяти—двадцати семи лет: сахарно-белая кожа и лунные волосы ниже плеч, заплетенные в затейливые косы, сенаторский значок на груди и пурпурный плащ сановника высшего ранга, развевающийся за спиной незнакомца, выдавали в нем значимое на Креониде положение, выправка — военное прошлое, а пронизывающий и надменный взгляд

— допуск в высокие кабинеты. То, как вытянулся во фрунт их провожатый, пропуская креонидянина вперед, подтверждало самые невероятные подозрения.

Проходя мимо Ульяны, он пронзительно посмотрел на нее — из легких девушки выбило воздух. Она непроизвольно отшатнулась и схватилась за ворот ставшего внезапно тесным навигаторского комбинезона.

Однако молодой сановник не остановился. Он даже не кивнул им.

Артем заметил ужас, с которым Ульяна смотрела ему вслед. Перехватил ее за локоть и поддержал. Догадка — жуткая в своей сути — заставила его содрогнуться. Он прошептал:

— Этот тип просто похож на него: это не он, пойми, для нас все креонидяне в некотором роде на одно лицо, это нормально. — Он повторил настойчивей. — Сабо мертв. Оттуда не возвращаются, ты просто устала и плохо выспалась накануне. Дерьмовый сон, гормоны творят и не такое, говорю тебе это как медик.

Девушка перевела дыхание и заставила себя кивнуть, хотя о сходстве незнакомца с Сабо она не подумала: внезапный, ничем не контролируемый страх был вызван иным чувством. Тяжелое, удушливое касание, будто изменившаяся на мгновение гравитация, — вот на что это было похоже.

— Кто он, как ты думаешь?

Клириканец проигнорировал их вопрос.

— Прошу за мной, — повторил холодно.

Они последовали за ним. Молодой сановник шел впереди. У самой переборки, вершей во внутренние помещения корабля, он внезапно развернулся и какое-то время шел спиной вперед, с интересом разглядывал землян.

Креонида традиционно отличалась снобизмом и непримиримым презрением к «низшим» расам вроде гуманоидов Земли. Поэтому поведение креонидянина, его очевидное любопытство, оказалось настолько нехарактерным для сановника его ранга, что Ульяна с Артемом сбились с шага и едва не врезались в спину шедшего перед ними клириканца.

На губах креонидянина расцвела нагловатая мальчишеская усмешка, мгновенно лишив молодого человека флера надменности.

Миг замешательства — и вот они уже снова видят только его спину. Еще мгновение, и за ним захлопнулась мембрана гермопереборки.

— Кто это?

Артем спросил у сопровождавшего их клириканца, но тот, кажется, решил изобразить из себя глухонемого и на вопрос не ответил. Ульяна пожала плечами:

— Сейчас, вероятно, и сами узнаем…

Страх, который вызвал незнакомец, сменился любопытством.

22

Широкие двери конференц-зала распахнулись, впуская Ульяну с Артемом следом за креонидянином в пурпурной накидке. В зале они заметили много знакомых лиц.

— Вот это встреча! — не удержался от восклицания Артем.

Василий Крыж приветствовал их бурно: расставил широко руки и дважды похлопал в ладони над головой на манер футбольного болельщика. Он сидел рядом с высоким темноволосым землянином с шевроном спецподразделения «Ягель» на рукаве. На вошедших тот посмотрел со сдержанным интересом, задержался взглядом на Ульяне — та как раз с опаской пялилась на креонидянина в пурпурном плаще, с шумом устраивавшегося за столом, — и вернулся к разговору с Василием.

Через несколько свободных кресел от Крыжа сидела худенькая клириканка со строгим каре. На ней была форма криминалистов и шеврон с эмблемой «Тольды». Девушка сидела с идеально прямой спиной, по-ученически сложив руки на коленях. Было очевидно, что девушка прислушивается к разговору Крыжа с темноволосым землянином. Вошедшим клириканка приветливо кивнула, чуть улыбнулась.

По другую сторону стола от вельможи с Креониды, через некоторый интервал в расставленных стульях — очевидно, образовавшийся усилиями креонидянина, который переставил свой стул ближе к центру стола — сидел, просматривая что-то на своем креонике, глава Совета Родов Клирика, Ираль Танакэ сеном Адальяр. В момент, когда Пауков с Ульяной вошли, он с мрачным видом читал сводки на информере. Артему он кивнул, похлопал по свободному креслу, приглашая устроиться рядом.

Пауков склонился к Иралю:

— Ты-то здесь зачем, друг Ираль?

— Теоретически, у меня назначена встреча с Тибо, — он деликатно кивнул на креонидянина в пурпурном плаще. — Ты в курсе, что происходит?

Ульяна с Артемом переглянулись и пожали плечами.

— Есть кое-какие соображения…

Но обсудить их они не успели — двери, ведущие во внутренние помещения, распахнулись. На пороге появился сам начальник криминальной полиции в сопровождении подтянутого креонидянина в форме Галактической службы безопасности и щуплого рыжеволосого землянина в очках. Ульяна с Артемом переглянулись, узнав в последнем Тимофея Резникова, с которым летали когда-то на «Фокусе». Резников тоже сразу их увидел, просиял и сперва направился к Крыжу, но потом спохватился, заметался за спинами собравшихся и в итоге опустился на стул, приставленный к стене.

Шествие замыкал лично Суомо Легрид. Взяв приставной стул, он по-хозяйски уверенно опустился между Иралем и главой Креониды. Коротко всем кивнул и облокотился на стол.

Теон занял место во главе, заговорил отрывисто, будто все они продолжили давно начавшееся совещание. Начальник криминальной полиции выглядел усталым, под глазами пролегли мрачные тени, а землистый цвет лица только подтверждал, что Теон давно не отдыхал.

— Всем доброго света звезд, — приветствовал он и посмотрел на Василия. — Крыж, Чайка, доложите по последним данным.

Поднялся Крыж, вывел на интерактивную поверхность стола для заседаний карту сектора. Красными точками на ней выделялись метрополии — Клирик, Цериана и Креонида — с десятками протекторатов. Зеленые линии сети транзакционных переходов с точками входов и выходов. И наконец пульсирующие значки. Василий указал на них:

— Вот это причина, почему мы здесь собрались. Это точки чрезвычайных происшествий, которые произошли за истекшую неделю. — Он добавил еще один слой, пульсирующих меток стало больше. — А это за две недели… и за три… а вот это визуализация за полгода.

Вся поверхность стола горела, будто кровоточила. Ульяна сбилась, но меток насчитала около тысячи. У нее округлились глаза — масштаб проблемы впечатлял.

— Если говорить о большем временном отрезке, то чрезвычайных ситуаций на транспорте перевалят за несколько десятков тысяч. В их число входят как аварии, причины которых установлены, так и те, расследование которых продолжается. По сути, мы на пороге коллапса, вызванного крахом всей нашей диспетчерской службы и сети транзакционных переходов. Корабли сталкиваются друг с другом, на пути их движения обнаруживаются кометы, астероиды и пылевые облака, они оказываются захваченными гравитационным полем планет или не могут выйти из транзакционного перехода, исчезая в нем без следа.

Крыж перевел взгляд на Чайку, передавая ему слово. Тот изменил настройки, теперь горящие знаки разделились по цветам. Часть остались красно-оранжевыми, часть стали зелеными, фиолетовыми, синими и белыми.

— Я постарался сгруппировать происшествия по типам. Так, столкновения судов отмечены оранжевым, гибель экипажей — зеленым, сход с курса — фиолетовым. Отдельно выделены эпизоды, непосредственно не связанные со сбоем технических устройств, они отмечены синим. Это случаи непрогнозируемой агрессии, сумасшествия экипажей, пассажиров и даже целых обитаемых станций и планет. Да, такие случаи тоже имеют место, и мы решили включить их для анализа. Гипотеза о бактериологических причинах помешательства не подтвердилась, как и предположения о террористических атаках. Причины, как бы мы их ни назвали — естественные. Если, конечно, чудовищную жестокость, которая сопровождает такие помешательства, можно назвать естественной. — Он помолчал, позволив присутствующим оценить карту и рассмотреть детали.

— Есть ли какая-то система в происходящем? — уточнила Ульяна.

Теон перевел взгляд на прямую спину клириканку.

— Об этому вопросу пусть доложит Тавра Гаядэ. — Теон кивнул девушке. — Не смотрите на ее возраст. Тавра — выпускница нашей школы криминалистики, эксперт. Еще в качестве курсанта и стажера, то есть порядка пяти лет плотно занимается гравитационными аномалиями. Так что опыта у нее побольше, чем у некоторых почтенного вида мужей. Я ее мнению доверяю…

Он нахмурился и окинул мрачным взглядом присутствующих. Не трудно было догадаться, о чем он подумал — большинству из них не было и тридцати лет, даже главам двух метрополий, присутствующим на совещании. И никого из них не назвать «почтенными мужьями». Ну, разве что им с самим Легридом.

— Прошу, Тавра…

Девушка заговорила, будто декламировала давно заученный текст, четко, спокойно, без суеты, подтверждая слова картами, графиками и схемами, которые появлялись и парили голограммами над интерактивной поверхностью стола.

— Изначально все указанные события не систематизировались и рассматривались как самостоятельные, не связанные между собой, происшествия. Позднее, когда накопленного материала оказалось достаточно для анализа, было принято решение объединять информацию. Тогда же было принято решение увеличить временной интервал наблюдения, включив в базу события последних нескольких лет. Так мы впервые обнаружили некие закономерности. — Над столом загорелся первый график. — В частности, мы заметили, что ряд событий непосредственно предшествует значительным гравитационным колебаниям, а некоторые — напри-

мер, акты неконтролируемой агрессии — происходят на пике таких колебаний, в интервале выше десяти-одиннадцати гравитóнов[34].

Она замолчала. Глава Креониды — тот самый, в пурпурном плаще — заговорил:

— То есть мы знаем, что происходит… А почему бы просто не скорректировать работу диспетчерской службы, не внести обновленные данные в режим полетов?

— Дело в том, что эти колебания не носят постоянный характер. Их амплитуда усиливается, но усиливается волнообразно. А вот формулу, по которой это происходит, как и источник таких колебаний, мы пока установить не можем.

Она развела руки и опустилась на свое место.

Ульяна наклонилась вперед. Ей показалось, Теон ждет, что следующий довод, как и гипотезу, выскажет именно она:

— Прежде мы сталкивались с аналогичным явлением. Оно было связано с вторжением атавитов.

Теон кивнул.

— Мы думали об этом. Тем более, что часть происшествий, действительно, оказалась со следами повышенного уровня РПС-маркеров.

— То есть речь может идти о новом нападении атавитов? — у Ульяны пробежали мурашки по спине.

Она — в запертой капсуле, потерявшей управление и полностью обесточенной. Ее стенки содрогаются под неистовыми ударами. Скрежет пробирает до костей. А на демо-экране — хищная клыкастая пасть бестелесного существа, состоящего из космической пыли, энергии и вечно голодного сознания. И сознание это сосредоточено на единственной цели — убить.

Теон покосился на нее, вздохнул.

— Мы не можем исключать ее. Но, с другой стороны, достаточных свидетельств, что именно влияние эхоплазмоидов-атавитов вызывает рост гравитационных аномалий, у нас нет. В этой ситуации мы были вынуждены обратиться к коллегам из службы безопасности, — он перевел взгляд на Легрида. — Именно в этом ведомстве сохранились более подробные архивные гравитационные карты. И вот тут нас ждал самый серьезный сюрприз… Расскажете, коллега?

Клириканец перевел взгляд на своего сотрудника, до этого момента неприметно наблюдавшего за присутствующими — его, очевидно, интересовали связи между ними и отношения.

— Предоставлю это господину Боллу… — Он сделал приглашающий жест: — Хаско Делаувер Болл, руководитель нашей службы внешнего мониторинга.

Тот самый юноша, что вошел вместе с Теоном, отделился от стены, у которой стоял, прислонившись плечом, подошел к столу и оперся на него.

— Мы давно наблюдаем некоторые изменения. — У него был тихий, приятный голос. — Гравитационные нити находятся в постоянном движении, это всем известно. Однако это движение четко сбалансировано. Его можно рассчитать. Чем, собственно, и занимаются транспортные и диспетчерские службы, прокладывая маршруты кораблей. И вот эти нити начали рваться… Изучив материалы, мы предположили, что такие события могут быть цикличны. А значит, нужно поискать древние свидетельства об аналогичных происшествиях. Так, простой анализ подсказал нам, что наша галактика существует на руинах древней катастрофы — большинство объектов так или иначе датированы возрастом от пяти до десяти миллиардов лет.

Он сделал паузу, позволив всем присутствующим осмыслить сказанное им. И приготовиться к плохим новостям.

---

[34] Гравитон – единица измерения гравитационных волн в космосе.

— Порядка десяти миллиардов лет назад произошло крупное событие, когда Млечный Путь поглотил другую галактику — Гайя-Энцелад. В этом интервале мы и принялись искать наиболее древние артефакты. И обнаружили Рахакму.

Молодой креонидянин перебросил со своего креоника изображение конгломерата обломков. Карта на интерактивной поверхности уменьшила масштаб, теперь на ней вращалась вся спиралевидная галактика. Хаско указал на участок во Внешнем рукаве.

— Рахакма воспринималась нами как один из самых древних объектов в обитаемой части галактики, из чего мы предположили, что если и есть какие-то свидетельства, которые помогут нам разобраться в происходящем, то они должны храниться там. К планетоиду была направлена небольшая экспедиция, — он бросил взгляд на притихшего Тимофея. У того покраснели уши. — К сожалению, наше предположение подтвердилось лишь частично: Рахакма, действительно, пережила глобальную катастрофу, но является не архивом данных, а нейрослепком последних мгновений прежней галактики. Ее изучение, конечно, имеет ценность с научной точки зрения, и господин Резников настаивает на работе с ее записями, но у нас нет уверенности, что нам удастся связать те события с нынешними…

Он перевел дыхание. На переносице пролегла глубокая морщина, а взгляд креонидянина помрачнел:

— Однако изучение Рахакмы позволило нам обнаружить иные перспективные направления для работы. Так, ценным источником информации является архив расы Щита-Центавра, кремноидов Су-Псе. По всем данным, они пережили прежнюю катастрофу, а значит, могут хранить информацию о ней. Но обращение к кремноидам пока успеха не принесло, от контактов с биологическими формами жизни они отказываются.

Он развел руками.

Начальник криминальной полиции заговорил снова:

— Я думаю, вы уже догадались, что вам будет предложено стать участниками рабочей группы, которой будет поручено собрать недостающие для нас сведения. Господин Цуйи и господин Адальяр должны принять решение об участии своих планет и взять на себя дипломатическое руководство миссией — кремноиды страшные крючкотворцы, им важен сан и титул говорящего с ними.

Ираль улыбнулся уголком рта:

— В таком случае не могу не задать вопрос: почему же среди присутствующих отсутствует глава третий метрополии, Церианы?

Лицо Теона потемнело:

— Господин канцлер уведомлен о сути сегодняшней встречи и решил, что у него есть дела поважнее… Думаю, двух глав нам вполне достаточно.

— Мы с господином Адальяром должны участвовать в миссии совместно? — поинтересовался глава Креониды.

Теон задумался.

— Нет, думаю, на этом этапе одного из вас в составе миссии будет достаточно…

— В таком случае, я готов взять это на себя! — Цуйи просиял и поднял руку. Покосившись на Ираля, криво усмехнулся: — У господина Адальяра, как мне известно, готовится революция на Граахе, да и молодая оайли требует внимания и заботы. Наверняка ему важнее остаться дома. А я свободен, как утренний свет, и готов к присоединиться к миссии.

Иногда судьба сама подбрасывает тебе варианты, о которых и помышлять не мог: Агнар не мог не отметить, до какой степени вовремя оказалось это путешествие на другой край галактики, далеко за пределы видимости трибунала и его квестора Арахны. Агнар улыбался своей удаче.

— Это разумно. По крайней мере, на данном этапе, — поддержал его Легрид. — Господин Адальяр может понадобиться здесь, на заседании коллегии Трибунала, если встанет вопрос о финансировании миссии или ее правовой поддержке.

Ираль, и без того мрачно смотревший в сводки, помрачнел еще сильнее. Легрид заметил егозамешательство, чуть склонился к нему:

— Не волнуйтесь, господин Адальяр, в этом деле нам всем хватит работы, уверяю вас.

Ираль рассеянно кивнул.

— Как бы это ни было прискорбно отмечать, но господин Тибо прав. Мне, действительно, необходимо остаться дома. Правда, ввиду совсем иных соображений, — он бросил испепеляющий взгляд на Агнара. Решительно поднялся. — На Граахе произошла катастрофа, в планету врезалась группа астероидов. Как вы понимаете, я вынужден заверить вас в поддержке, однако прервать встречу и отбыть в пострадавшую провинцию.

Он коротко откланялся и стремительно покинул конференц-зал, на ходу затребовав экстренную расстыковку линкора «Адальяр» с фрегатом.

Теон поднялся:

— Что ж, думаю, технические вопросы вы можете обсудить и без нас с господином Легридом. Руководителя рабочей группы мы с ним согласовали, им останется господин Болл.

По лицу Ульяны скользнуло недоумение, она посмотрела на Артема. Тот пожал плечами.

Теон дотронулся до плеча молодого креонидянина. И, поманив за собой Легрида, вышел из конференц-зала.

23

В конференц-зале стало слышно, как работает вентиляция. Щелкнул затвор, утробно загудел насос, щелкнул затвор, зашипела ионизация. Болл продолжал стоять, вглядываясь в лица своей команды. Он читал мрачную готовность действовать на лицах Влада и Василия, сомнение — на лице Тимофея, интерес на лице генетика Паукова. И раздражение — в чертах капитана фрегата.

Первым из разношерстной компании затянувшееся молчание прервал глава Креониды, Агнар Тибо, властитель Цуйи. Ульяне до сих пор не верилось в его сан — так молодо он для него выглядел. Взгляд его оставался надменным, что было привычно для его расы и статуса, однако живость черт и порывистость движений удивляли.

— Ты закончил в гляделки играть? — без обиняков спросил он у Хаско и поднялся. Он подошел к кофемашине, запустил ее и в ожидании напитка царственно облокотился на нее. — Напомню, ты все-таки выдернул меня практически с порога здания заседаний Совета Родов, накануне прилета важных гостей из Трибунала. И я требую чуть больше информации, чем трагичных намеков о сходстве с катастрофой сколько-то там миллиардов лет давности.

Хаско полоснул его взглядом, но промолчал, устраиваясь на месте, которое только что занимал Теон.

Уже по тону обращения можно было понять, что, во-первых, эти двое давно знакомы, во-вторых, не дружны, в-третьих, Агнара притащили на «Тольду» едва ли не силой. И Ульяна с удивлением и возрастающим интересом смотрела на Хаско: какую же власть должен иметь этот молодой человек, чтобы вытащить из кресла самого чванливого, высокомерного иэгоистичного сановника в Единой Галактике.

Тот удобно устроился и улыбнулся. Скользнул взглядом от Агнара к остальным участникам совещания. Неожиданно заговорил все это время наблюдавший за безопасником Пауков.

— Ты — из числа так называемых «шептунов»? — он задал вопрос, который держал при себе с того самого момента, как Легрид представил им Болла.

Тот перевел на него взгляд:

— Именно…

Информация, признаться, шокировала многих присутствующих. Кроме Ульяны — она не знала, кто такие шептуны, — и Владислава Чайки — для него услышанное явно не было новостью. Влад усмехнулся широко и даже с некоторой долей гордости за приятеля. Господин Болл продолжил:

— Моя должность должна сделать очевидным источник информации, с которым мне приходится работать, а значит, то, что я скажу дальше, вы воспримете спокойно и с должной степенью озабоченности… Мы скоро все умрем.

Сказанное шокировало Ульяну. Не сама новость, а то, до какой степени буднично и цинично она прозвучала. Неприязненное отчуждение пролегло между ней и безопасником почти сразу: во-первых такими вещами не шутят. Во-вторых, двух юмористов на борту одного фрегата многовато. А один уже есть, и это был Крыж.

— Как скоро, прости? — Артем, казалось, тоже почувствовал нечто похожее, скептически изогнул бровь.

— Кто это «мы», можно ли поконкретнее? Так сказать, весь список огласите, — ухмыльнулся Крыж и, отметив мрачный взгляд Ульяны, осекся.

Болл снова откашлялся:

— Когда я говорю «мы», я имею в виду все разумные расы в этой части галактики, — он прищурился, и в одно мгновение растерял всю веселость, которая так раздражала Ульяну. Резкая перемена показалась девушке слишком стремительной и неестественной. Ощущение

опасности, исходившей от креонидянина, усилилось. — Когда я говорю «скоро», то подразумеваю ближайшие пару десятков лет. Это достаточно скоро для вас, господин Пауков? Если нет, то не смею вас тут задерживать, вы можете вернуться к своим пробиркам.

Ульяна почувствовала, как в груди закипает гнев — да как смеет этот безопасник говорить с Артемом в таком тоне.

— Вы так легко разбрасываетесь командой? — У нее изогнулась бровь. Голос стал ледяным. — Вынуждена напомнить, что Артем — создатель корабля, на котором вы, как я могу судить, собираетесь в ближайшее время передвигаться. Мало того, он — его борт-инженер по биогенным системам. И если миссию покинет он, покину ее и я.

Хаско слушал ее предельно внимательно. Его взгляд сперва потемнел, но вскоре загорелся неподдельным интересом. Креонидянин подался вперед и склонил голову к плечу, напоминая теперь хищную птицу, готовую вцепиться в плоть своей жертвы и выколоть ей глаза. Ульяна его взгляд выдержала, не стушевалась. В ее груди кипела ярость, приправленная острой неприязнью к этому самодовольному выскочке. Ощущение снова тяжелого, удушливого касания вернулось, волосы стали дыбом на позвоночнике. Но на этот раз Ульяна оказалась готова и не позволила панике взять над собой верх.

Крыж, переводивший взгляд с Хаско на Ульяну и обратно, встрепенулся:

— Эй, брейк… Вы не забыли, что мы вообще-то в одной лодке находимся, а?

Он помолчал, убедившись, что пикировка взглядами прекращена: Ульяна скрестила руки на груди и откинулась на спинку кресла, плечи Хаско расслабились. Крыж обратился к нему:

— Ты как бы тоже поаккуратнее с громкими фразами, ладно? Просто история про «мы все умрем» — довольно распространенная на нашей планете. Примерно раз в пять лет внедряются различные сценарии, чтобы взбодрить население. Так что допустимо, что ребята тебе не слишком-то и верят.

Хаско расправил плечи.

— Я так похож на шутника?

Артем вздохнул, но отвечать не стал.

Болл окинул присутствующих взглядом:

— Призываю отнестись ко мне и моей информации максимально внимательно. И всякий раз, когда у вас возникнет желание закатить глаза, вспомните, что как минимум два высших сановника Единой Галактики мне поверили. Иначе вы бы здесь не находились.

Агнар, все это время с интересом поглядывавший на компанию, вздохнул и лениво протянул:

— Ну, полагаю, они знают чуть большей информации… И если ты потрудишься донести ее до нас, мы, вероятно, тоже проникнемся. Давай, иали́с!

Он щелкнул пальцами и снова скрестил руки на груди.

Хаско активировал закрепленный на запястье портативный коммуникатор-креоник, высвободив из его недр голографическое изображение галактики Млечный Путь. Подхватив его, он подбросил его подобно воздушному шарику, но опуститься на стол не позволил, усадил на свою раскрытую ладонь. Диск медленно вращался над нею.

— Мы все находимся вот здесь, — он развернул макет галактики так, чтобы всем присутствующим оказался виден рукав Ориона. — Млечный Путь проходит сейчас не самый простой период, он испытывает давление. Примерно вот так.

Он демонстративно сдавил диск, заставив его изогнуться и деформироваться.

— Посмотрим, что происходит внутри? — Он лукаво усмехнулся и расширил масштаб проекции, поместив стол и всех участников встречи в ее центр.

Ульяна первой поняла, что не так — все ориентиры, на которые она опиралась как навигатор во время полетов, сместились. Пространство оказалось заполнено космической пылью

и газом гораздо сильнее обычного, достаточно сильно, чтобы сделать невозможным межзвездные перелеты. Хаско отметил ее реакцию.

— Госпожа Рогова. Вы — опытный навигатор и знакомы с гравитационным ориентированием. Сможете показать нам, где мы находимся сейчас? Вы можете поднять карту и сделать так, как вам привычно. Ни в чем себе не отказывайте, от ваших опытов никто не пострадает, это всего лишь модель…

Ульяна провела рукой вдоль стола, подхватила голографическое звездное полотно и растянула его. Неуверенно указала пальцем на небольшое звездное скопление.

— Вот это рукав Ориона, а вот этот сектор… Единая Галактика, здесь мы находимся.

Но никакого «мы» в месиве из обломков планет и звездной пыли не было.

Хаско остался доволен.

— Все верно… Давление, которое испытывает гравитационное поле Млечного Пути, огромно, а обитаемые миры расположены так близко друг к другу, что, случись катаклизм с одним из миров, остальные окажутся в зоне поражения обломков. Цепная реакция своего рода…

Над столом повисло тягостное молчание: каждый искал взглядом свою родную планету… и не находил на привычных координатах.

— Насколько точен… этот прогноз? — спросил Крыж севшим голосом.

Хаско просиял:

— О, он предельно точен! Перед вами карта Единой Галактики через сто двадцать среднегалактических месяцев. — Он продолжал улыбаться, словно доложил только что приятную во всех смыслах новость. — Как ваша мотивация? Все еще на нуле?

Ульяна тряхнула головой, схватилась за виски:

— Бред какой-то. — Она растирала тонкими пальцами кожу, нервная жилка билась за ухом. — Если все, что ты говоришь — правда, то этим должны заниматься планетологи, астрофизики, специалисты по волновой генетике, а не мы с вами… Что может горстка людей против… такого?

Хаско покачал головой, серебристые волосы рассыпались по черной ткани кителя.

— А что могут волновые генетики и планетологи? Мы находимся на той стадии, когда нам важно не изучение проблемы, а работа с ее последствиями. При этом в нашей небольшой, хоть и поредевшей компании, есть несколько человек, которые владеют навыками непосредственной работы с гравитацией: я, господин Тибо и вы… Есть еще господин Адальяр, но на него мы пока рассчитывать не можем.

— Я?! — Ульяна прекратила массировать виски, вскинула голову, перевела недоумевающий взгляд на главу Креониды, но тот стоял у кофейного автомата и с каменным лицом пил кофе. — Вы с ума сошли? Если вы про передвижение корабля по гравитационной стяжке, так это все работа «Фокуса», я вообще никакими навыками не обладаю.

— Я сказал ровно то, что собирался, но об этом позже, — безопасник улыбнулся и поднял вверх руку, обрывая попытку Ульяны поспорить. — В нашей компании есть представитель власти с полномочиями заключать сделки с расами за пределами Единой Галактики, есть талантливые программисты, пилоты, инженеры, способные доставить нужных людей к месту принятия решения. Ведь вы же не думаете, что кто-либо из рас Единой Галактики в силах предотвратить катастрофу в одиночку?! Так что у нас более чем репрезентативная компания.

Он иронично вздернул бровь.

Агнар согласно кивнул:

— Что ж, это разумно: в период кризиса начинать безнадежные переговоры — при таком раскладе они точно приведут к войне.

Хаско чуть поклонился:

— О, благодарю за неожиданную поддержку… Но надеюсь, что вы не провалите наши переговоры с кремноидами до такой степени.

Агнар фыркнул и пробормотал на креонидянском презрительное:

— Наа́р вэл[35]…

Ульяна поднялась:

— Погодите. Как я понимаю, вы предлагаете выйти за пределы рукава Ориона и добраться до Щита-Центавра. Но это… это катастрофически огромное расстояние. «Фокус» такое никогда не преодолевал. У нас нет навигационных карт того сектора, нет никакой возможности туда добраться и направить разведывательные зонды…

Прежде задумчиво слушавший приятеля Чайка подался вперед.

— Допустим, у нас есть ряд зондов, которые мы можем использовать для построения маршрута и создания звездной карты…

— Но до Щита-Центавра все равно надо сперва добраться, — Ульяна покачала головой. — Мы технически не сможем лететь так далеко. Я даже примерно не могу представить, с какого бока к прокладыванию такого курса подойти, понимаешь?

— Вопрос не в том, что мы *можем*. Вопрос в том, что нам *нужно*сделать, чтобы добраться. — Хаско Болл сцепил руки в замок. — Господин Теон выбрал нашу команду, руководствуясь тем, что вы не слишком-то заботитесь о *возможностях*, когда у вас появляется *необходимость*. А необходимость у нас у всех самая насущная.

Он обвел рукой голограмму. На глазах присутствующих огромный астероид врезался в точку на карте, вращавшуюся на орбите Креониды. Огненный вихрь, каменные обломки разной величины и облако пепла остались вместо нее.

Присутствующие затихли.

— Это анимация какая-то? Игра? — Голос Ульяны задрожал. — Если это шутка, то крайне несмешная!

Она привстала, ее взгляд пылал.

Хаско наблюдал, как взрывная волна растекается по сектору, подминая под собой все новые и новые планеты, многие из которых наверняка были обитаемыми. Он покачал головой:

— Я люблю только хорошие шутки, госпожа Рогова. — Он остановил проекцию и запустил ее реверс, чтобы все снова могли увидеть, как огромный астероид входит в сектор. На этот раз креонидянин снизил скорость трансляции, указал пальцем на незамеченные прежде события: астероид под воздействием изменившейся гравитации захватывается приливной силой газового гиганта на окраине галактики, изменяет траекторию движения и врывается в пределы обитаемого космоса. — Но перед вами — модель ближайшего будущего. Астероид, который вы наблюдаете, будет обнаружен нашими учеными. Его нарекут Мемфис. И он *уже*отклонился от изначального курса, Креонида *уже*лежит на его пути.

Агнар Тибо тихо выругался и отвернулся. Когда он заговорил, голос его был сухим и жестким, в нем не осталось и следа прежней сытой лености:

— Получается, нам нужно найти способ отправить зонды в сторону Щита-Центавра, выстроить более-менее годный курс и, ориентируясь по нему, выдвинуться для переговоров. — Он перевел взгляд на Хаско. — Я бывший пилот, я могу вывести какое-то небольшое судно на нужную траекторию и запустить зонды. Если что-то пойдет не так и я погибну, то для переговоров с кремноидами у вас есть господин Адальяр. Я все думал, зачем столь блистательной команде стал нужен Агнар Тибо, и вот сейчас понял — вам просто нужен был представитель власти про запас, которым при случае было бы не жалко пожертвовать.

Хаско кивнул:

[35] Придурок, балбес (креон.)

— Это была моя идея! — он растянул губы в ледяной усмешке. — Но господин Адальяр покинул нас по не зависящим от меня обстоятельствам и испортил все веселье.

Агнар оставался мрачен.

— Валл ме, ара́с тай[36]! — процедил он.

Высказанное Агнаром предположение было так чудовищно и так походило на правду, что у Ульяны опустились плечи. У господина Болла, между тем, не дрогнул ни один мускул на лице.

— Но покончим с любезностями. Скажите, господин Тибо, как много времени у вас уйдет на эту миссию — добраться на катере до рукава Щита-Центавра и расставить разведывательные зонды? Год? Два? Сорок? Не многовато ли? Напомню, через десять среднегалактических лет в вашу планету врежется астероид. Он *уже*мчится к ней. Двести миллионов жителей уже приговорены к смерти.

Агнар отвел взгляд.

Хаско смотрел на него, как на глупца.

— Идея с зондами мне нравится. Но мне интересно, сможет ли госпожа Рогова предложить какой-либо из способов применения гравитационной стяжки. Насколько мне известно, она позволяет использовать естественные карманы в темной материи, что существенно сокращает время в пути. И обеспечивает какую-никакую безопасность.

Ульяна растерянно кивнула:

— Это так, но для перемещения гравитационной стяжкой нужно знать структуру и состав материи, направление потоков… Мы же не знаем об этой области вообще ничего… И только что констатировали, что гравитационные линии стремительно меняются.

— Ну, не так все плохо, кое-что мы все-таки знаем.

Он свернул проекцию. Вывел карту свободного пространства, за пределами рукава Ориона. Пустота в этом месте искрилась серебром. Ульяна склонилась к едва заметным линиям, соединявшим гравитационные потоки. Потянула на себя и расширила еще немного — изображение распалось.

— Что это?

— Темная материя, конечно. — Хаско улыбнулся. — В архивах службы безопасности хранятся сотни терабайт информации о гравитационных потоках. Расчеты, сигнатуры, точки смещения координат… Все, что вам сейчас нужно, так это вместе с искином вашего корабля изучить ее, выбрать ту часть информации, что необходима вам. Проанализировать и на основании этого проложить курс, учесть вектор текущих переменных.

Ульяна задумалась: это была гигантская работа, но Флиппер с ней справится, он хранит в своей памяти куда больший объем сведений.

— Это возможно… И когда я получу доступ в ваши секретные архивы? — она вопросительно уставилась на безопасника.

— У меня имеется персональное разрешение господина Легрида, чтобы предоставить вам доступ. Считайте, что он у вас уже есть, можете приступить немедленно, но вам для этого придется переместиться на «Эррониус».

Пауков поднял вверх палец, привлекая к себе внимание:

— Я рад, что вопрос с навигацией решен, но, боюсь, что без моего участия и настройки биологической части оборудования корабля-биоморфа мы никуда не долетим. А для этого мне также потребуется информация о внешней среде, через которую мы будем проходить, расчетных координатах точек дозаправки.

У Хаско приподнялась бровь:

---

[36] Vall me, arš tai – кто бы мог подумать иначе (креон.)

— Если вы, господин Пауков, таким затейливым образом пытаетесь выторговать доступ в секретные архивы службы безопасности, то смею вас заверить, что мне ваш подход нравится. Не думаю, что господин Легрид окажется против, так что валяйте, иали́с.

Он глухо ударил ладонью по столешнице и приподнялся, собираясь уходить. Его остановила рука Крыжа.

— Не знаю, как распределит обязанности Ульяна, но прежде я выполнял обязанности бортинженера навигационных систем, и думаю, тоже должен участвовать в сборе информации, — Василий подался вперед и облокотился на столешницу.

Он буравил взглядом невозмутимое лицо безопасника, даже дышал через раз.

Хаско замер:

— В самом деле? Кес раа́ль[37]!

Василий опешил. Он выпрямился и озадаченно уставился на него.

— То есть? Что означает «кес рааль»? Вы это не предусмотрели, что ли? — и посмотрел на Чайку в поисках поддержки. — Это же очевидно, разве нет? Если Ульке и Пауку можно, то почему мне нельзя?

Хаско в задумчивости разглядывал Василия. Тибо фыркнул и тихо выругался, выбросил пустую кофейную чашку в утилизатор. Хаско бросил на него предостерегающий взгляд, неохотно проговорил:

— Видите ли, Василий, насчет вас у меня как раз есть некоторые указания со стороны руководства. Дело в том, что мой патрон настоятельно не рекомендовал допускать вас и господина Чайку в архив. Он немного в курсе хакерского прошлого у вас обоих, знаете ли.

Второй землянин предостерегающе хмыкнул:

— Болл, не зарывайся.

Креонидянин сделал вид, что не услышал его. Он все еще вроде бы сомневался. Отмахнулся:

— Учитывая, что мы все равно все умрем, не вижу особой проблемы в том, что вы оба узнаете какую-то тайну. Одной бедой больше, одной меньше, в конце-то концов… Договорились, я проведу в архив и вас. И Резникова с Таврой, само собой, не оставлять же их одних на борту «Фокуса».

Крыж просиял, взъерошил волосы на макушке и перевел взгляд на Паукова:

— Чего, Паук, кажется, у нас опять намечается приключение…

Хаско посмотрел на него и покачал головой.

— У нас не так много времени. Надо постараться уложиться в два-три дня. Если мы не будем справляться и возникнет необходимость подключить к расчетам дополнительные мощности, то я найду их. Но выдвигаться надо как можно скорее.

Про себя он добавил: «Еще неизвестно, согласятся ли эти каменные скварры иметь с нами дело, или нам придется искать еще один запасной вариант».

[37] Kes raal – какая неожиданность! (креон., иронично)

24

По окончании совещания все перешли на борт «Фокуса».

— О, родные, почти забытые уже стены, — радовался, словно ребенок, Крыж.

Он по-хозяйски обошел кругом стыковочные шлюзы, активировал работу операторского пульта в зоне стыковки, подбоченился, оглядываясь.

— Класс, будто и не было этих лет…

Он ревниво оглядывал свои владения — техблок, лабораторию, заглядывал за прикрытые защитными панелями экраны и узлы ввода.

— А чего ты хозяйничаешь? — возмутился Чайка. — Может, Ульяна тебя не назначит бортинженером, а ты уже себе на креоник все точки доступа запитал.

— Распитаю, — парировал Крыж и проводил настороженным взглядом Ульяну — капитан направлялась по килевому коридору к рубке. — Ульян, я же буду всеми железками заправлять?

Ульяна покосилась на него:

— Посмотрим…

Ее больше волновало, как распределить обязанности навигаторов. Нейросеть «Фокуса» и особенности предполагаемого курса с использованием гравитационной стяжки предполагали, что ей потребуются дублеры, которых ей придется соединить последовательно в общей нейросети с кораблем. Но потенциально один из навигаторов — креонидянин. Мало того что это противоречило правилам и уставу космофлота — он все еще ограничивал работу смешанных экипажей на маршрутах дальнего следования. Так это еще и было чертовски рискованно. Ее прошлый опыт работы в одной сети с креонидянином едва не стоил ей жизни. Хотя Агнар Тибо явно не обладал теми амбициями, как *тот, другой*…

Она решила рискнуть — все равно другого выхода не было, одна она, вероятнее всего, не вытянет длительный переход.

— Агнар, Влад, пройдите в медблок, в распоряжение Артема. Вам нужно пройти диагностику, ваши биопараметры понадобятся, чтобы вас опознал «Фокус» внутри нейросети.

Она физически почувствовала любопытство, с которым этих двоих проводил взглядом Болл.

— А почему Тибо? Может, я бы тоже сгодился?

— У него есть полетный опыт. Если верить личному делу Агнара, с которым вы меня любезно ознакомили, у него почти завершенный курс в Академии. И немалое количество часов налета на военном линкоре в составе навигаторской группы. У вас аналогичный опыт имеется?

Хаско помрачнел.

— Нет. Но я…

— А мне важно именно это. Безо всяких «но», — отрезала Ульяна и направилась в рубку. — Пройдемте, господин Болл, мне нужны координаты «Эррониуса», я читать мысли, уж простите, не обучена.

Хаско посмотрел на нее с удивлением. Он уже жалел, что не познакомился с капитаном Роговой заранее и, кажется, чем-то разозлил ее при встрече. Не решившись усугубить, он понуро поплелся за ней в рубку.

Василий, слушавший их перепалку, перевел взгляд на Артема:

— Какая муха ее укусила? Не знаешь?

— Ты не заметил? — приятель усмехнулся. — Она повзрослела.

Крыж сокрушенно покачал головой:

— Боюсь, я буду скучать по ее сумасшедшим решениям. Хотя… Зная Болла, он может с лихвой добавить адреналинчику нам в крови.

Он пересел к Тимофею, присевшему на край дивана в кают-компании. Тимофей, когда-то летавший на «Фокусе» юнгой, сейчас выглядел расстроенным. На команду он поглядывал с настороженным вниманием.

— Что, Тим, тебя тоже одолела ностальгия? — к нему подсел Василий, толкнул плечом.

Резников встрепенулся.

— А? Чего? — виновато улыбнулся. — Прости, я задумался.

— О чем это? — Крыж закинул руки за голову и вытянул ноги. Он, похоже, был рад вновь оказаться на борту фрегата, который помнил еще перспективной моделью и к которой писал первые программные коды.

Тимофей покосился на него с недоумением. Очки сползли с носа, пришлось их поправить указательным пальцем.

— Я думаю, почему Хаско умалчивает о том, насколько не приспособлена для нас жизнь в рукаве Щита-Центавра.

25

В переходной зоне «Тольды» Ульяну задержал Теон. Он был мрачен и как будто бы недоволен. Придержав девушку за локоть, начальник криминальной полиции отвел ее в сторону от вездесущих камер, загородил собой.

— Госпожа Рогова, вынужден просить у вас прощения, что втягиваю вас в опасное приключение.

— Не берите в голову, я уже почти привыкла.

Теон оценил шутку, усмехнулся.

— Хочу, чтобы вы понимали, что господину Боллу я доверяю… полностью, — он многозначительно замолчал.

У девушки опустились плечи.

— Не понимаю, зачем вы мне это сейчас говорите.

Теон вздохнул:

— Он не без странностей, я признаю. Тот еще скварр. Но он искренне предан делу и Единой Галактике. Если бы мне пришлось доверить ему свою жизнь, я бы сделал это без оглядки. Собственно, именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Вы ждете от меня того же?

Теон подумал.

— Нет. Просто постарайтесь вернуться. Я, видимо, стал слишком стар и сентиментален…

Он дотронулся до ее плеча, и прежде чем девушка успела ответить, стер с лица тревогу и направился через гермопереборки в жилую зону фрегата, оставив в душе Ульяны недоумение и жгучий интерес к молодому безопаснику.

Когда она прошла через стыковочный рукав «Фокуса», то в зоне прилета не обнаружила никого.

— Капитан на борту, — приветствовал ее голос искина из динамика. — Добро пожаловать, все системы в норме и готовы к работе.

— Где все, Флиппер?

— Артем Геннадьевич с гостями ожидают вас в кают-компании.

Ульяна вздохнула.

— Это не гости, Флиппер. Это твой экипаж на ближайшие месяцы.

— Сделать ли мне об этом отметку в бортовом журнале?

Ульяна замерла посреди просторного помещения. Ей нужно было подумать.

Подняв руку, она активировала креоник — на пластичном экране загорелись иконки только что загруженных папок — личные дела ее новой команды. Подробнее она изучит их по дороге на «Эрроний», но какие-то общие сведения ей было важно получить именно сейчас.

Она последовательно открывала папку за папкой, бегло просматривала файлы. На некоторых эпизодах биографий своих новых коллег задерживалась взглядом.

— Нда, — протянула, наконец, отправляя креоник в режим сна. — Денек перестает быть томным.

Она шагнула к внутреннему шлюзу. Перед ней приветливо распахнулись мембраны гермопереборки, пахнуло теплым гидропластиком и озонированным воздухом. Приглушенные голоса доносились из общего зала в конце килевого коридора «Фокуса». Это место облюбовали в качестве кают-компании. Здесь были размещены удобные кресла и диваны, под куполом парила светящаяся сфера, напоминая люстру, по стенам горели тактические мониторы и табло. В центре зоны стоял стол, за которым можно было собраться и обсудить что-то важное.

Вася Крыж устроился напротив Артема, на одном диване с Владом. К последнему Ульяна продолжала приглядываться и прикидывать, какое место он займет в экипаже. Личное дело

Влада она изучила одним из первых: опытный боец спецназа, оперативник, он был знаком и с бортовым вооружением «Фокуса», и с навигацией, мог выполнять функции как борт-инженера, так и навигатора. Кроме того, успел полетать на гравитационной стяжке.

Еще одной «темной лошадкой» в ее новом экипаже стал властитель Цуйи. Креонидянин вел себя надменно, держался особняком. Однако черту не переходил, никого не оскорблял и, кажется, был заинтересован в участии в операции. У Ульяны складывалось впечатление, что у Агнара имелись какие-то свои причины участия в экспедиции, и ей хотелось бы знать, какие, чтобы вовремя подстелить соломку.

При этом, помимо внушительного опыта политика высшего ранга, у Агнара Тибо оказался почти завершенный курс пилотирования с довольно неплохими показателями.

Еще одним новым членом экипажа была юная гравитехник Тавра Гаядэ, клириканка. Несмотря на то, что девушка сидела с идеально прямой спиной и ничем не выдавала своего волнения, оно присутствовало: у девушки сбивалось дыхание, а пальцы то и дело теребили застежку на кителе. И еще она, как бы невзначай, прислушивалась к болтовне Крыжа, рядом с которым сидела.

Но самой большой проблемой был Хаско Болл. Безопасник прохаживался за спинами команды, будто ожидая Ульяну, чтобы *начать*совещание. Ульяна мысленно показала ему кукиш, бросила быстрый взгляд на Артема и Влада — у обоих чертики плясали в глазах в ожидании разборки.

— Доброго всем дня еще раз, — проговорила Ульяна и заняла никем не занятое место во главе стола. Посмотрела на Болла и указала ему на свободное кресло: — Прошу. Нам предстоит кое-что обсудить, как у нас говорят «на берегу».

И, не тратя больше на безопасника драгоценные минуты, начала брифинг. Краем зрения она отметила, что Болл, фыркнув, занял свое место.

Рутинное повторение полетного задания перешло к обсуждению плана полета.

— Вот здесь хотелось бы послушать господина Болла — потому что, судя по всему, только ему известно, на какие координаты нам надо ориентироваться и куда прокладывать курс.

И все посмотрели на скучающего креонидянина: тот , подперев голову кулаком, полулежал на столе и барабанил пальцем по его поверхности, распуская сине-голубые волны по интерактивному экрану. Взглянув на Ульяну, Хаско замер и отбил более агрессивную дробь:

— Ориентируемся на шестой сектор рукава Щита-Центавра.

Ульяна молчала. Хаско снова увлекся игрой с интерактивной поверхностью стола, надавливая на него с разной силой и ритмом.

— И это все? Точнее данных не будет?

Хаско покачал головой.

В кают-компании повисла вязкая тишина. Экипаж переглядывался; Ульяна изучала профиль креонидянина. Первым не выдержал Тибо — шумно фыркнул и неожиданно поддержал Хаско:

— Не вижу в этом проблемы. Дипломатических контактов с кремноидами у нас нет, картой обитаемых планет мы не владеем. Значит, нам остается оказаться на месте и оглядеться. И дождаться, когда нас заметят и выйдут на связь.

— Как долго? Как долго нам придется ждать и оглядываться? Год? Два? Десять лет? Я вынуждена напомнить, что запас жизнеобеспечения «Фокуса» конечен. Достаточно рано наступит тот момент, когда нам потребуются запасы воды, продуктов питания и дыхательной смеси. Это если сбросить со счетов необходимость дозаправки самого «Фокуса» и понадеяться, что необходимые компоненты топлива мы обнаружим на месте. Так что вынуждена повторить вопрос: как долго нам предстоит ждать контакта?

Она снова перевела взгляд на Хаско.

Тот выпрямился и признался честно:

— Без понятия. Но чем дольше мы собираемся, тем сложнее нам будет туда добраться — вот это я точно знаю. И присутствующая здесь специалист-гравитехник не позволит мне соврать.

Тавра кивнула и покосилась на Крыжа. Тот предложил:

— Можем ввести примерные координаты, ориентируясь на шестой сектор… Кстати, почему именно шестой?

Хаско пожал плечами и снова растянулся, на этот раз опустив подбородок на поставленные друг на друга кулаки.

— Он в центре, — отозвался.

— А… ну да. Мне стоило догадаться, — пробормотал Крыж. — Ну, значит, туда.

Ульяна развела руками, сделала пометку в путевом листе.

— Хорошо, пусть пока будет так. Нам нужно распределить обязанности на борту, мы с вами отправляемся не просто в Дальний космос, а в неисследованные прежде его сектора. Как Первый навигатор, в соответствии с уставом космофлота, руководство экипажем оставляю за собой. Далее, борт-инженеры… Корабль у нас особой конфигурации, биоген и биоморф. Таким образом, обслуживание и контроль работы биогенных элементов корабля остаются за инженером-генетиком Артемом Пауковым, а функционирование программных модулей и бортового оборудования — за Василием Крыжем, он прежде эту должность исполнял и весьма успешно. — Она посмотрела на Крыжа и улыбнулась. — Теперь что касается новых членов экипажа. Согласно протоколу управления «Фокусом», нам нужен навигатор-дублер в навигаторскую группу и навигатор-картограф, он же традиционно отвечает за вооружение. Оно у нас не слишком обширное, но, тем не менее, для работы в дальнем космосе нам оно полагается…

Она посмотрела на Влада, перевела взгляд на Агнара.

Чайка коротко кивнул:

— Я могу вооружение и все железки взять. Крыж введет в курс дела.

Тибо развел руками, согласился без особого энтузиазма, хоть взгляд его и загорелся:

— Я согласен на дублера… Хотя мне это и не по статусу.

— Ну, на маршрутах дальнего следования совершенно не имеет значения, какой пост вы занимаете дома, — Ульяна улыбнулась и посмотрела на Хаско. — Господин Болл, а вы?

Все это время Хаско в задумчивости молчал, изучал отражения на поверхности стола. Казалось, он не слышал ничего. «О чем он думает?» — гадала Ульяна.

— Что я? Моя работа настанет там, куда вы меня доставите. — Он выпрямился и со вздохом поднялся, явно собираясь покинуть совещание. Но, заметив недоумение в глазах присутствующих, замер. — Вы смотрите на меня так, словно я вам что-то должен.

Ульяна покачала головой:

— Нет, так не пойдет. Все на корабле должны выполнять какую-то работу.

— Нет правил без исключений. — Креонидянин снисходительно усмехнулся. — Я здесь для другого. Вон Резников и Тавра тоже не при деле.

Ульяне почудился вызов, с которым он на нее смотрел. Это оказалось неожиданно и неприятно; она ожидала нечто подобное со стороны другого креонидянина, сановника и баловня судьбы Тибо. Однако тот шел на контакт гораздо легче.

— Господин Болл, вы меня провоцируете… — Она растянула губы в ледяной улыбке. — Чем вы могли бы быть полезны? У нас, например, вакантна должность заведующего хозяйственной частью…

Чайка прыснул. У Крыжа резко зачесался лоб; он спрятался за рукой.

Ульяна добавила.

— Есть еще разнорабочий… Но я думала, что на подхвате у нас останется Тавра, у нее все-таки довольно сложный участок работы, связанный с наблюдением за гравитационной установкой и расчетами изменения поля…

Она ожидала, что разгорится конфликт. Уже продумывала пути его разрешения, когда Хаско снова пожал плечами и сообщил равнодушно:

— Ну, если никто из присутствующих не боится быть отравленным, то могу и я стать вашим коком.

И улыбнулся так, что Ульяна невольно засомневалась — правильно ли она поступила, допустив креонидянина во все закоулки своего корабля и к своему камбузу. Но отступать уже было некуда. Она поднялась.

— Что ж, тогда инструкции, как и размещение по каютам на корабле, вам будут высланы по локальной сети, Василий ее настроит… Отбытие по готовности «Фокуса».

Коротко кивнув, Болл первым покинул кают-компанию и исчез за ближайшей дверью в оранжерею корабля. За ним потянулись Влад с Крыжем, оба направились в IT-зону. Резников будто бы очнулся, вздохнул:

— Пойду поем, что ли…

И скрылся за дверью камбуза.

Тавра помялась, будто не решаясь, куда податься, покраснела и решительно направилась в информаторий. Агнар поднялся неторопливо, царственно оправил плащ и фибулу, коротко кивнул Ульяне и ушел за Резниковым, очевидно, также решив подкрепиться.

Ульяна и Артем остались одни. Пауков подошел, встал за спиной девушки и положил руки ей на плечи, поцеловал в висок.

— Ты неплохо держалась, — отметил. — Мне даже не пришлось бросаться тебе на помощь. Вот только не уверен, что с двумя креонидянами на борту у нас не случится изжога.

Ульяна положила затылок на локоть Артема:

— А с одним из них мне придется работать в одной нейросети.

— Ужас. Но я рад, что это хотя бы не Хаско.

Ульяна промолчала. Теон сказал, что доверяет ему. Но он — опытный интриган, да и остается в своем кабинете на "Тольде". Ей же придется доверить Боллу не только свою жизнь, но и жизнь команды, жизнь Артема. Однако креонидянин вел себя так, будто это ничего не значило.

26

Пока Артем проводил диагностику новых членов экипажа и заносил их параметры в медоборудование, Ульяна обустроилась в рубке. Привычно подтянулась в парящее на пневмоподвеске навигаторское кресло, закрепила лианиновые диски — для фиксации соединения собственной нервной сети с нейросетью корабля. Мир на мгновение померк, но в следующий миг приобрел четкость и простоту. Пространство расширилось. Переборки корабля, бортовое оборудование отодвинулось, Ульяна почувствовала себя парящей в космосе. В этом мире не было страхов и полутонов, здесь она могла быть один на один с Пустотой. И сейчас она хотела проверить то, о чем говорил Хаско и молодая клириканка, тенью следовавшая за Крыжем.

Она переключила программу, наблюдая за диагностикой Чайки и Агнара. На мониторе постепенно заполнялась таблица их биопараметров, необходимых для настройки навигаторских кресел: в случае одновременной работы навигаторам нужно научиться не мешать друг другу, а при необходимости усиливать связь с кораблем за счет друг друга. На маршруте процесс связки навигатора с искином корабля контролирует Артем — он снижает активности лианинового полотна или увеличивает его, мониторит состояние здоровья навигатора, чтобы избежать перегрузок и нейротравм. Но базовые параметры нужно внести в базу. Чем, собственно, Артем сейчас и занимался. В последующем он проведет диагностику всех членов экипажа. А на этом этапе нужны пилоты.

Ульяна с интересом наблюдала за диаграммой Агнара Тибо. Во-первых, она была уверена, что спесивый креонидянин заупрямится и откажется от диагностики, сославшись на какие-нибудь внутренние протоколы. И тогда ей пришлось бы импровизировать. Во-вторых, она не ожидала, что биопараметры Агнара будут настолько… стандартными — все-таки он был представителем другой расы. Синапсы у него оказались пластичными, легко адаптируясь к возрастающей нагрузке. И чем выше становилась эта нагрузка, тем сильнее у него выравнивался пульс.

Ульяна улыбнулась догадке: за напускной заносчивостью скрывается обыкновенный молодой мужчина, которому страсть как хочется полетать на «самолетике» вместо скучных политических заседаний. Она уже видела азарт в его глазах, его готовность… подчиниться и работать в команде, что ее немало удивило.

Мельком она взглянула на диаграмму Влада — там все выглядело довольно предсказуемо: сильный, опытный оперативник, хоть и не имел достаточного полетного опыта, имел железные нервы и невероятную выносливость. «Этот вытянет любой переход из принципа», — она заметно успокоилась и сосредоточилась на том, ради чего забралась в кресло.

— Флиппер, мне нужен анализ изменения гравитационных струн по периодам: один месяц, полгода и год. Возьми один и тот же участок, например, наш учебный маршрут номер три от станции «Тамту» до Выжженного поля. Итог покажи таблицей.

Она лениво прокручивала карту в ожидании. Заметила сообщение от Артема: «Мы почти готовы».

Отозвалась едким: «Неужели Тибо не вредничал?»

«Пф! Он забрался в саркофаг раньше Влада!».

«И не вспомнил никаких протоколов, запрещающих доступ к его сановному телу?!»

«Ни разу, сам в шоке».

Она представила, как улыбается Артем, как у него горят глаза и разглаживается морщинка на переносице.

«Чем занимаешься?» — спросил Артем.

«Хочу проверить, не дурит ли нам головы наш новый знакомый Болл».

«И?»

На мониторе появилась первая карта, датированная прошлым годом. Искин «Фокуса» отметил на ней ключевые и поворотные точки, привязал к ориентирам на местности. Следующая карта легла сверху, те же поворотные точки на них сдвинулись, но не существенно: если бы Ульяна не сделала запрос, она бы и не заметила перемены. На следующей карте — параметры снова почти вернулись к прежним. А вот на свежей выглядели так, будто кто-то разлил по карте бензиновые пятна: гравитационные линии закручивались в спирали, переплетались и рвались, извивались водоворотами. Таблица, которую показал ей искин, оказалась испещрена сотней сигнатур и лишь подтверждала очевидное — гравитация рушилась.

«Ты молчишь, и это плохой знак, — напомнил о себе Артем. — Я, кстати, отправил к тебе этих двоих. Смотри, там Болл тоже чешет-волосы-назад по твою душу».

«Пусть идет, мне есть, что ему показать».

«Мне внезапно тоже нужно в рубку, — отбил сообщение Артем. — Без меня мордобой не начинай!»

Ульяна скрепила карту годичной давности с нынешней и повернула голову к мембране гермопереборки, за которой уже показались три долговязые мужские фигуры. Все трое ввалились в рубку под гогот Чайки:

— Зато ты вроде как еще начальник! — он подмигнул Ульяне и отрапортовал: — Паук велел явиться в рубку, говорит, больше для нас ничего сделать не может.

Ульяна свесилась с кресла: курсантскую кличку Артема, конечно, приятелям успел сообщить Крыж. Отметила любопытство, с которым оба креонидянина уставились на экраны.

— Влад и Агнар, занимайте места: слева и справа от меня ваши кресла. — Она кивнула на два рабочих места перед развернутой навигационной картой. — Влад, блок вооружения на правой стойке.

— О, шикарно, — Чайка потер ладони и забрался в кресло, поерзал. — Тесновато… Но ничего, растянем!

И снова захохотал, но тут же осекся и покосился на Ульяну, откашлялся в кулак.

В рубку пробрались Крыж с Артемом.

— Чего, стартуем?

— Почти. — Ульяна снова села прямо, поправила лианиновые контактные диски, закрепленные на висках. — Сейчас только господин Болл нам сообщит координаты…

Тот скривился:

— Вообще-то план был не такой. Я должен был вас доставить на базу службы безопасности, а не сообщать координаты. Они, если вы забыли, секретные, как и сама база...

— Да ну? — Чайка тихо хохотнул. — Ульян. Эти секретные координаты знает каждый оперативник «Ягеля», потому что эти челы ничего сами сделать не могут и постоянно нас гоняют — то поймай кого, то отпусти, то догони, то просто постой рядом, пока они допрашивают по всей строгости закона. Погоди, сейчас все будет.

И он принялся пролистывать каталог транзакционных переходов. Хаско цокнул языком и закатил глаза:

— Наар вэл[38], болтун ты.

Влад усмехнулся:

— Сам такой… Нефиг было цену себе набивать. — Он обернулся через плечо: — Я нашел. Мне самому ввести координаты или предоставить это тебе?

Хаско проворчал:

— Послали же боги помощничка…

Но подошел к рабочему месту Крыжа, в строке курсового администрирования ввел точку, где сейчас находилась станция «Эрроний» и собрался отойти к гостевым креслам.

[38] Naar vel – паразит, засранец (креон.)

— Погодите, господин Болл, — остановила его Ульяна и поманила к себе.

— Хаско, — поправил ее креонидянин. — Меня все зовут Хаско.

Ульяна кивнула:

— Я запомню. Но я бы хотела, чтобы вы взглянули.

И она вывела на центральный монитор последние данные гравитационной карты.

— Так сейчас выглядит темная материя в одном из известных мне секторов. Надо ли говорить, что он стал опасен для навигации? Не могу представить, чтобы такую навигационную погоду можно было бы как-то учесть, выстроить более или менее стабильные курсовые ориентиры и рассчитать данные гравитационного склонения…

— Так я же ровно об этом вам и говорил, — Хаско настороженно смотрел на рыжеволосую землянку.

— Я просто хотела продемонстрировать вам, что «Фокус» прекрасно видит изменения гравитационного поля, и все ваши гипотезы мы с Флиппером можем перепроверить.

Губы Хаско тронула ледяная усмешка:

— Так сильно не доверяете мне? Валяйте, если вам так спокойнее и не дорого время, — он смерил ее тяжелым взглядом, под которым Ульяне стало неловко: что она, в самом деле, к нему цепляется?

Но признаваться в своей неправоте Ульяна не умела.

— Я просто предупреждаю, что я начеку.

Воздух в рубке будто бы заискрился от напряжения.

— Хорошо, — Хаско невозмутимо кивнул, — но тогда и вы учтите, госпожа Рогова: корабль «Фокус» находится в собственности Единой Галактики, а у меня на руках адмиция, позволяющая использовать все ресурсы с целью достижения поставленных передо мной задач. И если мы с вами не найдем общий язык, я вправе ссадить вас и оставить на «Эррониусе» или на любой другой станции. Я тоже начеку.

У Ульяны выбило воздух из легких:

— Что ты сказал? — от захлестнувшего ее гнева она даже перешла на «ты».

— Вы слышали. — Болл сверлил ее взглядом. — Наша миссия — не прогулка, ваш «Фокус» только что подтвердил мои слова. Я — руководитель этой экспедиции, как бы вас это ни раздражало. А чтобы вам было легче усмирить вашу гордыню и начать, наконец, работать, сообщу вам, что ваша родная планета окажется непригодной для жизни гораздо раньше Креониды или Клирика. Уже к концу следующего года, если все будет развиваться теми же темпами, ее орбита сместится и выйдет из зоны «Златовласки» вашей звезды. Надо ли вам пояснять, что это означает? Остался ли у вас кто-то на Земле, за кого вам бы стоило поволноваться?

У девушки перед глазами промелькнул засыпанный снегами городок, серые пятиэтажки, окруженные горбатыми сопками. Где-то среди них — мама с отцом, школьный приятель Жираф и подружки.

Ульяна молчала. Хаско слышал ее сбившееся дыхание, видел бисеринки пота, выступившие по линии роста волос, и пальцы, что нервно теребили лиановое полотно ее навигаторского кресла.

Ему было жаль девушку, он даже в глубине души понимал, отчего она нервничает, отчего в качестве врага выбрала именно его — он, в самом деле, не с того начал знакомство с ней. И он бы постарался действовать тактичнее, если бы у него оставалось на это время.

— Прошу наконец-то лечь на курс, капитан, — сухо произнес он, только сейчас заметив, как накалилось пространство рубки.

Окинув присутствующих взглядом, он занял одно из гостевых кресел и пристегнулся ремнями полевой защиты.

— Иалис, господа…

27

Город внутри ядра холодного гиганта, спрятанный под толщей окаменевшего льда и спрессованной пыли, защищенный от вредоносного дыхания Пустоты, стал идеальным домом для тех, кто наблюдал за всеми процессами, происходящими в Единой Галактике, оставаясь при этом в тени. Вытянутая орбита странника-Деймоса, построенная вокруг центра Млечного Пути, позволяла скрытно перемещаться от системы к системе, фиксировать все информационные потоки и контролировать движение всех транспортных средств. Всю информацию приносил на своих гравитационных волнах Мардук — черная дыра в центре Млечного Пути, заставляющая вращаться густонаселенные рукава галактики. Тончайшая паутина импульсов, что связывала все сущее, прекрасно служила целям ведомства Легрида. Она избавляла его от громоздких подслушивающих устройств, позволяла обходиться без затейливой сети секретных агентов и шпионов. Все, что нужно было Легриду, — это уметь слушать шепот гравитации.

«Фокус» зашел на посадку, руководствуясь ходовыми знаками — яркими серебристыми линиями, которые появились при приближении корабля и активации выданной Боллом сигнатуры. Динамики на мостике ожили, транслируя бестелесный голос, озвучивавший вереницу цифр:

— Ноль один. Сорок. Пять. Двенадцать…

Василий вводил эти цифры, постоянно подтверждая тем самым, что они «свои». Иначе их устранила бы ПВО.

— Спрятались к черту за пазуху, — ворчал он. — Хрен доберешься…

— Сто, одиннадцать, двадцать пять…

Поверхность ожила. Распахнулись лепестки посадочного модуля — перед носом «Фокуса» разверзлась бездонная пасть переходного шлюза.

Ульяна приняла управление, ловко нырнула в образовавшийся лаз, а еще через пять минут пристыковала корабль к станционному пирсу.

Здесь было темно, техническое освещение не горело, пряча зону прилета от любопытных глаз гостей в темноте. У трапа их поджидал робот — горбатая, напоминающая урну, конструкция, снабженная экраном и сенсорной панелью для ввода информации.

— Прошу приложить ладонь для биосканирования, — пискнул аппарат.

Все по очереди прошли через эту процедуру — Болл стоял в стороне и нетерпеливо притопывал, — после чего их допустили во внутренние помещения.

Это была очень просторная и малонаселенная станция. Ульяне даже показалось, что она необитаема.

— А здесь вообще кто-то живет? — спросила, не оборачиваясь.

— Живут и работают, — отозвался Хаско. Он указывал путь, вел спутников в гостевое крыло. Залитый искусственным светом атриум, струящиеся по стенам водопады и обилие зелени. Здесь было уютно. Если бы не ощущение постоянной слежки и полное отсутствие живых обитателей.

— Грустно здесь как-то, — прокомментировал Крыж.

— Мы вроде бы не веселиться прилетели, — напомнил Влад и огляделся в поисках Хаско: его рядом с ними не оказалось.

В гостевом крыле «Эррониуса» им выделили тесный закуток, по обстановке которого сразу стало ясно, что гостей на станции не жалуют и не балуют: один санузел на блок, узкие и жесткие кровати в каютах, холод и духота.

Хаско вернулся через час, выделил им для работы информер, подключенный к локальной сети архива, сам же снова удалился, буквально растворившись в переходах станции. Ульяне

единожды пришло уведомление с центрального шлюза «Фокуса». Кто-то пытался взойти на борт и ввел для этого аварийный протокол, обычно использовавшийся службой спасения.

Заинтересовавшись, Ульяна тихо, не привлекая к себе внимания, поднялась и вышла из тесной комнатенки, в которой, сгрудившись у монитора, расположилась команда, изучая подробный отчет Тимофея о поездке на Рахакму. Она проскользнула по коридору, вернулась в зону прилета и осторожно выглянула из-за угла. Ее предположение оказалось верным: чертыхаясь и ворча, у шлюза

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.